

R U S S I A N

BASIC COURSE

READER

Volume II

June 1971

DEFENSE LANGUAGE INSTITUTE
FOREIGN LANGUAGE CENTER

PREFACE

This collection includes short stories of well-known XIX and XX century Russian writers as well as those from the contemporary Soviet period.

The original texts have been adapted and abridged.

The short stories in this Reader have been arranged in the order of increasing difficulty and are intended for use in intermediate and advanced phases of the Russian Basic Course.

A vocabulary comprising words and idiomatic expressions not familiar to all students is supplied at the end of each story.

TABLE OF CONTENTS

<u>Story</u>	<u>Author</u>	<u>Page</u>
The Station Master	A.S.Pushkin	3
The Shot	A.S.Pushkin	24
The Queen of Spades	A.S.Pushkin	45
The Captain's Daughter	A.S.Pushkin	71
The Captive of the Caucasus	L.N.Tolstoy	135
At the Summer House	A.P.Chekhov	150
Fat and Thin	A.P.Chekhov	157
The Fine	L.S.Lench	163
Tonya	I.A.Ilf and E.P.Petrov	177
Snow	K.G.Paustovsky	242
The Fate of a Man	M.A.Sholokhov	258

Александр Сергеевич

ПУШКИН

1799 ~ 1837

Александр Сергеевич Пушкин — великий поэт, прозаик и драматург, родоначальник русской художественной литературы, создатель современного русского литературного языка.

Пушкин родился в Москве. Принадлежал к старинному дворянскому роду. С 1811 по 1817 г. учился в Царскосельском лицее.

В печати первое стихотворение Пушкина появилось в 1814 году. К 1820 г., когда он написал поэму "Руслан и Людмила", Пушкин был уже сложившимся поэтом.

За свои политические эпиграммы был выслан из Петербурга (1820 г.) на юг.

В южной ссылке были созданы романтические поэмы "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Братья разбойники", "Цыганы".

В 1824 г. Пушкин был сослан в имение отца — село Михайловское. Там была написана историческая трагедия "Борис Годунов" и несколько глав романа в стихах "Евгений Онегин", который является первым русским реалистическим романом.

В 1826 г. Пушкин вернулся из ссылки. С 1826 по 1830 гг. были созданы "Полтава", "Домик в Коломне", "Повести Белкина". В 30-х годах в творчестве Пушкина преобладает проза ("Дубровский", "Пиковая дама", "Капитанская дочка" и др.). В это же время им создана поэма "Медный всадник".

Пушкин основал журнал "Современник", ставший лучшим периодическим изданием XIX века.

27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен на дуэли и умер 29 января 1837 года.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

ПО А.С.ПУШКИНУ

1. Дуня

Это было летом в 1816 году. Мне нужно было проехать через городок Н. Я был уже недалек от станции, когда пошел сильный дождь. Я приехал на станцию весь мокрый от дождя. Мне было холодно, и я хотел переменить одежду и выпить чаю.

- Дуня! - позвал станционный смотритель, - принеси самовар! При этих словах в комнату вошла девушка лет четырнадцати. Какая она была красавица!

- Это твоя дочь? - спросил я смотрителя. - Да, - ответил смотритель и с любовью посмотрел на нее. - Моя Дуня девушка умная, добрая и хозяйка хорошая. Порядок любит. Вся в мать.

Дуня пошла за самоваром. Я дал отцу Дуня мой паспорт, а сам начал осматривать комнату станционного смотрителя. Всё в комнате было чисто и даже красиво. На окнах цветы, на стенках картинки, в углу кровать. Везде был порядок. Через несколько минут Дуня пришла с самоваром. Маленькая красавица заметила, что она очень понравилась мне. Она посмотрела на меня своими большими светлыми глазами и

мы начали разговаривать. Дуня говорила со мной просто и уверенно. Видно было, что она привыкла разговаривать с проезжими людьми и что она их не боялась.

Я пригласил зрителя и его дочь выпить со мной чаю. Мы с Дуней пили чай, а отцу я дал вина. Мы долго сидели за столом и разговаривали, как старые друзья. Через некоторое время дождь прошёл. Мне нужно было ехать дальше, но я не хотел уезжать от зрителя и его дочери. Наконец я попрощался. Отец пожал мне руку и пожелал мне всего хорошего. Дочь вышла за мной. Мои лошади были уже готовы. Мы вышли из дома. Я посмотрел на маленькую красавицу и спросил её:

- Дуня, можно тебя поцеловать? - Да, можно, - просто ответила Дуня. Мы остановились у дома и я поцеловал её. Этот поцелуй я долго помнил.

2. Опять у зрителя

Прошло несколько лет. Мне опять нужно было проехать через городок Н. По дороге я думал, как хорошо будет снова увидеть зрителя и его дочь. С этими мыслями я подъезжал к станции. Мои лошади остановились у дома зрителя. Я открыл дверь и вошёл в комнату, которую так хорошо помнил. Стол и кровать стояли на том же месте, но на окнах не было

цветов. Я посмотрел кругом и сейчас же заметил, что комната была уже не та; не тот порядок, не так чисто. По всему видно было, что в доме не было хозяйки.

Смотритель спал. Я стоял у его кровати и не знал, что делать. Через несколько минут он открыл глаза и встал. Передо мной стоял старый, больной человек. Я с трудом узнал станционного смотрителя.

Что стало с ним? Ведь прошло только три года. Как мог он за это короткое время стать таким стариком? С тяжёлым сердцем я смотрел на больного старика, на его усталое лицо и печальные глаза.

- Ты меня не узнаешь? - спросил я его, - мы ведь старые друзья!

- Может быть, - ответил он сердитым голосом. -
- Здесь дорога большая. Много людей проезжает.

- А как Дуня? - продолжал я спрашивать.

- Бог её знает, - ответил он сердито.

- Где же она? Вышла замуж? - спросил я опять. Старик ничего не ответил, как будто не слышал меня. Я больше ничего не спрашивал и только попросил его принести мне чаю.

Прошло некоторое время. Старик вернулся с самоваром. Мы сели за стол. Я начал пить чай, а старику дал вина. Он выпил один стакан, а потом другой. По-немногу, от вина его лицо стало яснее. Он больше не

сердился и даже говорить стал другим голосом. Видно было, что он теперь узнал меня.

- Так вы помните мою Дуню? - сказал он. - Ах, Дуня, Дуня! Что за девушка была. Все проезжие её любили. Иногда останавливались пообедать, а ведь только хотели на Дуню посмотреть и с ней поговорить! С какой нежностью бедный зритель говорил о своей дочери.

Я дал ему ещё один стакан вина. Он сидел в молчании. Видно было, что он думал о своей дочери.

- Иногда приезжает барин усталый и сердитый, но как только Дуня приходит в комнату, барин на неё посмотрит и больше не сердится. Как я любил мою Дуню! Но кончилось и наше счастье и я потерял свою дочь.

Тут он начал рассказывать о своём несчастье.

3. Рассказ зрителя

Это было три года тому назад. Однажды поздно вечером, когда Дуня сидела в своей комнате и шила себе платье, к дому подъехала тройка. Проезжий, в высокой шапке и военной форме, с большим шумом вошёл в комнату и начал кричать: "Где лошади? Мне нужно ехать дальше. Дайте мне сейчас же лошадей!" - Лошадей не было. Дуня привыкла к таким сценам. Как только она услышала шум, она выбежала из своей

кóмнаты и спросила проёзжего:

- Не хотíte ли пообёдать, бáрин?

- Хорошó, - сказа́л он, - пообёдать мо́жно. Я о́чень голоден.

Проёзжий смотре́л на красáвицу Ду́ню и ви́дно бы́ло, что он бо́льше не серди́лся. Он снял ша́пку и свою́ мо́крую оде́жду. Это был высóкий краси́вый офице́р с больш́ими тёмными глаза́ми. Он сел на скаме́йку и на́чал разговáривать со смотре́телем и его́ до́черью.

- Иди́, Дуня́ша, принеси́ обёд, - сказа́л смотре́тель. - Ба́рин о́чень го́лоден. Ду́ня принесла́ обёд. Ме́жду тем пришл́и ло́шади. Смотрíteль пошёл посмотре́ть, гото́ва ли трóйка для молодóго офице́ра. Когда́ он верну́лся, молодóй проёзжий лежа́л на скаме́йке. Ему́ бы́ло о́чень пло́хо. У него́ си́льно болела́ голова́. Что де́лать?

Смотрíteль положи́л больно́го на свою́ кровáть. Прошлó не́сколько часóв, но офице́ру не ста́ло лу́чше. У него́ всё ещё болела́ голова́ и он не мог ёхать да́льше. Ду́ня не отходи́ла от больно́го. Она́ всё вре́мя сидела́ у его́ кровáти и шила́. Больно́й ча́сто проси́л пить, и ка́ждый раз, когда́ Ду́ня подава́ла ему́ холóдный квас, он жал ей ру́ку и до́лго смотре́л на неё свои́ми тёмными глаза́ми. При смотре́теле больно́й офице́р не говори́л почти́ ни сло́ва. Каза́лось, что ему́ бы́ло о́чень

плохо, но он всё-таки выпил два стака́на ча́ю и пообе́дал с большо́м аппети́том.

На друго́й день больно́му ста́ло х́уже. Смотри́тель посла́л за до́ктором. К обе́ду прие́хал до́ктор. Он нача́л счита́ть пульс больно́го, посмотре́л ему́ в го́рло, погово́рил с ним не́сколько мину́т по-фра́нцу́зски, а по́том сказа́л смотри́телю по-ру́сски: — Ваш прое́зжий о́чень бо́лен. Ему́ нельзя́ продо́лжать пое́здку. Он до́лжен лежа́ть в кровáти не́сколько дней.

Молодо́й офице́р дал до́ктору два́дцать рубли́ей за визи́т и пригласи́л его́ пообе́дать с ним. До́ктор согласи́лся. По́дали обе́д. До́ктор и офице́р е́ли с большо́м аппети́том и выпили мно́го вина́. До́ктору ну́жно бы́ло е́хать да́льше. Он кре́пко пожа́л офице́ру ру́ку и они́ попрощáлись.

Проше́л ещё оди́н день. Больно́му ста́ло лу́чше. По все́му до́му мо́жно бы́ло слы́шать сме́х офице́ра. Он пел пе́сни, грóмко смея́лся и весе́ло разговáривал с прое́зжими. Он все́м о́чень нра́вился. А до́брому смотри́телю да́же жаль ста́ло, что офице́р до́лжен ско́ро уе́хать.

4. Отъе́зд офице́ра

Прише́л день отъе́зда. Бы́ло о́чень тепло́. День был я́сный. На небе́ ни одно́го о́блака. Ду́ня стоя́ла у до́ма и весе́ло разговáривала с сосе́дями. На ней

было новое платье. Было воскресенье и она хотела идти в церковь. Тройка была готова. Офицер попрощался со смотрителем, поблагодарил его и хорошо за всё заплатил. Он подошёл к Дуне, попрощался с ней и спросил её:

- Вы, Дуня, в церковь идёте? До церкви, кажется, далеко. Не хотите ли вы со мной поехать? Нам ведь по дороге. Дуня ничего не отвечала.

- Что же ты молчишь, Дуняша? Поблагодари баarina. До церкви далеко. Поезжай с баарином. Ведь баарин не волк, - бояться нечего ... Поезжай, Дуняша. Дуня села около офицера и они быстро поехали. Прошёл час, другой. Смотритель сидел дома и, как всегда, ждал свою дочь. Но Дуня всё не было. Наконец он сам пришёл в церковь. Когда смотритель подходил к церкви, две старухи прошли мимо него.

- Дуняшу мою не видели сегодня? - спросил он. - Нет, не видели, - ответили старухи и пошли дальше. Когда смотритель подошёл ближе, он увидел, что у церкви никого не было. Он вошёл в церковь. Там было темно. Только у икон горело несколько свечей. Дуня в церкви не было. "Где Дуня?" - подумал старик. - "Может быть она пошла к соседям? Может быть она поехала с офицером до другой станции? Но нет! Ведь Дуня всегда приходила из церкви прямо домой". У него

кружилась голова. Всё было как в тумане и он не мог ничего понять. Бедный смотритель пришёл домой ни живым, ни мёртвым. К вечеру вернулась тройка без Дуня.

- Ваша Дуня уехала с офицером. - Это было всё, что ему сказал кучер. Бедный отец не понимал, как он мог сам послать Дуню с офицером. Ведь он сам ей сказал, что бояться нечего. Как мог он быть таким слепым? Как жить ему без Дуня?

Тяжело было бедному смотрителю. Он опасно заболел. Тот же доктор приехал к нему. Бедный смотритель лежал в той же комнате, где несколько дней тому назад его дочь, Дуня, подавала молодому офицеру квас.

Старик рассказал доктору о своём несчастье и тогда доктор сказал ему: "Когда я сюда приехал, офицер сказал мне по-французски, что он не хочет уезжать отсюда. Ваша дочь ему очень понравилась. Он просил меня сказать вам, что он так опасно болен, что не может ехать дальше. Я сначала не соглашался, но ваш проезжий показал мне свой пистолет. Я очень испугался и не знал, что делать. Поэтому я вам тогда ничего об этом не сказал." Теперь бедному отцу всё стало ясно. Он всё понял. Старик горько заплакал.

5. Смотритель ищет дочь

Старик долго болел, но к концу лета ему стало лучше. Это было тяжёлое время для старого смотрителя. С утра до вечера старик думал о своей дочери. Как только он закрывал глаза, перед ним стоял молодой офицер, который увёз его дочь. Из паспорта офицера смотритель знал, что имя его Минский. Смотритель даже помнил, что Минский ехал из Смоленска в Петербург. По ночам старик не мог спать. Мысли о его несчастной дочери приходили ему в голову одна за другой. Он вспоминал все разговоры офицера с его дочерью, его весёлые песни, его громкий смех. Старик теперь вспомнил, как офицер любил сидеть около Дуняши, как много он ей рассказывал о жизни в Петербурге. "Кучер мне сказал, что моя бедная Дуняша всю дорогу плакала. Может быть моя Дуняша хочет вернуться домой. Мне нужно идти в Петербург искать мою Дуню".

Раз поздно ночью, когда кругом всё было тихо, старик открыл дверь и вышел из дома. Только луна освещала тёмную улицу. Бедный отец пошёл пешком в Петербург.

Там жил его друг, старый сержант, которого он знал уже много лет. Смотритель остановился у него в доме. На другой день он начал искать Минского. Старик скоро узнал, где живёт офицер, и рано утром

пошёл к нему. У дверей большого дома, где жил Минский, стоял швейцар. Старик подошёл к нему:

- Скажи моему барину, что старый солдат хочет его видеть и с ним поговорить. Твой барин меня хорошо знает.

- Никак нельзя. Барин спит. Теперь слишком рано. Он встает в десять часов.

Старик должен был уйти, но он вернулся в десять часов. Швейцар открыл дверь и показал ему куда идти. Минский скоро вышел к нему.

- Что тебе нужно? - спросил офицер. Кажется, что Минский не узнал смотрителя. Со слезами на глазах старик тихо сказал:

- Где моя дочь? Отдайте мне её. Зачем вам Дуня? Как мне без неё жить? ... Отдайте мне мою Дуню ...

Минский быстро повёл старика в свою комнату и закрыл за ним дверь. - Мне тебя жаль, - сказал Минский, - я знаю, как тебе тяжело. Я знаю, что тебе трудно без Дуня, но и я без неё жить не могу. Дуня не может к тебе вернуться. Теперь поздно об этом думать. Зачем она тебе? Дуня меня любит. Она привыкла к жизни в Петербурге. Подумай только: что за жизнь для неё будет теперь у тебя на маленькой станции?

Старик стоял и слушал. Он не мог сказать ни слова. Офицер ещё долго рассказывал, как счастлива Дуня, как она привыкла к своему дому и к красивым вещам и как она любит свою новую жизнь в этом большом городе. Потом офицер вложил отцу что-то в руку и открыл ему дверь. Смотритель вышел на улицу. Некоторое время он стоял перед домом, как во сне. Вдруг он заметил, что у него в руках деньги. Ему их дал офицер, который увёз его дочь. Со слезами на глазах бедный отец смотрел на деньги. Пять ... десять ... пятнадцать рублей

Горько и обидно было старику. Он сердито бросил деньги на землю и быстро пошёл по улице. Через минуту он остановился, подумал и вернулся. Но денег на земле больше не было. Хорошо одетый молодой человек поднял деньги. Старый смотритель это видел, но ничего не сделал.

6. Отец и дочь

На другой день смотритель решил вернуться домой на свою станцию. "Только бы ещё раз увидеть мою Дуню", - думал бедный отец, - "только бы в последний раз на неё посмотреть". Через два дня он снова пошёл к дому Минского. Старик подошёл к дверям и постучал. Швейцар вышел к нему и сердито закричал:

- Зачём опять пришёл? Что тебе здесь нужно?

- Твой ба́рин до́ма? Мне ну́жно его́ ви́деть, - спроси́л стари́к.

- Я сказа́л тебе́, что сюда́ нельзя́. Ба́рина нет до́ма.

Швейца́р вы́толкнул бе́дного смотре́теля на у́лицу и закры́л за ним дверь. Но стари́к всё ещё не уходи́л. Он стои́л на у́лице перед закры́той двéрью и ду́мал о своём несча́стье.

В тот же ве́чер смотре́тель пошёл в це́рковь. Он до́лго стои́л перед ико́ной и моли́лся. Он моли́лся за своё́ бе́дную Ду́ню. Наконе́ц он ви́шел из це́ркви и ме́дленно пошёл до́мой. Был пра́здник и на у́лицах бы́ло мно́го люде́й. Вдруг ми́мо него́ бы́стро прое́хал молодо́й офице́р. Э́то был Ми́нский. Стари́к сейча́с же узна́л его́. Трё́йка Ми́нского остано́вилась перед вы́соким до́мом недалеко́ от це́ркви. Смотри́тель ви́дел, что Ми́нский вошёл в дом. Счастли́вая мысль пришла́ ему́ в го́лову. Он подошёл к до́му, куда́ вошёл Ми́нский, и спроси́л ку́чера:

- Скажи́ мне, чьи э́то ло́шади, не Ми́нского-ли?

- А ты почему́ спра́шиваешь? Зачём тебе́ знать?

- Твой ба́рин проси́л меня́ переда́ть Ду́не э́то письмо́, а я вот не зна́ю, где живёт Ду́ня.

- Здесь она́ живёт, в э́том до́ме, - отве́тил ку́чер.

- Тóлько слiшком пóздно ты пришёл с письмóм. Тепёрь он сам у неё.

-Ну, что же? Дéлать нéчего. Жаль, что я опоздал, но всё равно, я дóлжен передáть письмó.

С éтими словáми смотрiтель подошёл к двéри дóма и постуцáл. Прошлó нéсколько тяжёлых секúнд. Молодáя служáнка открýла ему́ дверь и он вошёл в тёмный коридóр.

- Что вам нýжно? - спросiла его́ служáнка Дúни.

- Твоя́ хозяйка дóма? - тiхо спросiл старiк.

- Да, она́ дóма.

- У меня́ для неё письмó.

- К ней тепёрь нельзя́, - сказа́ла служáнка. - Ты мóжешь дать мне письмó. У неё тепёрь гость.

Старiк ничегó не отвéтил. Он бýстро прошёл мiмо служáнки, подошёл к друго́й двéри и открýл её.

Перед ним была́ большáя свётлая кóмната. Никогдá старiк не вiдел тако́й красiвой кóмнаты и так мнóго прекрасных вещей. Но глазá смотрiтеля остановiлись на Дúне. Дúня сидéла на дивáне. Она́ была́ одéта по послéдней мóде. Молодо́й офицёр держáл её рúку, и она́ с любóвью смотре́ла ему́ в глазá. Бédный отéц! Никогдá его́ дочь не каза́лась ему́ тако́й красiвой.

- Кто там? - спросiла Дúня. Старiк молчáл. Дúня

подняла голову, узнала его, закричала и упала на пол.

Минский начал её поднимать и тоже увидел старого отца, который всё ещё стоял у двери.

- Что тебе здесь нужно? - сердито закричал он.

- Что ты за мной везде ходишь? Сейчас же уходи отсюда! - Минский открыл дверь и сильной рукой вытолкнул старика в коридор. Бедный отец долго ходил по шумным улицам Петербурга. Поздно вечером он пришёл домой. Всю ночь смотритель говорил со своим другом, сержантом, о своём несчастье.

На другой день он занял деньги у своего друга и уехал из Петербурга домой, на свою станцию. "Вот уже три года, как я живу без Дуня", продолжал рассказывать старик. - "Хорошо ли ей теперь, или плохо - ничего не знаю. Жива ли она или нет, - только Бог знает. Я часто думаю, что много в Петербурге таких девушек, как моя Дуня. Сегодня им хорошо, а завтра смотришь, - они на улице. Иногда я даже думаю, что лучше ей умереть. Сам моей дочери могилы желаю."

Так кончил свой печальный рассказ мой старый друг, станционный смотритель.

Во время рассказа он часто останавливался, горько плакал, - и пил вино стакан за стаканом. Его слёзы сильно тронули моё сердце. Когда я, наконец, уехал, я ещё долго думал о бедном старике и его дочери.

7. Кладбище

Неда́вно я остано́вился в ма́ленькой дере́вне, неда́леко́ от го́рода Н., и вспо́мнил о моём дру́ге. Я ста́рался узнáть, что ста́ло с несча́стным стари́ком, но я то́лько узнáл, что его́ ста́нции уже́ бо́льше нет. Когда́ я спроси́л, жив ли ста́рый смотре́тель, никто́ не мог мне да́ть отве́та. Я о́чень хоте́л сно́ва уви́деть моего́ дру́га и́ли услы́шать что́-нибудь о нём. В дере́вне мне да́ли лошаде́й и я реши́л пое́хать в го́род Н.

Бы́ло хо́лодно. На небе́ бы́ли те́мные ту́чи. Я остано́вился у до́ма, где не́сколько лет тому́ наза́д я поцелова́л Ду́ню.

Я до́лго сто́ял у двéри и стуча́л. Из до́ма вы́шла молодáя же́нщина и спроси́ла, что мне ну́жно.

- Смотре́тель до́ма? - спроси́л я.

- Он у́мер год тому́ наза́д.

- Отчего́ же он у́мер?

- Сли́шком мно́го пил.

Я нача́л жалéть о моéй поéздке и о семи́ рубля́х, кото́рые я запла́тил за лошаде́й.

- А где его́ моги́ла? - спроси́л я о́пять.

- Недалеко́ отсю́да, ба́рин.

- Не мо́жет ли кто́-нибудь показáть мне доро́гу на кладби́ще?

- Можно. Эй, Ванька, - закричала она. - Иди с баарином на кладбище. Он хочет видеть могилу смотрителя.

Из дома выбежал мальчик лет десяти.

- Ты знал смотрителя? - спросил я мальчика.

- Как не знать? Я знал его хорошо. Добрый он был. Любил играть с нами, и все дети его очень любили.

Мы вместе пошли на кладбище.

- Проезжие его помнят? Спрашивают иногда о нём? - спросил я.

- Теперь у нас проезжих мало, но вот летом приезжала дама. Она о нём спрашивала. Приходила к нему на могилу.

- Какая дама? Расскажи мне, - спросил я мальчика.

- Красивая дама, - ответил мальчик, - богатая и добрая. Приезжала она сюда с тремя маленькими детьми, со служанкой и со старым лакеем. Барыня стала спрашивать о смотрителе, и, когда ей сказали, что он умер, она начала плакать и сказала своим детям, что ей нужно пойти на кладбище. - Я хотел ей показать, где кладбище, но она сказала: - "самая дорога знаю", и дала мне рубль. Такая добрая была дама.

Мы пришли на кладбище. Я никогда не видел такого печального места: ни цветов на могиле, ни даже забора вокруг кладбища.

- Вот моги́ла ста́рого смотре́теля, - сказа́л мне ма́льчик и показа́л на моги́лу, над кото́рой сто́ял то́лько крест с ма́ленькой ико́ной.

- И она́ приходи́ла сюда́? - спроси́л я.

- Приходи́ла, - о́пять нача́л расска́зывать ма́льчик. - Я смотре́л на неё отсю́да. Она́ краси́вые цветы́ принесла́ и на моги́лу положи́ла; сама́ на моги́ле лежа́ла и пла́кала. Потóм она́ пошла́ в це́рковь, там до́лго моли́лась; мно́го де́нег дала́ для це́ркви и уе́хала.

Ма́льчик убежа́л домо́й, а я ещё до́лго сто́ял у моги́лы смотре́теля. На небе́ бы́ли те́мные тучи́. Ско́ро поше́л ма́ленький дождь. Ста́ло темно́. Бы́ло по́здно, и мне ну́жно бы́ло е́хать да́льше. Мои́ ло́шади бы́ли гото́вы, и я уе́хал из городка́ Н.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СТАНЦИО́ННЫЙ СМОТРИ́ТЕЛЬ"

Глава 1

мо́крый	wet
вся в мать	just like (her) mother, living image of her mother
уве́ренно	confidently, assuredly
ви́дно	is seen, one can (could) see
прое́зжие лю́ди	transients, passers-by
не́который	some, certain
<u>проща́ться</u> <u>попроща́ться</u>	to bid farewell, to say good-bye
<u>пожима́ть</u> <u>пожа́ть</u>	to shake (a hand), squeeze
<u>жела́ть</u> <u>пожела́ть</u>	to wish
<u>целова́ть</u> <u>поцелова́ть</u>	to kiss
поцелу́й	kiss

Глава 2

сно́ва	once again, anew
мысль (f.)	thought, idea
круго́м	around
по все́му́	by all indications, by everything
стари́к	old man (старуха -old woman)
уста́лый	tired

лицо́ (р1. лица)	face
печа́льный	sad
серди́тый	angry, sullen
как бу́дто	as if
поне́мнóгу	little by little
не́жность	tenderness
молча́ние	silence
несча́стье	misfortune, trouble, ill luck

Глава 3

одна́жды	once, once upon a time
тро́йка	team of three horses
ша́пка	fur cap
<u>крича́ть</u> крикну́ть	to shout, yell emit a yell
закрича́ть	to scream
сце́на	scene, outburst of temper, stage (theater)
квас	kvass (Russian homemade sour beverage)
пульс	pulse
визи́т	visit, call (medical)
<u>соглаша́ться</u> согласи́ться	to agree, consent
кре́пко	firmly, strongly
сме́х	laughter
пе́сня	song

Глава 4

<u>благодарить</u> поблагодарить	to thank
волк	wolf
ико́на	icon
свеча́	candle
<u>кружиться</u> закружиться	to spin, whirl
ку́чер	coachman
слепо́й	blind
пистолёт	pistol
<u>пугаться</u> испугаться	to get frightened
го́рько	bitterly
<u>пла́кать</u> заплакать	to cry, weep

Глава 5

несча́стный	unfortunate, unlucky, unhappy
<u>вспоминать</u> вспомнить	to recollect, recall
<u>освещать</u> осветить	to illuminate, light up
швейца́р	doorman
каза́лось	it seemed
слеза́ (р1. слёзы)	tear, tears
<u>вкладывать</u> вложить	to insert
оби́дно	hurting(ly)

Глава 6

вытáлкивать
вы́толкнуть

to push out, force out

моли́ться
помоли́ться

to pray

стуца́ть
постуца́ть

to knock

служáнка

female servant

гость

guest, visitor

мо́да

fashion, mode, style

держáть
подержáть

to hold, keep

шумный

noisy

моги́ла

grave

трога́ть
тро́нуть

to affect, touch
(to move - emotional)

Глава 7

кладбище

cemetery

что́-нибудь

something

жалéть
пожалéть

to regret, be sorry

крест

cross

В Ы С Т Р Е Л

по А.С.ПУШКИНУ

1. Наш друг Сильвио

Я был тогда офицером и мы жили в маленьком городке. Все знают жизнь офицера: утром мы учим солдат, потом обед в ресторане, а вечером вино и карты.

В этом городе мы никого не знали. Не было ни одного дома, куда мы могли бы ходить в гости. Молодых девушек было мало, и даже в карты мы всё время играли только друг с другом.

Но у нас там был один знакомый. Он не был военным. Ему было около тридцати пяти лет, и нам, молодым офицерам, казалось, что он уже стар.

Это был умный, красивый и уверенный в себе человек. Он не любил много говорить и никогда не рассказывал нам о своей жизни. Видно было, что у него была какая-то тайна, и нам, молодым офицерам, это, конечно, очень нравилось. Наш знакомый казался русским, но имя его было не русское. Его звали Сильвио.

Сильвио был раньше офицером. Никто не знал, почему он теперь жил в этом маленьком городе. Никто не знал, богатый ли был Сильвио человек или бедный.

Иногда у него было много денег, и тогда он жил богато. Иногда же денег у него было мало, но для нас, офицеров, его дом был всегда открыт. Мы у него часто обедали. К обеду всегда было очень много вина и часто даже шампанское.

Квартира у Сильвио была маленькая и бедная, но везде было много книг. Сильвио любил читать военные книги и сентиментальные романы и он давал их нашим офицерам. У него была большая коллекция пистолетов, и он прекрасно стрелял.

Как все офицеры, мы часто разговаривали о дуэлях. Сильвио не любил этих разговоров. Иногда мы просили его:

— Расскажите нам, Сильвио, о ваших дуэлях.

— Да, иногда дуэли были, — холодно отвечал Сильвио.

Мы, конечно, заметили, что ему неприятно было об этом говорить, но мы ещё больше хотели узнать его тайну.

Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили, как всегда, очень много вина. После обеда мы сказали нашему хозяину, что мы

хотім играть в карты. Нам подали карты, и мы начали играть.

Сильвио почти никогда не играл, но в этот вечер он держал банк и записывал счёт.

За столом сидел молодой офицер, который недавно приехал в этот город. Мы его мало знали, и он был у Сильвио в первый раз. Всем было очень весело. Мы пели песни, пили вино и шампанское и много смеялись.

Сильвио продолжал держать банк и записывать счёт. Вдруг молодой человек посмотрел на Сильвио и сказал:

— Мне кажется, что вы сделали ошибку .

Сильвио ничего не ответил и продолжал записывать счёт. Молодой человек сказал ему ещё раз, что он сделал ошибку в счёте. Сильвио опять ничего не ответил, даже не посмотрел на офицера и продолжал писать. Эта сцена нам казалась очень весёлой, и мы громко смеялись. Тогда офицер, весь красный от игры и от шампанского, встал и бросил в Сильвио стакан вина, который он держал в руке. Стакан упал на пол.

Блédный и сердитый, Сильвио подошёл к офицеру и тихо сказал:

— Сейчас же уходите отсюда. Благодарите Бога,

что это случилось у меня в доме .

Мы все, конечно, видели эту сцену, но мы не сказали ни одного слова и скоро ушли домой. Мы ждали дуэли.

2. Отъезд Сильвио

На другой день мы спрашивали друг друга: "Ну, что? Жив ли ещё бедный офицер?"

Но скоро этот офицер сам подошёл к нам. Он был очень весел и даже смеялся. Мы все начали его спрашивать:

— Ну, как? Расскажите! Когда была дуэль? Где Сильвио?

— Никакой дуэли не было, — ответил молодой человек. — Сильвио не послал ко мне секунданта.

Прошло три дня. Дуэли не было. Офицер был ещё жив.

Скоро мы узнали, что у Сильвио с офицером был разговор и, что инцидент был ликвидирован. Прошло ещё некоторое время, никто об этой истории больше не говорил и всё было по-старому.

Но я не мог понять, почему у Сильвио не было дуэли с офицером.

Сильвио меня очень любил, и мы часто встречались. Но после этого несчастного вечера я приходил

к Сильвио не так часто, как раньше. Мой друг это скоро заметил.

Раз Сильвио пришёл к нам, офицерам, и сказал:— Я только что был на почте и получил письмо от старого друга. Мне нужно сегодня вечером уехать. Приходите все ко мне в гости. Мы пообедаем у меня в последний раз, выпьем шампанского и попрощаемся.

Когда я пришёл к Сильвио, наши офицеры были уже там. Всё было готово к отъезду. На стенах не было больше его пистолетов.

Мы сели за стол. Хозяин был очень весел. Мы много пили, пели песни, рассказывали анекдоты и весело смеялись.

Было поздно. Сильвио нужно было ехать. Мы пожелали ему много счастья, попрощались с ним и начали уходить. У двери Сильвио остановил меня:

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он тихо. Все гости ушли, а я остался.

Несколько минут Сильвио сидел в молчании. Я заметил тревогу на его бледном лице. Потом Сильвио посмотрел на меня и сказал:

— Я уезжаю сегодня вечером, но перед отъездом я хочу с вами поговорить и хочу вам всё рассказать. Вы ведь заметили, что мне всё равно, что обо мне думают другие офицеры. Я вас всегда любил и мы были

хорошими друзьями. Не думайте и теперь плохо обо мне .

Он остановился. Опять было неприятное для меня молчание.

— Вы, конечно, знаете, — продолжал Сильвио, — что мне нетрудно было бы убить на дуэли этого молодого офицера. Я ведь лучше его умею стрелять. Все это знают. Его жизнь была в моих руках, но я не хотел драться. Знаете ли вы, что шесть лет тому назад я получил пощечину и мой враг ещё жив?

Я не мог понять моего друга.

— Вы с ним не дрались? — спросил я.

— Да, я с ним дрался. Вот посмотрите, что у меня осталось от этой дуэли.

Сильвио вышел из комнаты, но через минуту вернулся. На голове у него была красная офицерская шапка. Я сейчас же заметил, что эта шапка была прострелена.

3. Дуэль

Сильвио молчал несколько минут и курил трубку. Он держал в руках свою красную шапку и смотрел на то место, где она была прострелена.

— Я тоже был раньше офицером, — продолжал рассказывать Сильвио. — Вы ведь хорошо знаете мой характер: я всегда люблю везде быть первым. Я часто

играл в карты, много пил и прекрасно стрелял.

Дуэли были в большой моде, когда я был молодым, и я тоже часто дрался на дуэлях.

Не только наши офицеры, но даже командиры меня очень любили. Но вот однажды к нам приехал молодой офицер. Я не могу сказать вам его имени. По всему видно было, что он из хорошей семьи и что он очень богат.

Подумайте: молодой человек из богатой семьи, умный, красивый и веселый. Весь город его знал. Денег у него было много. Что это был за счастливый человек!

Наши офицеры его любили, и он, конечно, очень нравился женщинам. Вы легко можете понять, как мне это было неприятно.

Однажды мы все были на балу в одном богатом доме. Я заметил, что наш новый знакомый очень понравился хозяйке дома, и что она всё время с ним танцевала. Хозяйка дома была красивая женщина и она мне самому давно нравилась.

Молодой человек стоял около неё. Они шутили, смеялись и весело разговаривали друг с другом. Я был так сердит, что подошёл к молодому офицеру и начал громко смеяться над ним. Кровь бросилась офицеру в голову, и он дал мне пощечину.

Мы бросились друг на друга. Все гости начали кричать. Поднялся шум. В эту же ночь у нас была дуэль.

Я стоял с моими секундантами и ждал молодого офицера. Было ещё темно. Через некоторое время я увидел его. Он шёл пешком со своим секундантом. Он держал в руках шапку, в которой были вишни, а секундант нес его пистолеты.

Скоро всё было готово для дуэли. Я должен был стрелять первым, но моя тревога была так сильна, что я не был уверен в себе и сказал офицеру:

— Мне всё равно. Вы можете стрелять первым, если хотите.

Офицер не согласился. Тогда один из наших секундантов сказал, что у него в шапке два номера. Кто возьмёт первый номер, тот стреляет первым.

Молодой человек положил руку в шапку. У него был первый номер. Офицер посмотрел на меня, поднял свой пистолет и выстрелил. Он прострелил шапку, которую я вам только что показал.

Теперь мне нужно было стрелять. Его жизнь была в моих руках. Я стоял против него в молчании и смотрел на него. Я так хотел заметить на его лице тревогу. Я так хотел видеть, что он боится. Но, нет! Подумайте только: уверенный и веселый, он стоял под моим пистолетом и ел свои вишни!

— Для чего брать у него жизнь? — думал я. — Ведь видно, что он не боится смерти. Я бросил пистолет.

— Мне кажется, что вам всё равно — жить или умереть, — сказал я моему врагу. — Я не хочу вам мешать. Продолжайте есть ваши вишни. Желаю вам хорошего аппетита!

— Вы мне совсем не мешаете, — ответил офицер. — Вы можете стрелять. Если вы не хотите стрелять сегодня, можете стрелять завтра или же в другой раз. Выстрел ваш. Я всегда готов.

Я сказал секундантам, что сегодня стрелять не хочу. Так кончилась наша дуэль.

Скоро после этого я ушёл из армии. С того времени я живу в этом маленьком городке.

Вы знаете, каждый день я думаю об этой дуэли и о моём выстреле.

Сильвио показал мне письмо, которое он получил утром и дал мне его прочитать. В письме ему писали о свадьбе одного офицера.

— Вы, конечно, понимаете, кто этот офицер, — сказал Сильвио. — Вот почему я сегодня ночью еду в Москву. У него скоро свадьба. Пришло время для моего выстрела. Да, я долго ждал этого дня. Теперь пришёл мой час.

Сильвио сердито бросил на пол красную шапку,

которую прострелил его молодой враг. Он начал, как тигр, ходить по комнате. Как жестоко было его лицо!

Вошёл лакей. "Лошади готовы, барин. Можно ехать." Мы вышли на улицу. Сильвио попрощался со мной. Он ещё раз посмотрел на меня и сказал:

— Теперь вы, конечно, понимаете, почему я не хотел драться с офицером, который бросил в меня стакан с вином. Мне нужно было жить для этой минуты.

Тройка уехала. Я стоял на улице один. Ночь была тихая. Одна за другой мысли проходили в моей голове. Мысли о Сильвио, о его тайне ... о его дуэли ... обо всём, что он мне только что рассказывал.

Когда я вернулся домой, перед моими глазами всё ещё было жестокое лицо Сильвио.

4. В деревне

Прошло несколько лет. Я ушёл из армии и жил в маленькой деревне. Мне не нравилась эта новая жизнь. Я часто думал о весёлой и шумной жизни офицера.

Я вставал очень поздно. До обеда у меня всегда было много работы, но по вечерам, когда я оставался один, я не знал, что делать. Мои соседи мне не нравились, и я никогда не ходил к ним в гости. Так тяжело мне было жить в этой деревне одному — без друзей, что я иногда даже пил. Но и от этого мне

не становилось лучше, а только болела голова.

Недалеко от меня была деревня графини Б. В доме графини жил только её старый лакей. После того как графиня вышла замуж, она уехала с мужем в Петербург.

Однажды за обедом я, как всегда, попросил моего лакея рассказать мне, что нового. Лакей мне ответил:

— Много у нас нового, барин. Говорят, что графиня на лето приехала в свою деревню.

Я был очень рад, когда узнал, что графиня с мужем приехали. Через несколько дней я поехал к ним в гости.

Мои лошади остановились у дома моих новых соседей. Я вошёл в дом. Лакей повёл меня в комнату графа и попросил меня подождать. В этой большой комнате было много дорогих вещей, много книг и картин.

Минут через пять вошёл граф. Ему было не больше тридцати лет. Он поздоровался и попросил меня сесть.

Мне приятно было сидеть и разговаривать с этим человеком. Мы говорили обо всём, будто мы знали друг друга всю жизнь и будто всегда были хорошими друзьями.

Минут через десять в комнату вошла графиня. Это была красивая молодая женщина. Граф познакомил нас, и она тоже начала весело со мной разговаривать.

Я так давно не был в гостях и так давно не говорил с молодыми женщинами, что когда графиня вошла, мне трудно было продолжать разговор. Я начал ходить по комнате и смотреть на книги и картины.

Я всегда любил книги и много читал по-русски и по-французски, но о картинах я знал очень мало. Вдруг я остановился у одной картины и начал смотреть на неё.

Я заметил эту картину не потому, что она мне понравилась больше других, а потому что я увидел, что в одном месте её прострелили два раза.

- Вот хороший выстрел, - сказал я графу и показал на место, куда попали эти выстрелы.

- Да, выстрел хороший ... Вы хорошо стреляете? - спросил граф.

- Не плохо. А как вы, граф, любите стрелять?

- Я раньше много стрелял, - ответил граф, - но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета.

- Да, конечно, я это хорошо понимаю, - продолжал я. - Когда я был офицером, мы стреляли три или четыре раза в день. У меня был один друг, который стрелял лучше всех наших офицеров. Как только мой друг видел муху на столе, он кричал своему лакею: "Эй, Кузька! Скорее, принеси мой пистолет. Муха на

столé!" Вы смеётесь, графиня, но это так и было.

Графиня весело смеялась.

- Ну, что же было? Рассказывайте дальше, - продолжала она спрашивать.

- Лакей Кузька приносил пистолет, мой друг брал его и бах! - Прямо в муху.

Граф и графиня громко смеялись, когда я встал и показал им, как мой друг стрелял в муху.

- Да, я вижу, что ваш друг умел прекрасно стрелять, - сказал граф. - Скажите, как его звали?

- Я не думаю, граф, что вы знаете моего друга. Он уже тогда не был офицером. Его звали Сильвио.

- Сильвио, - кричал граф. - Нет, не может быть! Вы сказали Сильвио?

- Вы его знали, граф? Сильвио был моим лучшим другом. Я его очень любил. Сильвио прекрасно стрелял.

- Знал ли я Сильвио?... Да, конечно. Как мне не знать Сильвио? - продолжал граф. - Скажите, он вам не рассказывал о том, что было однажды на балу в одном доме?

- Вы говорите, граф, о пощечине, которую Сильвио получил от одного офицера, и о дуэли?

- Да, конечно! Сказал ли вам Сильвио имя этого офицера?

- Нет, этого он мне не хотёл сказать. Но, скажите, граф, не вы ли это?

- Да, это был я сам. Говорил ли вам Сильвио, что я видел его ещё раз и что здесь, в этой комнате, мы продолжали нашу дуэль? Вы ведь заметили эту картину, которая прострелена два раза в одном месте?

- Боже мой! Не рассказывай ничего. Я даже и теперь боюсь слушать об этом, - сказала графиня.

- Нет, дорогая. Мне нужно всё рассказать. Ведь наш сосед и Сильвио были хорошими друзьями.

Граф сел ближе ко мне и начал свой рассказ.

5. Рассказ графа

Пять лет тому назад после нашей свадьбы мы приехали сюда. Это было самое счастливое время моей жизни.

Однажды графиня и я ехали верхом. Вдруг лошадь графини остановилась и не хотела идти дальше.

- Вечер тёплый, ещё светло и небо ясное. Возьми с собой мою лошадь, а я хочу пойти пешком, - попросила меня жена.

Когда я подъехал к дому, лакей сказал мне, что у нас гость. Наш гость не хотёл сказать лакею своего

имени, но он ждал меня в моей комнате.

Было уже темно. Я вошёл в комнату и увидел человека, стоявшего у окна. Мой гость подошёл ко мне и спросил тихим голосом:

— Вы меня узнаете, граф?

Я смотрел на него. Мне казалось, что я его встречал раньше.

— Сильвио! — закричал я, узнав гостя.

— Да, граф. Это я — Сильвио. Хорошо, что вы меня ещё не забыли. Вы помните нашу дуэль? Помните, что я тогда не стрелял. Вот теперь я приехал за своим выстрелом.

Я не знал, что ответить, и стоял молча. Потом я подошёл к окну и сказал:

— Стреляйте как можно скорее. Моя жена может вернуться каждую минуту. Стреляйте, Сильвио!

Он меня не слушал и ходил медленно по комнате.

— Здесь слишком темно. Принесите свечи, — сказал Сильвио.

Лакей принёс свечи. Я быстро закрыл дверь и сказал лакею, что никому теперь нельзя входить в мою комнату. Я ещё раз попросил Сильвио сейчас же стрелять.

Он держал в руке пистолет и начал медленно

считáть: "раз ... два ... три ..."

Я тóже считáл секундн. Я думáл о женé. Сильвио всё ещё не стрелял.

— Я жалéю, граф, что у вас нет пистолéта, сказа́л он. — Иди́те и принесите ваш пистолéт. Ведь это дуэль. Да напишите два нóмера, как это б́ло пять лет тому́ наза́д. Кто возьмёт пёрвый нóмер, тот стреляет пёрвым. Пóмните, граф?

Я не хотел согласиться, но бо́лся, что мо́я женá мóжет войти́ в кóмнату кáждую мину́ту. Я б́стро принёс пистолéт, написа́л два нóмера и положи́л их в ша́пку. У меня́ о́пять был пёрвый нóмер.

— Счастли́вый вы человек, граф, — сказа́л Сильвио. Он сто́ял прóтив меня́ и жестóко смея́лся. Я всё ещё пóмню éтот смех.

Это была́ са́мая тяжёлая мину́та в моéй жи́зни. Я вы́стрелил. Сла́ва Бо́гу! Мой вы́стрел попал не в Сильвио, а вот в éту карти́ну.

Граф показа́л на карти́ну. Его́ молодáя женá, вся блéдная, сидéла и слóшала рассказ гра́фа.

Сильвио сто́ял против меня́, — продолжа́л граф, и смотре́л на меня́ свои́ми жестóкими глаза́ми. Его́ лицó горéло. Он нача́л мéдленно поднима́ть свой пистолéт.

Вдруг дверь открýлась, и вошла́ мо́я женá. Уви́дев

нас с пистолётами в руках, она остановилась у двери.

— Не бойся, моя милая, — сказал я жене, — это была только шутка. Иди в другую комнату и выпей стакан холодной воды. Приходи потом сюда и поговори с моим старым другом. Он может тебе рассказать о нашей офицерской жизни.

Маша не хотела уходить. Она боялась.

— Скажите, так ли это? — спросила она у Сильвио.

— Графиня, я вижу, что ваш муж любит шутить, — холодно ответил Сильвио. — Однажды в гостях он дал мне пощечину. В другой раз он в шутку выстрелил в эту красную шапку. Видите вы это? — Сильвио показал графине то место в шапке, куда попал мой выстрел много лет тому назад.

— Я чуть не умер от этой шутки, — продолжал он. — Вот теперь я подумал, что, может быть, мне тоже можно в шутку выстрелить в вашего мужа.

Сильвио снова поднял свой пистолет. Моя бедная жена упала к его ногам и начала плакать.

— Встань, Маша, — закричал я, — этого нельзя делать! Чего вы ждёте, Сильвио? Стреляйте!

— Зачем же теперь стрелять, граф? Теперь я доволен. Я видел, как вы боялись. Ваша жена плакала у моих ног. Это всё, что мне нужно. Нет, теперь стрелять я больше не хочу.

Жестокий Сильвио открыл дверь. Но у двери он остановился и быстро посмотрел кругом. Его глаза остановились на картине, в которую попал мой выстрел несколько минут тому назад.

Сильвио поднял свой пистолет и выстрелил в то же самое место ...

Граф кончил свой рассказ. Скоро я попрощался с моими новыми соседями и вернулся домой.

Я никогда больше не видел Сильвио.

СЛОВАРЬ К РАССКАЗУ "ВЫСТРЕЛ"

Глава 1

друг друга	each other
старик	an old man
уверенный уверен	sure, confident
видно	apparently, one can see
тайна	secret, mystery
<u>казаться</u> <u>показаться</u>	to seem
шампанское	champagne
<u>держать</u> поддержать	to hold, keep
<u>петь</u> <u>спеть</u>	to sing
песня	song
сцена	scene, stage
бледный	pale

Глава 2

отъезд	departure
некоторое время	some time
по-старому	as before; as of old
несчастный	unfortunate, unhappy
<u>прощаться</u> попрощаться	to bid farewell, to say good-bye

остава́ться
оста́ться

to stay, remain

молча́ние

silence

трево́га

alarm, alert

всё равно́

all the same

дра́ться
подра́ться

to fight

пощёчина

slap in the face

ша́пка

cap

прострели́ть (perf.)

to shoot through

Глава 3

характе́р

disposition, character

мо́да

fashion

танцевáть

to dance

сам

oneself

кровь (f)

blood

бросáться
бро́ситься

to rush, dash

шум

noise

нести́-носи́ть
поне́сти

to carry

соглаша́ться
согласи́ться

to agree

смерть (f)

death

враг	enemy
<u>мешать</u> помешать	to hinder, disturb, to mix
жестокий	cruel, brutal
лошадь (f)	horse
мысль (f)	thought, idea

Глава 4

граф	count, earl
графиня	countess
(как) будто	as if
муха	fly
лучший	the best

Глава 5

верхом	on horseback, mounted
как можно скорее	as soon as possible
свеча	candle
желать	to wish
<u>приносить</u> принести	to bring
смех	laughter
самый тот самый	the most the same
<u>гореть</u> сгореть	to burn
милый	nice, kind, dear
шутка	joke

П И К О В А Я Д А М А

по А.С. ПУШКИНУ

1. Тайна трёх карт

Однажды у гвардейского офицера Нарумова играли в карты. Долгая зимняя ночь прошла; гости сели ужинать в пять часов утра. Когда подали шампанское, разговор оживился и все приняли в нём участие.

- Посмотрите на Германа! - сказал один из гостей, указывая на молодого военного инженера: - он никогда не брал карты в руки, никогда не сыграл ни одной партии, а до пяти часов утра сидит с нами и смотрит на нашу игру!

- Меня очень интересует карточная игра, но я не могу рисковать деньгами, - сказал Герман.

Герман расчётливый немец, вот и всё, - заметил Томский. - Но меня удивляет, почему моя бабушка, графиня Н., не играет в карты!

- Что же тут удивительного, - сказал Нарумов, - что восьмидесятилетняя старуха не играет в карты?

- Так вы ничего не знаете? - спросил Тóмский.

- Нет! Ничего!

- О, так послушайте, - и Тóмский рассказа́л слéдующее:

- Лет шестьдесят тому́ наза́д моя́ ба́бушка была́ о́чень краси́ва, е́здила в Пари́ж и имела́ большо́й успе́х. Сам Ришельё уха́живал за ней. В то вре́мя да́мы игра́ли в фарао́н*. Одна́жды она́ проигра́ла герцо́гу Орлеа́нско-му о́чень мно́го де́нег и не могла́ запла́тить. При́ехав домо́й, ба́бушка объя́вила де́душке ско́лько она́ проигра́ла и прика́зала запла́тить. Поко́йный де́душка о́чень лю́бил ба́бушку, но и бо́ялся её как огня́; одна́ко, услы́шав о тако́м ужа́сном про́игрыше, он катего́рически отка́злся пла́тить. Ба́бушка дала́ ему пощёчину и пошла́ спать.

На друго́й день не помогли́ ни угро́зы, ни угово́ры. Де́душка пла́тить не согла́шался. Ба́бушка не зна́ла, что де́лать. Она́ была́ хорошо́ знако́ма с оди́м замеча́тельным челове́ком. Вы слы́шали о гра́фе Сен-Жерме́не, о кото́ром рассказывают так мно́го интере́сного? Вы зна́ете, что он называ́л себя́ алхи́миком? Над ним смея́лись, как над шарлата́ном, а Казано́ва в свои́х запи́сках говори́т, что он был шпио́ном. В о́бществе

* назва́ние ка́рточной игры́

Сен-Жермэн был человекъ очень пріятный. Бабушка до сих поръ очень любитъ его и сердится, если о немъ плохо говорятъ. Бабушка знала, что Сен-Жермэн былъ очень богатъ. Она решила просить у него денегъ и написала ему записку съ просьбой немедленно к ней приехать. Графъ приехалъ сейчасъ же, выслушалъ её просьбу и задумался. "Я могу дать вамъ эту сумму, — сказалъ он, — но я знаю, что тогда вы не будете спокойны, пока не вернете мне денегъ; а я не хочу, чтобы вы беспокоились. Есть другой путь: вы можете отыграться." —

"Но, дорогой графъ, — отвѣтила бабушка, — я говорю вамъ, что у меня совсемъ нетъ денегъ". — "Деньги здесь не нужны, — продолжалъ Сен-Жермэн, — выслушайте меня". Тут он открылъ ей тайну, за которую каждый из насъ дорого бы далъ ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку и продолжалъ.

— В тотъ же самый вечеръ бабушка поехала в Версаль. Герцогъ Орлеанскій велъ игру; бабушка извинилась, что не привезла своего долга, и села с ним играть. Она выбрала три карты и они выиграли одна за другой. Такимъ образомъ бабушка совершенно отыгралась.

— Случай! — сказалъ одинъ изъ гостей.

- Сказка! - заметил Герман.

- Как! - сказал Нарумов, - у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты подряд, а ты до сих пор не знаешь этой тайны?

- Нет! - ответил Томский. - У неё было четверо сыновей, в том числе и мой отец, но никому из них она не открыла своей тайны. Говорят, что однажды она открыла тайну трёх карт покойному Чаплицкому. Когда Чаплицкий был ещё молодым человеком, он проиграл в карты около трёхсот тысяч и был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к молодым людям, почему-то пожалела Чаплицкого. Она назвала ему три карты, взяв с него честное слово, что он никогда не будет больше играть. Чаплицкий поставил три карты одну за другой и все три карты выиграл. Он отыгрался и остался ещё в выигрыше ... Однако пора спать: уже без четверти шесть.

Наступило утро. Молодые люди допили свои рюмки и развехались по домам.

2. Компаньонка графини

Старая графиня Н. сидела перед зеркалом. Три служанки окружали её. Графиня сохранила все привычки своей молодости и одевалась так же долго, как и

шестьдесят лет тому назад. У окна сидела за книгой молодая девушка — компаньонка графини. Её звали Елизавета Ивановна. Через некоторое время графиня со своими служанками вышла из комнаты. Елизавета Ивановна осталась одна; она отложила книгу в сторону и стала смотреть в окно. Вскоре на другой стороне улицы из-за углового дома появился молодой офицер. Она покраснела, взяла свою книгу и низко наклонила над ним голову. В это время вошла графиня.

— Прикажи, Лизанька, — сказала она, — подавать карету, мы поедем прогуляться.

— Сейчас! — ответила тихо девушка и побежала в переднюю.

— Лизанька, Лизанька! Куда ты бежишь?

— Одеваться.

— Успеешь. Садись сюда и почитай вслух ...

Девушка взяла книгу и прочитала несколько строк.

— Громче! — сказала графиня. — Что с тобой? У тебя такой слабый голос.

Елизавета Ивановна стала читать громче.

Когда она прочитала две страницы, графиня сказала:

— Брось, какая чепуха!.. Готова карета?

— Карета готова, — ответила Елизавета Ивановна,

посмотрев на улицу.

- Почему ты не одета? - спросила графиня, - всегда нужно тебя ждать!

Лиза побежала в свою комнату. Не прошло и двух минут, как графиня начала звонить в колокольчик. Три девушки одновременно вбежали в дверь.

- Почему не приходите сразу, - закричала на них графиня. - Скажите Елизавете Ивановне, что я её жду.

Елизавета Ивановна вошла, одетая и в шляпке.

- Наконец! - сказала графиня. - А какая погода? Кажется ветер. Откройте окно. Так и есть: ветер! И очень холодный! Лизанька, мы не поедem: не надо было одеваться.

- И вот моя жизнь! - подумала Елизавета Ивановна.

В самом деле, Елизавета Ивановна была очень несчастна. Графиня Н., конечно, не была злой, но она была капризной и холодной эгоисткой. Она и теперь ещё ездила на балы, на которых сидела в углу, одетая по старинной моде. Елизавета Ивановна была домашней мученицей. Она подавала чай и получала выговоры за лишний расход сахара; она читала вслух книги и была виновата во всех ошибках автора; она ездила с графиней на прогулки и отвечала за погоду

и за мостовую. В обществе все её знали и никто не замечал. На балах она танцевала только тогда, когда не было пары. Часто, оставшись одна, она плакала в своей бедной комнате, где стояли только комод, зеркало и деревянная крашеная кровать.

3. Герман

За неделю перед описанной сценой, Елизавета Ивановна сидела с книгой у окна. Посмотрев на улицу, она увидела напротив молодого военного инженера. Он стоял неподвижно и смотрел на её окно. Она опустила голову и занялась работой; через пять минут посмотрела опять, — молодой человек стоял на том же месте. Она перестала смотреть на улицу и читала около двух часов, не поднимая головы. Пóдали обед. Она встала и, посмотрев на улицу, опять увидела офицера. Это её удивило.

Дня через два, выходя с графиней, чтобы сесть в карету, она снова увидела офицера. Он стоял у самого дома. Возвращаясь домой, она подбежала к окну, — офицер стоял на том же месте и смотрел на неё.

Пóсле этого каждый день молодой человек, в определённое время, появлялся под окнами их дома.

Работая у окна, она чувствовала его приближение, — поднимала голову и смотрела на него всё дольше и дольше. Через неделю она ему улыбнулась ...

Герман был сыном немца, который долго жил в России. Отец, когда умер, оставил ему маленький капитал. Герман не расходовал капитала и процентов с него; он жил только на своё жалованье и не позволял себе никаких лишних расходов. В душе он был игроком, но никогда не брал карт в руки. Он решил, что его состояние не позволяет ему рисковать деньгами в карточной игре.

Однако рассказ о трёх картах всю ночь не давал ему покоя. На другой день, вечером, гуляя по Петербургу, Герман случайно вышел на одну из главных улиц и подошёл к богатому, освещённому дому.

— Чей это дом? — спросил он у швейцара.

— Графини Н. — ответил швейцар.

Герман остановился около дома, думая об его хозяйке и её тайне. Он поздно вернулся домой, и в эту ночь видел во сне карты, зелёный стол и горы золота. Он ставил карту за картой, и всё время выигрывал ... Проснулся он поздно и пошёл опять ходить по городу. Неизвестная сила опять привела его к дому графини Н. Он остановился и стал смотреть на окна.

В одно́м окнѣ он уви́дел го́лову де́вушки, наклонѣнную над кни́гой или рабо́той. Де́вушка посмотре́ла в окно́ и уви́дела его́. Эта мину́та реши́ла его́ судьбу́.

4. В спальне графини

Когда́ Елизавета Ива́новна сняла́ пальто́ и шляпу, графиня́ посла́ла за ней и приказáла о́пять подава́ть карѣту. Онѝ пошли́ садѣться в карѣту. Выйдя на у́лицу, Елизавета Ива́новна о́пять уви́дела молодого́ офице́ра. Проходя́ ми́мо, он взял её за́ руку и передал ей письмо́. Она́ положи́ла письмо́ в карма́н и всю доро́гу о́чень волну́лась. До́ма она́ прочита́ла э́то письмо́; в нём Ге́рман писа́л о своѣй любви́. Э́то пе́рвое письмо́ она́ верну́ла, ви́бросив его́ в окно́ с ма́ленькой запиской, в кото́рой она́ проси́ла ей бо́льше не писа́ть. Но Ге́рман не перестáл писа́ть. Елизавета Ива́новна ка́ждый день получа́ла от него́ пи́сьма. Потóм Елизавета Ива́новна ста́ла на них отвеча́ть. Наконѣц она́ бросила ему́ в окно́ слѣдующее письмо́:

"Сего́дня бал у англѣйского посла́. Графиня́ бу́дет там. Я еду́ с ней и мы оста́немся на балу́ часо́в до двух но́чи. Вот вам возмо́жность встрѣтить меня́. Приходи́те сюда́ в полови́не двена́дцатого. Иди́те пря́мо на ле́стницу. Вы никого́ не встрѣтите. Из пе́редней

идите налево до спальни графини. В спальне есть две маленьких двери: правая в кабинет, куда графиня никогда не ходит, а левая дверь в коридор с узкой лестницей. Войдите в левую дверь и поднимитесь по лестнице. Она ведёт в мою комнату. Там ждите меня, пока я не вернусь с бала".

Герман с волнением ожидал назначенного времени. Ровно в половине двенадцатого он подошёл к дому графини и вошёл в ярко освещённую переднюю. Там никого не было. В зале и в гостиной было темно. Герман прошёл их и вошёл в спальню. Старинные диваны и кресла стояли около стен. В углу за ширмой стояла железная кровать. Справа была дверь в кабинет, слева другая - в коридор. Герман её открыл и увидел узкую лестницу, которая вела в комнату Елизаветы Ивановны ... Но он вернулся и вошёл в кабинет.

Время шло медленно. Всё было тихо. В гостиной часы пробили двенадцать. Герман стоял в тёмном кабинете за полузакрытой дверью и ждал. Он был спокоен. Часы пробили час, потом два часа и, наконец, он услышал шум подъезжающей кареты. Карета подъехала к дому и остановилась. В спальню вошла старая графиня и села в кресло. Елизавета Ивановна прошла в свою комнату. Герман услышал её лёгкие шаги по ступеням лестницы. Спальня графини была слабо

освещенá. Графíня сидела в кресле, шевеля губáми и качаясь направо и налево.

Гэрман тíхо вышел из кабинета и подошел к ней.

- Не бóйтесь, - сказал он тíхим гóлосом. - Я вам ничегó не сделаю, я пришёл просить вас о пóмощи.

Старуха мóлча смотрела на него и, казалась, не понимáла его.

- Вы мóжете сделать меня богáтым, - сказал Гэрман. - Я знаю, что вы знáете три кáрты ...

Гэрман остановился. Графíня, казалась, поняла его и искала слов для отвéта.

- Это была шúтка, - сказала она наконец. - Поверьте мне, это была шúтка!

- Это неправда, - сердито сказал Гэрман. - Вспóмните Чаплицкого, котóрому вы помогли. Назовите мне эти три кáрты.

Графíня молчала. Гэрман упáл на колéни.

- Для когó вам хранить вáшу тáйну? Не откажите мне в прóсьбе! Откройте мне вáшу тáйну! Подумайте, вы стары, жить вам уже недóлго ... Счастье человека находится в вáших руках. Не тóлько я, но и дети мой бóдут благодарить вас ...

Старуха не отвечáла ни слóва.

Гёрман встал.

- Стáрая вéдьма! - сердито сказа́л он. - Я за-
ста́влю тебя́ отвеча́ть ...

С э́тими слова́ми он вы́нул из карма́на пистоле́т. При ви́де пистоле́та гра́финя подняла́ ру́ку, как бу́дто защища́ясь от вы́стрела ... пото́м вдруг упáла на спи́нку крэ́сла и оста́лась без движе́ния.

- Не притворя́йтесь! Я спра́шиваю в послед́ний раз, - сказа́л Гёрман и взял её за́ руку. - Вы назо-
вёте мне ва́ши три ка́рты? Да и́ли нет?

Гра́финя не отвеча́ла. Рука́ её была́ холодна́, как лёд. Гёрман уви́дел, что она́ умерла́.

5. Разби́тая любóвь

Елизавета́ Ива́новна сидéла одна́ в своéй ко́мнате. Приéхав домо́й, она́ с волне́нием вошла́ к себе́ в ко́мнату, наде́ясь найти́ там Гёрмана. С пёрвого взгля́да она́ уви́дела, что его́ нет. Она́ сéла, не раздева́ясь, и ста́ла воспомина́ть всю стра́нную исто́рию своего́ знако́мства. Она́ ви́дела Гёрмана, зна́ла его́ и́мя то́лько потому́, что он подпи́сывал не́которые свои́ пи́сьма, но она́ никогда́ с ним не говори́ла, не слы́хала его́ го́лоса. Она́ си-
дéла до́лго ...

Вдруг дверь отворилась и Герман вошёл.

- Где же вы были? - спросила она испуганным шепотом.

- В спальне у старой графини, - ответил Герман.

- Я сейчас от неё. Графиня умерла.

- Боже мой!.. Что вы говорите?..

- И кажется, - продолжал Герман, - я виноват в её смерти.

Герман сел на окно около неё и рассказывал всё.

Елизавета Ивановна слушала его с ужасом. Значит, все эти страстные письма о любви были ложью. Его желание познакомиться с ней, прийти к ней, всё это не было любовью! Денег, - вот чего он хотел! Бедная девушка была только невольной помощницей убийцы!.. Она заплакала. Герман смотрел на неё молча. Слезы бедной девушки не трогали его сердца, он не чувствовал жалости при мысли о мёртвой старухе. Его мучила только потеря тайны, от которой он ожидал богатства.

- Вы чудовище! - сказала наконец Елизавета Ивановна.

- Я не хотел её смерти, - ответил Герман, - пистолет мой не заряжен.

Она замолчала. Становилось светло. Наступило утро.

Елизавета Ивановна посмотрела на Германа. Он сидел на окне, скрестив руки на груди. В этой позе он напоминал портрет Наполеона.

- Как вам выйти из дома? - сказала наконец Елизавета Ивановна. - Я думаю провести вас по лестнице, но для этого надо идти через спальню, а я боюсь.

- Расскажите мне, как найти эту лестницу, и я выйду сам.

Елизавета Ивановна встала, вынула из комода ключ, дала его Германи и рассказала, как найти выход. Герман взял ключ и вышел. Он сошел вниз по лестнице и вошел опять в спальню графини. Мертвая старуха сидела в кресле. Лицо ее было спокойно. Герман остановился и долго смотрел на нее. Наконец он прошел в кабинет, открыл ключом дверь, и по темному коридору вышел на улицу.

6. Призрак графини

Через три дня, в девять часов утра, Герман пошел в монастырь, где в гробу лежало тело умершей графини. Герман был очень суеверным. Смерть графини не давала ему покоя и он решил пойти на ее похороны, чтобы попросить у нее прощения.

Церковь была полна. Герман с трудом прошёл сквозь толпу народа. Гроб стоял на возвышении посреди церкви. Графиня лежала в нём, с руками, сложенными на груди, в белом атласном платье.

Церковная служба кончилась. Родственники и знакомые стали подходить прощаться к гробу. Наконец, Герман тоже решился подойти. Он взошёл на ступени возвышения и наклонился, чтобы поцеловать лоб мёртвой графини. В эту минуту ему показалось, что она открыла один глаз и насмешливо посмотрела на него. Герман отступил назад и упал на пол. Его подняли. В то же время Елизавету Ивановну принесли в обмороке из церкви.

Целый день Герман был очень расстроен. За обедом в ресторане он выпил много вина. Возвратясь домой, он лёг, не раздеваясь, на кровать, и скоро заснул. Он проснулся ночью: луна освещала его комнату. Он посмотрел на часы. Было без четверти три. Сон у него прошёл. Он сел на кровать и стал думать о похоронах графини.

В это время за дверью он слышал незнакомые шаги. Кто-то шёл тихо, шаркая туфлями. Дверь открылась и вошла женщина в белом платье. Герман посмотрел и узнал графиню!

- Я пришла к тебе, потому что мне приказано

исполнить твою просьбу, — сказала она. — Тройка, семёрка и туз выиграют тебе подряд, но ты должен поставить только одну карту в сутки, и всю жизнь потом больше не играть. Прощаю тебе мою смерть, но с условием, что ты женишься на Елизавете Ивановне ...

С этими словами она повернулась и тихо вышла из комнаты. Герман долго не мог прийти в себя. Он вышел в другую комнату. Никого нигде не было. Дверь на улицу была заперта.

7. Роковая карта

В доме Чекалинского собирались богатые игроки. Сам Чекалинский провёл всю свою жизнь, играя в карты. Он имел хорошую репутацию и двери его дома были открыты для всех.

Однажды вечером Нарумов привёз к нему Германа. Они прямо прошли в гостиную, где за длинным столом сидел хозяин дома Чекалинский и держал банк. Около него было человек двадцать игроков.

Нарумов представил ему Германа. Чекалинский пожал ему руку, и со словами — "Будьте как дома", — продолжал игру.

— Позвольте поставить карту, — сказал Герман. Чекалинский улыбнулся и молча поклонился в знак

согласия. Герман выбрал карту и мелом написал на столе цифру.

- Сколько? Простите, я не вижу, - спросил хозяин.

- Сорок семь тысяч, - ответил Герман. При этих словах все головы повернулись в сторону Германа.

- Он с ума сошёл, - подумал Нарумов, услышав сумму, которую назвал Герман.

- Эта сумма велика. Я должен вас предупредить, что мы играем только на деньги, - сказал Чекалинский. Герман вынул из кармана деньги и дал их Чекалинскому, который сосчитал их и положил на карту Германа.

Чекалинский начал сдавать карты. Направо легла десятка, налево тройка.

- Выиграла! - сказал Герман, показывая свою карту.

Чекалинский на секунду остановился, но затем, улыбаясь, спросил Германа:

- Хотите получить?

- Пожалуйста, - ответил Герман.

Чекалинский вынул деньги из кармана и передал их Герману. Герман взял деньги и уехал домой.

На другой день вечером, он опять приехал к

Чекалинскому. Он опять поставил на карту сорок семь тысяч и весь свой вчерашний выигрыш. Чекалинский сдал карты. Валёт лёг направо, семёрка налево. Герман открыл семёрку.

Все ахнули. Чекалинский смутился. Он отсчитал девяносто четыре тысячи и передал Герману. Герман спокойно принял их и сразу ушёл.

На третий вечер Герман опять появился у карточного стола. Все его ожидали. Генералы оставили вист, чтобы видеть такую необыкновенную игру. Офицеры встали с диванов. Официанты собрались в гостиной. Все окружили Германа. Герман взял карту и покрыл её горой денег. Это было похоже на дуэль.

Чекалинский стал сдавать. Руки у него дрожали. Направо легла дама, налево туз.

- Туз выиграл! - сказал Герман, и открыл свою карту.

- Ваша дама бита, - сказал Чекалинский.

Герман вздрогнул. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он ошибиться. Вместо туза у него была пиковая дама. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама посмотрела на него и улыбнулась ...

- Старуха! - закричал он с ужасом.

Чекалинский взял со стола свой выигрыш. Герман

стоял неподвижно, потом он медленно отошёл от стола.

Чекалинский стасовал карты и игра продолжалась.

Заключение

Герман сошёл с ума. Он сидит в больнице, не отвечает ни на какие вопросы, и всё время повторяет:
"Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!.."

Елизавета Ивановна вышла замуж за хорошего молодого человека. Он где-то служит и довольно богат.

СЛОВАРЬ К РАССКАЗУ "ПЬКОВАЯ ДАМА"

Глава 1

та́йна	secret, mystery
гварде́йский	elite, guard
<u>оживля́ться</u> оживи́ться	to become lively
<u>рисковáть</u> рискнóть	to risk, take a gambling chance
расчётливы́й	calculating, thrifty, economy minded
<u>удивля́ть</u> удиви́ть	to surprise, astonish, amaze
удиви́тельный	surprising, astonishing, amazing
ухаживать за (+ Instr.)	to court
<u>проигрыва́ть</u> проигра́ть	to lose (in sports, cards, competition)
поко́йный	deceased
одна́ко	however, nevertheless, yet
про́игрыш	loss
категори́чески	categorically
угро́за	treat, menace
уговóры	persuasion
шарлатáн	sharlatan, impostor, cheat
запи́ска	note
шпио́н	spy
<u>задума́ваться</u> зادуматься	to muse, be preoccupied with thought

сúмма	sum, amount
<u>оты́грывать</u> оты́грать	to win back
<u>удва́ивать</u> удво́ить	to double
ска́зка	fairy tale, fable
<u>уга́дывать</u> угада́ть	to guess
подря́д	in a row, one after another
че́тверо	foursome, group of four
отча́яние	despair
че́стный	honest, honorable
вы́игрыш	winnings
рю́мка	wine glass

Глава 2

<u>о́кружать</u> о́кружить	to surround
<u>сохраня́ть</u> сохрани́ть	to preserve
привы́чка	habit
мо́лодость (f.)	youth
вско́ре	soon (after)
углово́й	corner (Adj.)
<u>красне́ть</u> покрасне́ть	to blush
<u>накло́нять</u> накло́нить	to bend, tilt
каре́та	coach, carriage
чепуха́	nonsense, rubbish

колоко́льчик	bell (small handbell)
одновре́менно	simultaneously, at the same time
злой	wicked; malicious, mean
ста́ринный	ancient, old-fashioned, antique
му́ченик (му́ченица - f.)	martyr
ли́шний	extra, unnecessary, superfluous
расхо́д	outlay, expenditure. expense
вслух	aloud
мостова́я	pavement (cobblestone)
комо́д	dresser
кра́шенный	painted

Глава 3

напрóтив	opposite, across
неподви́жно	motionless
<u>опуска́ть</u> опусти́ть	to lower, draw down
<u>расхо́довать</u> израсхо́довать	to spend
опреде́ленный	definite, specific
приближе́ние	approaching, oncoming
проце́нт	interest, percent
жа́лованье	salary
душа́	soul, spirit, heart
поко́й	rest, tranquility
освеще́нный	illuminated, lighted

Глава 4

посóл	envoy, ambassador
возмóжность (f.)	possibility, opportunity, chance
назнáченный	assigned, appointed
ши́рма	screen
полузакрýтый	half-closed
ступéнь (f.)	step, footstep
<u>шевелить</u> пошевелить	to move, stir
губá (р1. губы)	lips
<u>качáться</u> покачáться	to swing, rock
колéно (р1. колéни)	knee
<u>хранить</u> сохранить	to keep, store
вéдьма	witch
<u>заставлять</u> заставить	to force, compel
<u>защищáться</u> защититься	to defend, protect (oneself)
<u>притворя́ться</u> притвориться	to pretend

Глава 5

взгляд	glance, look, glaze
знакóмство	acquaintance
úжас	terror, horror, fright

стра́стный	passionate
жела́ние	wish, desire, longing
нево́льный	involuntary, unintentional
уби́йца	murderer
жа́лость (f.)	pity
бога́тство	wealth, fortune
чудо́вище	monster
<u>заряжа́ть</u> заряди́ть	to load, charge
<u>скре́щивать</u> скре́стить	to cross
по́за	pose
<u>Глава́ 6</u>	
при́зрак	ghost, phantom
гроб	coffin
те́ло	body
суеве́рный	superstitious
по́хороны	funeral
проще́ние	forgiveness
возвыше́ние	elevation
<u>скла́дывать</u> сложи́ть	to put (lay) together
атла́сный	satin (adj.)
лоб	forehead

насме́шливо	mockingly
о́бморок	faint
<u>расстра́иваться</u> расстро́иться	to feel upset
<u>засыпа́ть</u> засну́ть	to fall asleep
шаг	step
ша́ркать	to scrape one's feet, drag one's feet
<u>исполня́ть</u> исполни́ть	to carry out, fulfill, execute
туз	ace (cards)
<u>Глава́ 7</u>	
роково́й	fatal
репу́тация	reputation
знак	sign, symbol
ци́фра	numeral, cipher, figure
<u>проща́ть</u> прости́ть	to forgive
<u>сходи́ть</u> с ума́ сойти́	to go mad, lose one's mind
<u>предупрежда́ть</u> предупреди́ть	to warn, caution, forestall
валéт	jack (cards)
<u>сму́щаться</u> смути́ться	to be embarrassed
необыкнове́нный	unusual, extraordinary

дрожа́ть
задрожа́ть

to tremble, shake, shiver

вздра́гивать
вздо́ргнуть

to shudder, flinch

тасова́ть
стасова́ть

to shuffle (cards)

КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА

по А.С. ПУШКИНУ

1. Сержа́нт гва́рдии

Оте́ц мой, Андре́й Петро́вич Гринёв, в мо́лодости служил в гва́рдии и вы́шел в отста́вку в 1755 году́. С тех пор он жил в своёй симби́рской дере́вне, где и жени́лся на моёй ма́тери Авдо́тье Васи́льевне. Ещё ребе́нком я был запи́сан в Семёновский полк сержа́нтом, по протёкции кня́за Б., на́шего бли́зкого ро́дственника. Пока́ я учи́лся, я счита́лся в о́тпуске. Образова́ние в это вре́мя было́ просто́е. Чита́ть и писа́ть я научи́лся от на́шего слуги́ Саве́льича, кото́рый был мо́им дядькой.

Пото́м оте́ц взял францу́за Бопре́, что́бы продо́лжа́ть моё образова́ние. Саве́льич был о́чень недово́лен прие́здом но́вого учи́теля.

Бопре́ на ро́дине был парикма́жером, пото́м в Пру́ссии солда́том, пото́м прие́хал в Росси́ю, что́бы ста́ть учи́телем. Он был до́брый челове́к, но люби́л вы́пить. Мы с ним ско́ро ста́ли прия́телями, и он, вме́сто того́ что́бы учи́ть меня́ по-францу́зски, по-неме́цки и всем нау́кам, научи́лся от меня́ ко́е-ка́к говори́ть по-ру́ски, — и пото́м ка́ждый из нас занима́лся сво́им де́лом. Мы

жи́ли с ним душа́ в ду́шу. Друго́го учи́теля я и не же-
ла́л.

Но вот одна́жды, во вре́мя уро́ка геогра́фии, когда́ Бопрé ми́рно спал на кровáти, а я из но́вой ка́рты де-
лал зме́я, в ко́мнату вошёл оте́ц.

Уви́дев моё упражне́ния в геогра́фии, он снача́ла
взял меня́ за́ ухо, пото́м побежа́л к Бопрé и разбуди́л
его́ о́чень неосторо́жно. Бе́дный францу́з хоте́л встать,
и не мог: он был совсе́м пьян.

В тот же день францу́з потеря́л ме́сто в на́шем до́-
ме, к большо́й ра́дости Саве́льича.

Так ко́нчилось моё образова́ние.

Ме́жду тем мне испо́нилось 16 лет. Тут судьба́
моя́ переменя́лась.

Одна́жды о́сенью, когда́ мать вари́ла варёнье, а
оте́ц чита́л журна́л, он вдруг спроси́л у ма́тери:

- Авдо́тья Васи́льевна, а ско́лько лет Петру́ше?

- 16 уже́, - отве́тила мать.

- Хорошо́, - сказа́л оте́ц, - порá ему́ на слúжбу.

Мысль о моём ско́ром отъезде́ так напугáла мать,
что она́ урони́ла ло́жку и запла́кала.

Напроти́в того́, трудно́ описа́ть мою́ ра́дость. В
мы́слях я уже́ ви́дел себя́ офице́ром гва́рдии в Петер-
бу́рге, и бу́дущая жизнь каза́лась мне свобóдной и
весёлой.

Отец не любил ни менять своих решений, ни откладывать их выполнения. День моего отъезда был назначен.

Отец объявил, что хочет написать моему будущему начальнику.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала мать, — послать от меня привет князю Б. и попроси его помочь Петруше в Петербурге.

— Что за вздор! — ответил отец. — Для чего мне писать князю Б.? Петруша в Петербург не поедет. Чему научиться он, служа в Петербурге? Пить вино и играть в карты? Нет, пусть послужит он в армии, да понюхает пороха, да будет солдат, а не бездельник в гвардии. Где его паспорт, дай его сюда!

Отец прочитал мой паспорт со вниманием, положил его на стол и начал своё письмо.

Кончив письмо, отец позвал меня и сказал:

— Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старому товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством.

Так кончились все мои надежды. Вместо весёлой петербургской жизни, меня ждала скучная жизнь в провинции. Но спорить было нечего.

На другой день утром к дому подъехала кибитка. Мы положили туда чемоданы. Родители благословили

меня. Отец сказа́л мне:

- Проща́й, Пётр. Служи́ ве́рно, слу́шайся нача́ль-
ников, и по́мни посло́вицу: Береги́ пла́тье сно́ву, а
честь смо́лоду.

Мать пла́ча прика́зала мне бере́чь моё здоро́вье, а
Саве́льичу смотре́ть за ребёнком. Я сел в кибитку с
Саве́льичем и мы по́ехали.

2. Проводник

Я подъезжа́л к ме́сту моего́ назначе́ния. Круго́м
была́ степь, покрыва́тая сне́гом. Вдруг ямщи́к посмотре́л
в сто́рону и сказа́л:

- Ба́рин, не прика́жешь ли верну́ться?

- Э́то заче́м? - спроси́л я.

- Ви́дишь, ве́тер поднимáется.

- Так что же?

- А ви́дишь, что там? - Ямщи́к показáл на восток.

- Вон э́то о́блачко!

Я уви́дел на горизонте бе́лое о́блачко. Ямщи́к
объясни́л мне, что бу́дет мете́ль. Я слы́шал о метеля́х
в тех ме́стах и знал, что иногда́ це́лые о́бозы пропа-
да́ли в снегу́.

Саве́льич то́же сове́товал верну́ться. Но я, на-
де́ясь до́ехать до сле́дующей ста́нции во́время, прика́зал

éхать скорее.

Мéжду тем вéтер становился сильнее. Óблако поднимáлось и скóро покрыло всё нéбо. Пошёл снег — началась метéль.

Скóро мы потеряли дорóгу. Лóшади остановились. Дéлать бýло нéчего. Вдруг я уви́дел чтó-то чёрное.

— Эй, ямщик! — закричал я. — Смотри, что это там впередí?

— А Бог знаёт, ба́рин! Кажется двíгается. Должно́ быть или волк или человек.

Я приказал éхать к незнакóмому предмету, котóрый сейчас же стал двíгаться нам навстрéчу.

Через две мину́ты мы подъехали к человеку.

— Гей, дóбрый человек! — закричал ему́ ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорóга?

— Дорóга здесь; я стою́ на твёрдой земле́, — отве́тил пúтник.

— Послу́шай, мужицóк, — сказал я ему́, — не знаешь ли ты эту́ стóрону? Мóжешь ли довести́ нас до стáнции?

— Местá, сла́ва Бо́гу, знакомые. Да ви́дишь, кака́я погóда, ничегó не ви́дно. Лúче подождáть, пока́ кóнчится метéль.

Я уже́ реши́л провести́ ночь в степи́, как вдруг он бýстро сел рядом с ямщикóм и сказа́л:

— Поезжай напра́во! Сла́ва Бо́гу, тут дере́вня

близко, слышишь запах дыма?

Мы медленно поехали по глубокому снегу. Скоро я заснул.

Когда я проснулся, лошади стояли, Савельич держал меня за руку, говоря:

- Выходи, барин, приехали!

- Куда приехали? - спросил я, открывая глаза.

- На постоянный двор, Господь помог.

Я вышел из кибитки, метель ещё продолжалась.

Хозяин встретил нас у ворот и ввёл меня в комнату, небольшую, но довольно чистую. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка. Хозяин был яицкий казак.

Савельич внёс за мной чемоданы и потребовал огня, чтобы приготовить чай.

- Где же проводник? - спросил я у Савельича.

- Здесь, ваше благородие, - ответил мне голос сверху.

Я посмотрел на печь и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза.

- Что, брат, холодно?

- Как не холодно без тулупа, барин. Был тулуп, да пропил вчера: мороз показался невелик.

В эту минуту хозяин вошёл с самоваром. Я предложил нашему проводнику чашку чая; мужик отпил немного и сказал:

- Ваше благородие, прикажите лучше подать стакан водки: чай не наше казацкое питьё.

Я охотно выполнил его желание.

Хозяин вынул из шкафа стакан, подошёл к проводнику и посмотрел ему в лицо:

- Эхэ! - сказал он, - опять ты в наших местах! Откуда Бог принёс?

Тут начался разговор на воровском жаргоне, из которого я ничего не понял. Только потом мне стало ясно, что дело шло о бунте яицких казаков.

Скоро мы все легли спать, и я заснул, как убитый.

Проснувшись утром довольно поздно, я увидел, что метель прошла. Лошади были готовы. Я заплатил хозяину, позвал проводника и поблагодарил его за помощь. Савельичу я приказал дать ему рубль на водку. Савельич рассердился.

- Рубль на водку! - сказал он. - Как хочешь, барин, у нас нет лишних рублей. Если каждому давать на водку, так скоро сами будем голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги находились в его руках.

- Хорошо, - сказал я, - если не хочешь дать денег, дай ему мой заячий тулуп!

- Для чего ему заячий тулуп, барин, он, собака, пропьёт его в первый же день. Ведь заячий тулуп почти новый!

- Это не твоё дело, старик, - сказал проводник, - пропью я его или нет. Его благородие даёт мне свой тулуп, твоё дело не возражать, а слушаться.

- Сейчас же принеси сюда тулуп! - приказал я Савельичу.

Савельич принёс тулуп, и мужик тут же надел его.

- Спасибо, ваше благородие, - сказал он, - никогда не забуду этого.

Попрощавшись, он пошёл в свою сторону, а мы поехали дальше. Скоро я забыл о метели, о своём проводнике и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо пошёл к генералу. Прочитав письмо моего отца, он сказал, что я буду назначен офицером в Белогорскую крепость, под команду капитана Мирнова.

На другой день я простился с генералом и поехал к месту моего назначения.

3. Крепость

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу реки Яика (теперь Урал). За ней были видны киргизские степи, покрытые белым снегом. Я думал о капитане Мирнове, моём будущем начальнике. Я представлял

себѣ его сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы.

Мы ѣхали довольно быстро.

- Далекó ли до крепости? - спросил я у своего ямщика.

- Недалекó, вон уже видна крепость, - ответил он, показывая на маленькую деревню впереди нас.

Я приказал ѣхать прямо к коменданту. Через несколько минут кибитка остановилась перед домом около церкви. Никто не встретил меня. Я вошел в дом.

В комнате у окна сидела старушка и шила.

- Кого вам надо? - спросила она, продолжая свое занятие.

Я ответил, что приехал на службу и хотел бы видеть коменданта.

- Ивана Кузьмича нет дома, - сказала она, - он пошел в гости к отцу Герасиму, но все равно, садись, сударь, я его хозяйка.

Она приказала позвать урядника ... Вошел урядник, молодой высокий казак.

- Максимиш! - сказала ему капитанша. - Покажи господину офицеру квартиру.

Урядник повел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки. Половина избы была занята хозяином - другую дали мне. Савельич приготовил чай, но я лег

в постель, не поужинав. На другой день утром, когда я одевался, дверь открылась, и ко мне вошёл молодой офицер. Он был невысок, с лицом довольно некрасивым, но живым. Мы познакомились. Его фамилия была Швабрин. Он тоже служил в нашей крепости.

Мы с ним очень весело разговаривали, когда вошёл инвалид и от имени комендантши позвал меня обедать. Швабрин пошёл вместе со мной. Подходя к дому коменданта, мы увидели на площади человек двадцать старых инвалидов, перед которыми стоял комендант и командовал.

Увидев нас, он к нам подошёл и сказал мне несколько добрых слов, потом послал нас к Василисе Егоровне, сказав, что здесь нам смотреть нечего. Василиса Егоровна встретила меня, как старого знакомого.

- Где же Иван Кузьмич? - спросила она, - всё ещё учит солдат?

В эту минуту в комнату вошла девушка лет восемнадцати. Это была Маша, дочь коменданта. Сначала она мне не очень понравилась. Швабрин описал её мне полной дурочкой.

Между тем подали щи. Комендантша послала прислугу за мужем.

- Скажи барину, что гости ждут, учение не уйдёт. Капитан скоро пришёл.

- Что это ты, сударь? - сказала ему жена, - кушанье давно подано, а тебя нет.

- Послушай, Василиса Егоровна, - ответил капитан, - я был занят службой.

- Вздор всё! - сказала капитанша, - Один разговор, что ты солдат учишь; сидел бы лучше дома, да Богу молился ... Дорогие гости, прошу к столу!

Мы сели обедать. Комендантша всё время разговаривала. Спрашивала меня, кто мои родители, живы ли они, где живут и сколько у них крестьян. Услышав, что у отца моего триста крестьян, она сказала:

- Есть же на свете богатые люди! А у нас, сударь, только одна прислуга Палашка, но, слава Богу, живём понемногу. Одно плохо: Маше порá замуж, а мы люди бедные, кто её возьмёт. Хорошо, если найдётся добрый человек, иначе останется она невестой на всю жизнь.

Я посмотрел на Машу, она вся покраснела и смотрела в свою тарелку. Мне стало её жаль, и я хотел переменить разговор.

- Я слышал, - сказал я, - что на вашу крепость хотят напасть башкиры.

- От кого, сударь, ты слышал это? - спросил Иван Кузьмич.

- Мне так сказали в Оренбурге, - ответил я.

- Вздор! - сказа́л коменда́нт. - У нас давно́ о них не слы́шно. Башки́ры бо́ятся, да и кирги́зы то́же. А е́сли нападу́т, то я им так покажу́, что лет на де́сять бу́дет дово́льно.

- А вам не стра́шно, - продо́лжа́л я, обраща́ясь к капита́нше, - остава́ться в кре́пости, где так опа́сно?

- Привы́кла, су́дарь, - отве́тила она́. - Когда́ лет два́дцать тому́ наза́д перевели́ нас из полка́ сюда́, Бо́же мой, как я бо́ялась э́тих не́христей! А тепе́рь так привы́кла, что с ме́ста не сдви́нусь, е́сли услы́шу, что о́ни бли́зко.

- Васили́са Егоровна о́чень хра́брая да́ма, - заме́тил ва́жно Шва́брин.

- А Ма́рья Ива́новна, - спроси́л я, - така́я же хра́брая, как вы?

- Нет, Ма́ша труси́ха. До сих пор не мо́жет слы́шать вы́стрела из ружья́. А когда́ го́да два тому́ наза́д Ива́н Кузьми́ч в мой имени́ны реши́л стреля́ть из на́шей пу́шки, так Ма́ша чуть не умерла́ от стра́ха. С тех пор бо́льше не стреля́ем из прокля́той пу́шки.

Мы вста́ли из-за стола́. Капита́н с капита́ншей пошли́ спать, а я поше́л к Шва́брину, с кото́рым я провёл весь ве́чер.

4. Жизнь в крепости

Прошло несколько недель и я привык к жизни в Белогорской крепости. В доме коменданта я был принят, как родной. Муж и жена были люди хорошие. Иван Кузьмич, вышедший из солдатской семьи, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый.

Василиса Егоровна смотрела на дела службы, как на свои домашние дела и управляла крепостью, как своим домом. Марья Ивановна скоро перестала меня бояться. Мы познакомились ближе. Я нашёл в ней хорошую и умную девушку. Скоро я полюбил эту добрую семью, а также и старого Ивана Игнатьевича, помощника коменданта.

Я был произведён в офицеры. Служба была нетрудная. В крепости не было ни парадов, ни учений, ни караулов. Обедал я почти всегда у коменданта, где обычно проводил остаток дня. Вечером туда иногда приходил отец Герасим с женой. Швабрина я тоже встречал часто, но его шутки насчёт семьи коменданта мне очень не нравились. Я слышал от других, что он хотел жениться на Маше, но получил отказ.

5. Военный совет

Однажды вечером (это было в начале октября 1773-го года) я сидел один дома, когда меня позвали к коменданту.

У коменданта я нашёл Шва́брина, Ива́на Игна́тьевича и каза́цкого уря́дника — Макси́мыча. В ко́мнате не́ было ни Васи́лысы Егóровны, ни Ма́ши. Коменда́нт за́пер дверь, вы́нул из карма́на бума́гу и сказа́л нам:

— Господа́ офице́ры, ва́жная но́вость! Слу́шайте, что пи́шет генера́л.

Генера́л писа́л, что донско́й каза́к Емелья́н Пугачёв, убежа́вший из-под а́реста, по́днял бунт в яи́цких се́лах. Выдава́я себя́ за уме́ршего ца́ря Петра́ III, он собра́л ша́йку разбо́йников и уже́ взял не́сколько крепо́стей. Мы должны́ бы́ли приня́ть ме́ры для за́щиты крепо́сти.

— Приня́ть ме́ры, — сказа́л коменда́нт, — легко́ сказа́ть. Разбо́йник, ви́дно, си́лен, а у нас всего́ сто три́дцать челове́к, не счита́я казако́в. Не хочу́ тебя́ обижа́ть, Макси́мыч, на казако́в твои́х наде́жда плоха́я. — Уря́дник улыбу́лся.

— Но де́лать не́чего, господа́ офице́ры! — сказа́л коменда́нт, — поста́вьте часовы́х и вы́шлите ночны́е дозо́ры. В слу́чае нападе́ния запира́йте воро́та и выводите́ солдат. Ты, Макси́мыч, смотри́ за свои́ми казака́ми. Пу́шку на́до осмо́треть и вы́чистить. А гла́вное, держа́ть де́ло в та́йне, что́бы никто́ в крепо́сти не узна́л об э́том ра́ньше вре́мени.

Ско́ро всё-таки́ об э́той но́вости узна́ли все. И вот как э́то случи́лось.

Ива́н Кузьми́ч, хотя́ и о́чень любил́ жену́, но никогда́ не откры́л бы ей служе́бной та́йны. Получи́в письмо́ от гене-ра́ла, он посла́л жену́ к отцу́ Гера́симу, сказа́в, что у того́ есть интере́сные но́вosti из Оренбу́рга, кото́рые он де́ржит в секрете́. Васи́лиса Егоровна́ сейча́с же пошла́ в го́сти к женé отца́ Гера́сима и, по сове́ту Ива́на Кузьми́ча, взяла́ с собо́й Ма́шу, что́бы ей не́ было ску́чно одно́й.

Коменда́нт, оста́вшись по́льным хозя́ином в до́ме, сейча́с же посла́л за на́ми, а Пала́шку за́пер в сара́й, что́бы она́ не могла́ услы́шать, о че́м мы бу́дем говори́ть.

Васи́лиса Егоровна́, верну́вшись без новосте́й, узна́ла, что у Ива́на Кузьми́ча был воённый сове́т и что Пала́шка была́ под замко́м. Она́ поняла́, что муж обма́нул её, и начала́ допрóс. Но Ива́н Кузьми́ч был гото́в к нападению́ и не вы́дал та́йны.

- А для чего́ ты за́пер Пала́шку? -спроси́ла коменда́нтша. Ива́н Кузьми́ч не́ был пригото́влен к тако́му вопро́су. Он испуга́лся и не знал, что сказа́ть. Васи́лиса Егоровна́ уви́дела, что он ей всё равно́ не ска́жет пра́вды и переменя́ла разгово́р.

На друго́й день, возвра́щаясь из це́ркви, она уви́дела помо́шника коменда́нта: Ива́н Игна́тьевич вынимáл из пу́шки ка́мешки, бро́шенные туда́ детьми́.

- Что значат э́ти воённые пригото́вления? -

подумала комендантша. — Неужели киргизы хотят напасть?

Она подошла к Ивану Игнатьевичу, твердо решив узнать тайну.

— Боже мой! Вот какие новости! — сказала она. — Что из этого выйдет?

— Не бойся Василиса Егоровна! — ответил Иван Игнатьевич. — Бог поможет, солдат у нас довольно, порошу много, пушку я вычистил. С Божьей помощью защитимся от Пугачёва.

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьевич заметил, что он выдал военную тайну, но было уже поздно. Василиса Егоровна заставила его рассказать всё.

Через несколько дней недалеко от крепости был арестован башкирец с прокламацией Пугачёва.

По этому случаю комендант опять хотел собрать своих офицеров. Он позвал жену и сказал:

— Послушай, Василиса Егоровна, говорят, отец Герасим получил из города интересные ...

Довольно врать, Иван Кузьмич, возразила комендантша. — Ты хочешь собрать совет и без меня поговорить о Пугачёве, но в этот раз не обманешь.

Иван Кузьмич очень удивился.

— Ну, жена, если ты всё знаешь, — сказал он, — так оставайся, мы поговорим при тебе.

- Давно́ бы так, - отве́тила она́, не тебе́ меня́ обманыва́ть; посыла́й за офице́рами.

Мы собрали́сь опять. Коменда́нт прочита́л нам проклама́цию Пугачёва. Разбо́йник объявля́л, что ско́ро приде́т к на́шей кре́пости, предлага́л казака́м и солда́там поступи́ть в его́ ша́йку, а команди́рам сове́товал сда́ться, угрожа́я сме́ртью.

- Како́й разбо́йник! - закрича́ла коменда́нтша. - Что он нам предлага́ет! Выйти к нему́ навстре́чу и положи́ть к его́ нога́м знаме́на! Ах он соба́чий сын!

- Ви́дно, он пра́вда силён, - заме́тил Шва́брин.

В э́ту мину́ту в ко́мнату вбежа́ла Пала́шка.

- Несча́стье, ба́рин! - закрича́ла она́. - Кре́пость Нижеозёрная взята́ сего́дня у́тром. Рабо́тник отца́ Ге́расима сейча́с верну́лся отту́да. Коменда́нт и все офице́ры пове́шены. Все солда́ты взяты в плен. Ско́ро разбо́йники бу́дут здесь.

Коменда́нт Нижеозёрной кре́пости был мне знако́м; э́то был ти́хий молодóй челове́к. Не́сколько неде́ль тому́ наза́д он был в гостя́х у Ива́на Кузьми́ча со свое́й молодóй жено́й. Нижеозёрная находи́лась в двадца́ти пяти́ верста́х от нас. С ча́су на ча́с нам на́до бы́ло жда́ть нападе́ния Пугачёва. Я испуга́лся за судьбу́ Ма́ши.

- Послу́шайте, Ива́н Кузьми́ч! - сказа́л я коменда́нту, - наш долг защи́а́ть кре́пость, об э́том и говори́ть не́чего. Но ну́жно подума́ть о безопа́сности же́нщин.

Пошли́те их в Оренбу́рг, е́сли доро́га ещё свобо́дна.

Ива́н Кузьми́ч посмотре́л на жену́ и сказа́л ей:

- Пра́вда, Васи́лиса Егоровна, не лу́чше ли посла́ть вас в Оренбу́рг?

- Вздор! - отве́тила коменда́нтша, - чем Белогóрская кре́пость плоха́? Сла́ва Бо́гу, два́дцать второ́й год в ней живём. Ви́дели мы и башки́ров и кирги́зов, заче́м нам Пугачёва бо́яться.

- Ну, хорошо́, - сказа́л Ива́н Кузьми́ч, - остава́йся, е́сли ты на на́шу кре́пость наде́ешься. Но с Ма́шей что де́лать? Что е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Ну, тогда́ ... - тут Васи́лиса Егоровна остано́вилась и замолча́ла.

- Нет, Васи́лиса Егоровна, - продо́лжа́л коменда́нт, заме́тив, что жена́ слу́шает его́, мо́жет быть в пе́рвый раз в жи́зни, - Ма́ше здесь остава́ться нельзя́. Пошлём её в Оренбу́рг: там и войск и пу́шек дово́льно, и стена́ ка́менная. И тебе́ сове́тую с ней по́ехать; хотя́ ты и стару́ха, а посмотре́й, что с тобо́й бу́дет, е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Хорошо́, - сказа́ла коменда́нтша, - пошлём Ма́шу. А меня́ не проси́: не по́еду. Вме́сте жить, вме́сте и умира́ть.

- Пусть бу́дет по-тво́ему, - отве́тил коменда́нт. - Но жда́ть нельзя́, иди́ собира́ть Ма́шу в доро́гу.

6. Атака

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я хотел рано пойти к крепостным воротам, чтобы в последний раз проститься с Машей, когда она будет уезжать.

Ночь прошла быстро. Я уже хотел выйти из дома, когда дверь открылась и вошёл капрал, который сказал мне, что все казаки ночью ушли из крепости и что около неё ездят всадники Пугачёва. Мысль, что Марья Ивановна ещё не уехала, испугала меня. Я быстро дал капралу несколько приказаний и бросился к коменданту. По дороге я встретил Ивана Игнатьевича.

- Куда вы? - спросил он, - Иван Кузьмич на валу, он послал за вами. Пугачёв пришёл.

- Уехала ли Марья Ивановна? - спросил я.

- Нет, - ответил старик, - крепость окружена.

Плохо, Пётр Андреевич!

Мы пошли на вал. Там уже стоял весь гарнизон, а также почти все жители крепости. Пушку привезли туда вчера. По степи, недалеко от крепости, ездил человек 20 всадников. Они казались казаками, но между ними были также башкиры.

Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам:

- Ну, ребятёшки, постоим сегодня за мамушку-царицу и покажем всему свету, что мы люди храбрые и верные.

Комендánt приказáл Ивáну Игнáтьевичу вѣстрелить из пúшки по всáдникам. Снаря́д пролетѣл над нѣми и упáл далекó позади́, не попáв в цель. Всáдники ускáкали.

На вал пришлá Васили́са Егóровна и с ней Мáша.

— Ну что? — спроси́ла комендáнтша. — Как идѣт бой? Где же неприятель?

— Неприятель недалекó, — отвѣтил Ивáн Кузьми́ч.

В э́то вре́мя из-за холма́, находѣвшегося в полуверсте́ от крѣпости, вѣехала́ толпа́ всáдников и скóрo вся степь бы́ла покры́та ѣми. Ме́жду всáдниками на бѣлом конѣ́ е́хал человек в крáсной оде́жде с са́блей в руке́: э́то был сам Пугачёв.

По его́ приказу́ четы́ре человека́ поскака́ли галóпом к крѣпости. Когда́ онѣ́ подъѣхали, мы уви́дели, что э́то бѣли на́ши измѣнники из казакóв. Оди́н из них держáл над ша́пкой лист бума́ги, у друго́го на пи́ке бы́ла голова́ калмы́ка Ю́лая, пропáвшего из крѣпости про́шлой но́чью. Онѣ́ перебро́сили го́лову Ю́лая к нам че́рез стѣну. Голова́ упáла к ногáм комендáнта. Измѣнники крича́ли:

— Не стреля́йте, выходѣте к царю́! Царь здесь!

— Я вам покажу́! — закрича́л Ивáн Кузьми́ч. — Ребѣта, стреля́й!

Солдáты да́ли залп. Казáк, держáвший письмó, упáл с ло́шади; другѣе поскака́ли назáд. Комендáнт позва́л

капрáла и приказáл ему́ взять лист из рук убитого казака́. Капрáл вышел в поле и верну́лся, ведя лошадь убитого. Он передал комендáнту письмо́. Комендáнт прочитáл его́ и вбросил. Мёжду тем бунтовщикí готóвились к наступлени́ю. Ско́ро пу́ли на́чали летáть над на́шими голова́ми.

- Васили́са Егóровна! - сказа́л комендáнт. - Здесь же́нщинам не ме́сто: уведи́ Máшу, да не забудь надéть на неё крестья́нское пла́тье.

Комендáнтша с до́черью ушли́.

Бунтовщикí сходи́ли с лошаде́й и собира́лись вокру́г своего́ нача́льника.

- Тепе́рь сто́йте крёпко, - сказа́л комендáнт, - бу́дет ата́ка.

В э́ту мину́ту мы услы́шали грóмкие кри́ки, бунтовщи́кí бросились к крёпости.

Пу́шка на́ша была́ заря́жена шрапне́лью. Комендáнт подпусти́л их на са́мое бли́зкое расто́яние и тогда́ вы́стрелил. Шрапне́ль попáла в са́мую середи́ну толпы́. Бунтовщикí сна́чала остано́вились, потóм на́чали отступáть. Их нача́льник оста́лся оди́н впередí. Он держáл са́блю высо́ко над голо́вой и что́-то крича́л. Бунтовщи́кí собра́лись и сно́ва двину́лись к крёпости.

- Ну, тепе́рь в контрата́ку! - сказа́л комендáнт. - Ребя́та, открывáй воро́та, бей в бараба́н! Вперёд за мной!

Комендánt, Ива́н Игна́тьевич и я б́ыстро в́ыбежали из ворóт крѣпости, но испуганный гарнизóн не дв́инулся.

— Что же вы сто́йте, солдатúшки? — закричáл комендánt. — Умирать, так умирать, дѣло солдатское!

В эту минуту бунтовщиќи набежáли на нас. Барабáн замолчáл, гарнизóн брóсил рúжья. Меня́ сб́или с ног, но я встал и вмѣсте с бунтовщикáми вошёл в крѣпость. Комендánt, рáненный в гóлову, сто́ял в толпѣ разбóйников, котóрые трѣбовали от него́ ключей. Я брóсился к нему́ на пóмощь, но нѣсколько казакóв схват́или меня́. Нас повел́и по úлицам. Вдруг в толпѣ закричáли, что "царь" на плóщади ждѣт плѣнных и прини́мает прися́гу. Нас повел́и на плóщадь.

Пугачёв сидѣл пѣред дóмом комендántа. На нём была́ красная одѣжда, а на головѣ высóкая каза́цкая ша́пка. Лицó его́ показáлось мне знако́мо. Каза́цкие старш́ины окружáли его́. Оте́ц Герáсим, блѣдный и испуганный, сто́ял в сторонѣ с крестóм в рука́х.

На плóщади стáвили в́иселицу. Нас повел́и к Пугачёву.

— Котóрый из них комендánt? — спрос́ил Пугачёв.

Наш урядник в́ышел из толп́ы и показáл на Ива́на Кузьми́ча. Пугачёв стрóго посмотри́л на него́ и сказа́л:

- Как ты мог идти против меня, твоего царя?

Раненый комендант собрал свои последние силы и ответил твёрдым голосом:

- Ты мне не царь, а вор и разбойник!

Пугачёв дал знак рукой, несколько казаков схватили старого капитана и повели к виселице. Через несколько минут я увидел Ивана Кузьмича висящим в воздухе. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьевича.

- Присягай царю Петру Фёдоровичу! - сказал ему Пугачёв.

- Ты нам не царь, - ответил помощник коменданта, повторяя слова своего капитана. По приказу Пугачёва его тоже схватили и повесили. Теперь была моя очередь. Я смотрел на Пугачёва, готовясь повторить ответ моих храбрых товарищей. Вдруг я увидел Швабрина, одетого в казацкую одежду. Он подошёл к Пугачёву и тихо сказал ему несколько слов.

- Повесить его, - сказал Пугачёв, не посмотрев на меня.

Меня повели к виселице.

Вдруг я услышал крик:

- Стойте, проклятые, подождите!

Казаки остановились.

Я посмотрел назад и увидел, что Савельич лежит у ног Пугачёва.

- Отец родной! - просил бедный дядька, - отпусти его, а для примера и страха прикажи лучше повесить меня, старика.

Пугачёв дал знак и меня сейчас же освободили.

- Царь наш тебя прощает, - говорили мне.

Меня снова подвели к Пугачёву.

- Целуй руку, целуй руку! - говорили все около меня. Но я решил, что я лучше умру, чем поцелую его руку. "Будь, что будет", - решил я.

- Сударь мой, Пётр Андреевич! - говорил Савельич, стоя за мной, - что тебе стоит! плюнь, да поцелуй, поцелуй у разбой... (тьфу) у него руку.

Я не двигался.

- Уведите его, - сказал Пугачёв, - он от радости не знает, что делать.

Меня увели, но оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение страшной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя крест.

Гарнизонные солдаты стояли тут же. Они тоже подходили к руке Пугачёва. Он объявил им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал и объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него.

В эту минуту мы услышали крик. Из двери выбежала

Васили́са Егоровна. За ней бежа́ли два казака́.

- Отцы́ родные, - крича́ла бе́дная стару́шка, - отпусти́те меня́, отведи́те к Ива́ну Кузьми́чу.

Вдруг она́ посмотре́ла на ви́селицу и узна́ла свое́го му́жа.

- Разбо́йники! - закрича́ла она́, - что вы с ним сде́лали? Дорого́й мой Ива́н Кузьми́ч! Не уби́ли тебя́ ни пу́ли турецкие, ни штыки́ шве́дские - пропа́л ты от прокля́того во́ра!

Тут молодóй казак уда́рил её са́блей по голове́. Коменда́нтша упала́ ме́ртвая. Пугачёв уе́хал, наро́д бро́сился за ним.

7. Незванный гость

Я оста́лся на пло́щади оди́н. Бо́льше всего́ меня́ беспоко́ила судьба́ Ма́ши. Я бро́сился иска́ть её. По́лный трево́жных мы́слей, я вошёл в коменда́нтский дом. Там всё бы́ло разгра́блено. Ко́мната Ма́ши была́ пуста́. Стра́шная мысль пришла́ мне в го́лову. Я предста́вил себе́ Ма́шу в руках разбо́йников. Сёрдце моё остано́вилось. В э́ту мину́ту я услы́шал лёгкий шум, и из-за шка́фа вы́шла Пала́ша, бле́дная и испуганная.

- Где Ма́рья Ива́новна? - спроси́л я.

- Ба́рышня жива́, - отве́тила Пала́ша, - она́ у отца́ Герáсима.

- У отца́ Герáсима! - закрича́л я в стра́хе. - Бо́же мой! Да там Пугачёв!

Я брóсился к до́му отца́ Герáсима, Пала́ша побежа́ла за мной. Отту́да бы́ли слы́шны грóмкие кри́ки и пе́сни. Я посла́л Пала́шу в́ызвать жену́ отца́ Герáсима.

Че́рез мину́ту ма́тушка вы́шла ко мне.

- Где Ма́ша? - спроси́л я.

- У меня́, - отве́тила ма́тушка. - Она́ больна́, ле́жит в кровáти. Ну, Пётр Андре́евич! Чуть не случи́лось несча́стье! Пугачёв уви́дел Ма́шу и спроси́л, кто она́. Я сказа́ла, что э́то моё ро́дственница. Сла́ва Бо́гу! Он пове́рил.

Узна́в, что Ма́ша пока́ в безопа́сности, я поше́л на свою́ кварта́ру.

Проходя́ мимо́ пло́щади, я уви́дел, что не́сколько башки́рцев снима́ли пове́шенных. По кре́пости бе́гали разбо́йники, гра́бя офице́рские дома́. Везде́ бы́ли слы́шны кри́ки пья́ных бунтовщи́ков. Я пришёл домо́й. Саве́льич встрéтил меня́ у двéри.

- Сла́ва Бо́гу, - сказа́л он, уви́дев меня́. - Я уже́ ду́мал, что разбо́йники тебя́ о́пять схвати́ли. Ну, су́дарь Пётр Андре́евич! Ве́ришь и́ли нет? Все́ у нас разгра́били, ничегó не оста́вили. А узна́л ли ты, су́дарь, их нача́льника?

- Нет, не узнал, а кто он такой?

- Как, сударь?! Разве ты забыл нашего проводника? Ведь ты ему свой новый заячий тулуп дал!

Я очень удивился. Теперь я понял, почему Пугачёв простил меня. Заячий тулуп, данный разбойнику спас меня от виселицы.

Савельич вышел. Я, оставшись один, стал думать о своём новом положении. Оставаться в крепости с бунтовщиками я не мог. Я был офицером и помнил о своём долге. Но как было оставить Машу одну во власти разбойников? Я не знал, что мне делать. В эту минуту прибежал один из казаков, который сказал мне, что Пугачёв хочет меня видеть.

Я пошёл за казакom.

Подходя к комендантскому дому, я заметил, что тело бедной комендантши всё ещё лежало перед входом. У двери стояло два казака на карауле. Войдя в дом, я увидел необычайную картину. За столом сидели Пугачёв и человек десять казацких старшин. Швабрина и нашего урядника там не было.

- А, ваше благородие! - сказал Пугачёв. - Честь и место, прошу садиться!

Я молча сел на углу стола. Сидевшие за столом разбойники пили и разговаривали между собой об утренней атаке и о том, что делать дальше. Каждый предлагал свои планы и свободно спорил с Пугачёвым.

На этом странном военном совете было решено идти к Оренбургу. Выступление было назначено на завтра.

Когда гости стали прощаться, я тоже хотел встать, но Пугачёв сказал мне:

- Сиди, я хочу с тобой поговорить!

Мы остались одни.

- Что, ваше благородие, - сказал он мне, - испугался ты наверно, когда мои казаки хотели тебя повесить? Если бы не твой слуга, висел бы ты теперь на виселице. Я сразу же узнал старого дурака. Думал ли ты, что твоим проводником был сам великий государь?.. Ты сильно виноват передо мной, - продолжал он, - но я простил тебя за твою доброту. Ты помог мне, когда я должен был скрываться от моих врагов. Хочешь поступить ко мне на службу?

Вопрос разбойника показался мне таким странным, что я не мог не улыбнуться.

- Что ты смеёшься, - спросил он сердито, - или ты не веришь, что я царь? - отвечай прямо.

Положение стало опасным. Я подумал немного и ответил:

- Слушай, я скажу тебе правду. Ты человек умный. Как я могу назвать тебя царём? Ты сразу увидел бы, что я тебя обманываю.

- Кто же я по-твоему?

- Бог тебя знает: но мне кажется, что ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв посмотрел на меня.

- Так ты не веришь, - сказал он, что я царь Пётр Фёдорович? Ну, хорошо, думай про меня, что хочешь, но служи мне верно и я сделаю тебя фельд-маршалом.

- Нет, ответил я твёрдо, - я офицер и присягал царнице, тебе служить не могу. Если ты действительно желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Помолчав немного, Пугачёв сказал:

- А если я отпущу тебя, обещаешь ли ты против меня не служить?

- Как я могу тебе обещать это? - ответил я. - Сам знаешь, если прикажут идти против тебя, - пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник, сам требуешь выполнения своих приказов. Как я могу отказаться от службы, если служба моя будет нужна? Голова моя в твоей власти: если отпустишь меня - спасибо; казнишь - Бог тебе судья.

Мои слова удивили Пугачёва.

- Так и быть, - сказал он. - Казнить, так казнить; прощать, так прощать. Иди на все четыре стороны и делай, что хочешь. Завтра приходи со мной проститься, а теперь иди спать.

Я оста́вил Пугачёва и вы́шел на у́лицу.

Ночь была́ т́хая и холо́дная.

8. Отъезд

Ра́но у́тром меня́ разбудил бараба́н. Я б́стро встал и пошёл к Пугачёву. На пло́щади была́ толпа́ наро́да, стоя́ли солда́ты, казаки́ сидели на лоша́дях. Все б́ли гото́вы к выступле́нию и то́лько жда́ли Пугачёва. На-конёц он вы́шел из коменда́нтского до́ма. Наро́д снял ша́пки. За Пугачёвым вы́шли каза́цкие старши́ны, ме́жду ними был Шва́брин. Уви́дев меня́ в толпе́, Пугачёв ска-за́л:

- Слу́шай, ва́ше благо́рдие, поезжа́й сейча́с же в Оренбу́рг и скажи́ от меня́ губерна́тору, что́бы он ждал меня́ че́рез неде́лю.

Пото́м показáл на Шва́брина и сказа́л, обраща́ясь к наро́ду:

- Вот ваш но́вый командир. Слу́шайтесь его́, а он отвеча́ет мне за вас.

Ему́ подвели́ ло́шадь. Пугачёв сел на неё и уё́хал из кре́пости. Вся ша́йка двину́лась за ним.

Я пошёл в дом отца́ Герáсима. Жена́ его́ встрети́ла меня́ с печа́льной но́востью. Но́чью Ма́ше ста́ло х́же.

Я подошёл к её кровати. Больная меня не узнала. Нельзя́ было и думать везти́ её в Оренбур́г. Мысль о Шва́брине бо́льше всего́ беспоко́ила меня́. Я знал, что Ма́ша тепе́рь в его́ вла́сти. Что мне де́лать? Остава́лась то́лько одна́ возмо́жность. Я реши́л неме́дленно иди́ти в Оренбур́г проси́ть по́мощи.

Прости́вшись с отцо́м Ге́расимом, мы с Саве́льичем вы́шли из кре́пости и пошли́ по оренбур́гской доро́ге. Я шёл, за́нятый свои́ми мы́слями, как вдруг, посмотре́вши наза́д, я уви́дел казака́, ска́чущего за на́ми. У него́ было́ две ло́шади. Я остано́вился и ско́ро узна́л на́шего уря́дника, Макси́мыча. Подъе́хав, он сошё́л с ло́шади и сказа́л:

- Ва́ше благо́родие! Оте́ц наш посы́лает вам ло́шадь и шу́бу.

Тут он пе́редал мне тулу́п.

- Он дал ещё́ рубль де́нег, да я поте́рял его́ по доро́ге, прости́те, пожа́луйста!

- А ты не положи́л ли его́ в карма́н, разбо́йник?! - спроси́л Саве́льич.

- Да нет, что ты ... , Бог с тобо́й! - отве́тил каза́к.

- Хорошо́, - сказа́л я, - поблагодари́ от меня́ Пу- гачёва, а поте́рянный рубль возьми́ себе́ на во́дку, е́сли найдёшь его́ по доро́ге.

- О́чень благода́рен, ва́ше благо́родие, - отве́тил

урядник и поскакал назад.

Я надел тулуп и сел на лошадь, Савельич сел позади меня.

9. В Оренбурге

Приехав в Оренбург, я рассказал генералу всё, что случилось в Белогорской крепости и просил у него солдат, чтобы идти освобождать её. Но генерал сказал, что он не может помочь мне, так как ему надо защищать Оренбург и приказал мне остаться в городе под его командой.

Через несколько дней мы узнали, что Пугачёв подошёл к Оренбургу и окружил его. Жизнь в окружённом городе скоро стала очень тяжёлой. Было мало продуктов, всё было очень дорого. Жители ждали решения своей судьбы. Они привыкли к выстрелам и даже атаки Пугачёва перестали интересовать их. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были заняты бунтовщиками. Я очень беспокоился за судьбу Маши. Почти каждый день мы выезжали за город отбивать атаки Пугачёва, но наша голодная конница сражалась плохо. Иногда выходила в поле и пехота, но глубокий снег не давал ей возможности маневрировать достаточно быстро.

Однажды во время боя я наехал на казакá, отста́вшего от своих товарищей. Я готов был уже удáрить его своей са́блей по голове, как вдруг он снял ша́пку и закрича́л:

- Здра́вствуйте, Пётр Андре́евич!

Я узна́л нашего уря́дника и о́чень обра́довался.

- Здра́вствуй, Макси́мыч! - сказа́л я ему́. - Давно́ ли ты из Белогóрской?

- Неда́вно, ба́рин, - отве́тил каза́к, - то́лько вчера́ оттúда верну́лся. У меня́ есть письмо́ для вас.

- Где же оно́? - закрича́л я.

- Здесь, - отве́тил Макси́мыч. - Я обеща́л Пала́ше ка́к-нибудь переда́ть его́ вам.

Тут он пе́редал мне бума́гу и сейча́с же ускака́л. Я нача́л чита́ть письмо́. Ма́ша писа́ла, что Шва́брин де́ржит её под арэ́стом и заста́вляет выйти за себя́ за́муж. Она́ проси́ла у меня́ по́мощи и защи́ты.

Прочита́в письмо́, я поскака́л в го́род. По доро́ге я всё вре́мя ду́мал, как по́мочь Ма́ше, но ниче́го не мог найт́и.

Прискака́в в го́род, я брóсился к генера́лу, описа́л ему́ положéние несча́стной де́вушки и проси́л дать мне ро́ту солдат и полсо́тни казако́в, что́бы идт́и освобожда́ть крепо́сть. Генера́л до́лго смотре́л на меня́, ду́мая, наве́рно, что я соше́л с ума́.

- Нет, молодóй челове́к, - сказа́л он наконéц, - я

понимаю: ты видно влюблён в Матью Ивановну. Но всё-таки я никак не могу дать тебе солдат, риск слишком велик.

Я был в отчаянии. Вдруг счастливая мысль пришла мне в голову. Какая это была мысль, читатель увидит из следующей главы.

10. Опять у Пугачёва

От генерала я прямо пошёл домой. Савельич встретил меня своими обычными словами:

- Опять ты, сударь, ездил сражаться с пьяными разбойниками. Воевал бы лучше с турками или со шведами, а то стыдно сказать с кем.

Я не стал спорить, а прямо спросил его:

- Сколько у нас денег, Савельич?

- Достаточно, - ответил старик с довольным лицом.

С этими словами он вынул кошелек, полный денег.

- Ну, Савельич, - сказал я ему, - дай мне теперь половину, а остаток возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость.

- Сударь мой, - ответил Савельич, - как можно теперь ехать куда-нибудь! Все дороги полны разбойников. Пожалей ты своих родителей, если себя не жалеешь. Подожди немного, окончится бунт, тогда

поезжай, куда хочешь.

Но моё решение было принято твёрдо.

— Довольно спорить, — сказал я старику. — Я должен ехать. Ты денег не жале́й, покупай себе всё, что будет нужно. Деньги эти я тебе дарю. Если я через три дня не вернусь

— Что ты, сударь, — закричал Савельич. — Я тебя одного не пущу. Если ты решил ехать, то я за тобой пешком пойду.

Я знал, что с Савельичем нельзя было спорить и разрешил ему готовиться в дорогу.

Через полчаса я сел на своего коня, а Савельич на старую лошадь, которую ему дал один из жителей города.

Часовые пропустили нас через ворота, и мы выехали из Оренбурга.

Дорога шла мимо села, где, я знал, была главная квартира Пугачёва. Я ехал быстро. У Савельича была плохая лошадь, и он всё время просил ехать медленнее. Было уже темно. Я надеялся объехать село, как вдруг увидел перед собой человек пять казаков. Это был дозор Пугачёва. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо них, но они меня сразу же окружили. Я схватил саблю и ударил одного из них по голове. Казак упал, другие испугались и отбежали. Я ударил свою

лошадь и поскакал. Вдруг я услышал позади шум, крики и голос Савельича. Бедный старик на своей старой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Я поехал назад. Разбойники были очень рады, что я вернулся. Они сразу схватили меня и один из них объявил мне, что сейчас поведёт нас к царю.

- Царь прикажет, - сказал он, - сейчас ли вас повесить или ждать до утра!

Казак повел нас к избе, стоявшей на углу улицы. У ворот стояли две пушки и несколько бочек от вина. Один из казаков пошёл в избу.

- Сейчас мы узнаем, что с вами делать, - сказал он.

Я посмотрел на Савельича: старик крестился, читая молитву. Мы ждали долго; наконец, казак вернулся.

- Царь хочет видеть офицера, - сказал он.

Я вошёл в избу. Пугачёв с важным видом сидел в углу, окружённый своими товарищами. Видно было, что сообщение об аресте офицера его заинтересовало.

Пугачёв сразу же узнал меня, и вся его важность вдруг прошла.

- А, ваше благородие! - сказал он. - Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?

Я ответил, что ехал по своему делу.

- А по какому делу? - спросил Пугачёв.

Я не знал, что ответить. Пугачёв, думая, что я не хочу говорить при свидетелях, приказал всем уйти. Все разбойники вышли, кроме двух.

- Говори при них, - сказал мне Пугачёв; - я от них ничего не скрываю.

Я посмотрел на товарищей Пугачёва. Один из них был слабый старик маленького роста. Другой - высокий человек, лет сорока пяти. Первый (как я узнал позже) был дезертир - капрал Белобородов, второй был Хлопуша, известный преступник, три раза бежавший из Сибири.

Пугачёв ждал ответа.

Мне показалось, что судьба, приведшая меня во второй раз к Пугачёву, даёт мне возможность выполнить моё решение.

- Я ехал в Белогорскую крепость, чтобы помочь сироте, которую там обижают, - сказал я.

- Кто из моих людей обижает сироту? - закричал Пугачёв, - говори, кто виноват?

- Швабрин виноват, - ответил я. - Он держит под арестом ту девушку, которую ты видел больную у отца Герасима. Швабрин хочет заставить её выйти за него замуж.

- Я накажу Швабрина, - сердито сказал Пугачёв. - Он узнает у меня, как обижать моих людей. Я его повешу!

- Разреши́ сказа́ть сло́во, - заме́тил Хлопу́ша.
- Ты поспеши́л назна́чить Шва́брина коменда́нтом кре́пости,
а тепе́рь спеши́шь его́ повеси́ть. Ты уже́ обиде́л каза-
ко́в, назна́чив офице́ра их нача́льником, а тепе́рь хо́чешь
казни́ть его́ по пе́рвому донóсу.

- Не́чего их жале́ть! - сказа́л Белоборо́дов. - Шва́б-
рина казни́ть не пло́хо, но хорошо́ бы и господи́на офи-
це́ра допроси́ть. Не прика́жешь ли подже́чь ему́ пя́тки?
Тогда́ узна́ем - не шпио́н ли он.

Моро́з пробежа́л по моему́ лицу́. Пугачёв заме́тил
мой страх и сказа́л:

- Что, ва́ше благо́рдие? Фельдма́ршал мой, ка́жет-
ся говори́т пра́вду. Как ты ду́маешь?

Я отве́тил, что нахожусь в его́ вла́сти и что он
мо́жет де́лать со мной, что он хо́чет.

- Хорошо́, - сказа́л Пугачёв. - Тепе́рь скажи́, как
дела́ в го́роде?

- Сла́ва Бо́гу, - отве́тил я, - в го́роде всё хорошо́.

- Хорошо́? - повтори́л Пугачёв. - А наро́д умира́ет
от го́лода!

Пугачёв был прав, но я по до́лгу служ́бы до́лжен
был возра́зить, что э́то то́лько слухи́ и что в Оренбу́рге
все́го доста́точно.

- Ты ви́дишь! - сказа́л стари́к, - что он тебя́ об-
ма́нывает. Повеси́ его́ лу́чше вме́сте со Шва́бриным.

Пугачёв молча́л. К моему́ сча́стью Хлопу́ша стал

спóрить со своим товáрищем.

- Вѣдно ты ещё máло крóви прóлил, старѣик, - сказа́л он, - самому́ тебе́ умира́ть порá, а ты други́х убивáть хочешь!

- А что ты спóришь! - закрича́л Белоборóдов. - Ты сам люди́ не убивáл?

- Конéчно, - отвéтил Хлопу́ша, - но я убивáл их в открь́том по́ле и́ли в тёмном лесу́, а не до́ма, сѣдя за пéчью.

- Господа́ генерáлы, - сказа́л ва́жно Пугачёв, - дово́льно спóрить!

- Расскажи́ лу́чше, почему́ ты е́дешь к той де́вушке, кото́рую Шва́брин обижа́ет? - спроси́л он меня́.

- Она́ моя́ невеста, - отвéтил я Пугачёву.

- Твоя́ невеста! - закрича́л Пугачёв, - почему́ ты ра́ньше не сказа́л? Мы тебя́ же́ним и на сва́дьбе твоёй погуля́ем. Слу́шай, фельдма́ршал! Мы с его́ благо́родием ста́рые прия́тели. Дава́йте у́жинать, а у́тром решѣм, что с ним де́лать.

Мы се́ли у́жинать. По́сле у́жина меня́ повели́ в избу́, где уже́ сидѣл Савѣльич и за́перли за мной дверь. Всю ночь я ду́мал о своём положéнии и не мог засну́ть.

У́тром меня́ позва́ли к Пугачёву. Когда́ я подошёл к до́му, Пугачёв садѣлся в кибѣтку. Он вѣсело со мной поздорóвался и приказа́л мне сесть ря́дом.

- В Белогóрскую крѣпость, - сказа́л Пугачёв.

Мы поѣхали.

Вдруг я услы́шал знако́мый го́лос Савѣльича.

- Стой! Стой! - крича́л дядька. - Су́дарь мой, Пётр Андре́евич, не оставля́й меня́ одно́го с э́тими разбо́йни ...

- А, стары́к! - сказа́л Пугачёв. - Опя́ть мы с тобо́й встрѣ́тились. Ну, сады́сь в кибѣ́тку!

- Спаси́бо, оте́ц родно́й! - отве́тил Савѣльич, садя́сь ря́дом с ямщи́ком.

Ло́шади поскака́ли, наро́д на у́лице останáвливался и снимáл ша́пки. Че́рез мину́ту мы вы́ехали из села́ и полете́ли по сне́жной доро́ге.

Легко́ предста́вить себе́, что я чу́вствовал в э́ту мину́ту. Че́рез не́сколько часо́в я наде́ялся уви́деть Ма́шу. Но я по́мнил о том, что Пугачёв не знал, что она́ дочь капита́на Миро́нова. Шва́брин мог откры́ть ему́ всё. Что тогда́ бу́дет с Ма́шей? Вдруг Пугачёв спроси́л меня́:

- О чём ты ду́маешь, ва́ше благо́родие?

- Как не ду́мать, - отве́тил я ему́: - я офице́р и твой враг, вчера́ ещё воева́л про́тив тебя́, а сего́дня я еду́ с тобо́й в одно́й кибѣ́тке, и сча́стье всей моёй жи́зни зави́сит от тебя́.

- А стра́шно тебе́? - спроси́л Пугачёв.

Я отве́тил, что ве́рю в его́ доброту́ и да́же наде́юсь на его́ по́мощь.

- И ты прав, ей-Богу прав! - сказа́л Пугачёв. Ты ви́дел, как мо́и ребята смотре́ли на тебя́? Ста́рик ещё се́годня у́тром говори́л, что на́до пове́сить тебя́, но я не согласи́лся. Я ещё по́мню тво́й стака́н во́дки и за́ячий тулу́п, - продо́лжа́л он ти́хим го́лосом. - Ты ви́дишь, я не тако́й жесто́кий, как говори́т обо мне.

Я поду́мал о ви́селице в Бело́гёрской кре́пости, но не стал возража́ть.

- До сих пор я воева́л хоро́шо, - продо́лжа́л Пугачёв, - но дай мне вре́мя, ещё уви́дишь, как я пойду́ на Москвú.

- А ты ду́маешь и́дти на Москвú? - спроси́л я.

Пугачёв замо́лча́л.

- Бог зна́ет, - сказа́л он, нелегко́ мне, помо́щники у меня́ плохи́е. О́ни - во́ры, мо́гут прода́ть меня́.

Кибítка летéла по зímней доро́ге. Ско́ро я уви́дел знако́мую дере́вню на круто́м бере́гу Я́ика. Че́рез че́тверть часа́ мы въéхали в Бело́гёрскую кре́пость.

11. Сирота́

Кибítка подъéхала к коменда́нтскому до́му. Шва́брин встрéтил Пугачёва и помо́г ему́ вй́ти из кибítки. Уви́дев меня́, он снача́ла испуга́лся, но пото́м сказа́л:

- Ты то́же наш? Давно́ бы так!

Я ничего не ответил. Мы вошли в дом. Пугачёв сел на диван, на котором обычно спал старый комендант после обеда. Швабрин принёс ему водки. Видно было, что Швабрин боялся. Он чувствовал, что Пугачёв был недоволен им. Пугачёв спрашивало положении в крепости и о слухах про неприятельские войска.

Неожиданно он спросил:

- Скажи, какую девушку ты держишь у себя под караулом? Покажи мне её.

Швабрин побледнел.

- Она не под караулом... Она больна... Она в комнате лежит, - ответил он.

- Веди меня к ней! - сказал Пугачёв.

Отказаться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в комнату Маши. Я пошёл за ним.

У двери комнаты Швабрин остановился.

- Государь, я должен сказать вам, что моя жена очень больна, она никого не узнаёт.

- Открывай, - сказал Пугачёв.

Швабрин начал искать в карманах и сказал, что он забыл ключ внизу. Пугачёв ударил дверь ногой, замок упал на пол, дверь открылась и мы вошли.

В пустой комнате на полу сидела Маша, бледная и худая. Перед ней стоял стакан с водой, покрытый куском хлеба.

Увидев меня, она закричала и бросилась ко мне. Пугачёв посмотрел на Швабрина и сказал:

- Хороша у тебя больница! - Потом, обращаясь к Маше, спросил:

- Скажи мне, за что твой муж так тебя наказывает? В чём ты виновата?

- Мой муж! - закричала Маша. - Он мне не муж! Я никогда не буду его женой. Я лучше умру.

- Так ты меня обманывал! - сказал Пугачёв, сердито посмотрев на Швабрина. Швабрин упал к его ногам.

- Ну, хорошо, - продолжал Пугачёв, - прощаю тебя на этот раз.

- Выходи, моя красавица, - сказал он Маше, - даю тебе свободу, я царь.

Маша посмотрела на Пугачёва, она поняла, что перед ней был убийца её родителей. Закрыв лицо руками, она упала на пол. Я бросился к ней, но в эту минуту в комнату вбежала Палаша и стала поднимать свою барышню.

- Что, ваше благородие? - сказал Пугачёв, выходя из комнаты. - Освободили красавицу! Теперь пошлём за священником и сделаем свадьбу; ведь она кажется родственница отца Герасима?

Чего я боялся, то и случилось. Швабрин, услышав предложение Пугачёва, закричал:

- Я виноват, государь, я вас обманул, но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не родственница

священника, а дочь капитана Миронова, который был казнён при взятии крепости.

- Это что ещё? - спросил Пугачёв сердито смотря на меня.

- Ты мне этого не говорил.

- Швабрин сказал тебе правду, - ответил я, - но ты сам подумай, можно ли было при твоих людях объявить, что дочь капитана Миронова жива? Ведь они убили бы бедную девушку.

- Правда, - сказал смеясь Пугачёв, - мои пьяницы не пожалели бы её. Хорошо сделала жена отца Герасима, что обманула их.

Увидев, что Пугачёв не сердится больше, я обратился к нему со словами:

- Бог видит, что я готов жизнью заплатить за всё, что ты для меня сделал. Но прошу тебя, кончи начатое доброе дело. Отпусти меня с сиротой к моим родителям.

- Хорошо! - сказал Пугачёв. - Казнить, так казнить; прощать, так прощать: это мой обычай. Возьми свою красавицу и вези её, куда хочешь.

Тут он приказал Швабрину дать мне пропуск во все крепости, которые находились под его властью.

Швабрин ушёл выполнить приказ. Пугачёв вышел за ним. Я опять вошёл в комнату к Маше. Она рассказала мне обо всём, что с ней случилось за это время и спрашивала у меня совета.

- Милая Ма́рья Ива́новна! - сказа́л я. - Я счита́ю тебя́ свое́й невесто́й и прошу́ тебя́ по́ехать к мо́им роди́телям. Я зна́ю, что мой оте́ц бу́дет рад приня́ть дочь капита́на Миро́нова.

Ма́ша вы́слушала меня́ просто́ и не ста́ла возража́ть. Она́ чу́ствовала, что судьба́ её была́ соедине́на с моёй судьбо́й.

- Но, сказа́ла она́, - я бу́ду твоёй же́ной то́лько, е́сли роди́тели тво́и согласи́тся на э́то.

Я не возража́л, мы поцелова́лись, - тепе́рь всё бы́ло реше́но ме́жду на́ми.

Че́рез час каза́к принёс мне про́пуск, подпи́санный Пугачёвым, и позва́л меня́ к нему́. Я пошёл прости́ться с Пугачёвым. Пугачёв был гото́в к отъезду́. Мы попроща́лись. Трудно́ описа́ть, что я чу́ствовал в э́ту мину́ту. Э́тот стра́нный челове́к, разбо́йник и убийца́, для всех крóме меня́, был мо́им дру́гом. Мне хоте́лось спасти́ его́, пока́ ещё бы́ло вре́мя, но что я могъ сде́лать?

Пугачёв уе́хал.

Я пошёл в дом священника́, где всё уже́ бы́ло гото́во к отъезду́.

Я не хоте́л бо́льше жда́ть. Ма́рья Ива́новна с Пала́шей и я с Саве́льичем се́ли в кибитку́ и наве́гда́ оста́вили Бело́гору́скую кре́пость.

12. Арест

Мы подъезжали к городу, где, по словам бунтовщиков, находился сильный отряд Пугачёва. Мы были остановлены дозором. На вопрос: — кто едет? — ямщик громко ответил:

— Приятель государя нашего со своей молодой хозяйкой. Вдруг толпа гусар окружила нас.

— Выходи, чёртов приятель! — кричали они.

Я вышел из кибитки и потребовал, чтобы они отвели меня к своему начальнику. Увидев офицера, солдаты замолчали. Один из них повёл меня к майору. Савельич пошёл за мной. Через пять минут мы пришли к маленькому домику, перед которым стояло двое часовых. Гусар вошёл в дом, оставив меня ждать на улице. Скоро он вернулся и сообщил, что майор приказал отвести меня в тюрьму, а хозяйку мою привести к нему.

— Что это значит? — закричал я. — Разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — ответил солдат.

Я бросился в дом и прямо вбежал в комнату, где человек шесть офицеров играли в карты. Майор держал банк. Как я удивился, когда, посмотрев на него, я узнал Ивана Ивановича Зурина, моего старого знакомого!

— Возможно ли? — закричал я, — Иван Иванович! ты ли это?

- Ба-ба-ба, Пётр Андреевич! Откуда ты? Здравствуй, брат! Не хочешь ли поставить карту?

- Благодарю, - ответил я. - Прикажи лучше дать мне квартиру.

- Какую квартиру? Оставайся у меня, - предложил Зурин.

- Не могу: я не один, - возразил я.

- Ну, давай сюда и товарища!

- Я не с товарищем; я ... с дамой.

- С дамой!! - при этих словах Зурин сделал такое лицо, что все засмеялись, а я покраснел и не знал, что ответить.

- Ну, хорошо! - сказал Зурин, - найдём тебе квартиру. А жаль ... Мы вышли бы с тобой по-старому.

- А где же приятельница Пугачёва? - вдруг вспомнил он. - Почему её не ведут сюда?

- Что ты говоришь? - сказал я Зурину. - Какая приятельница Пугачёва? Это дочь капитана Мирёнова. Она едет со мной.

- Как! Так это сейчас о тебе говорили? Объясни, пожалуйста, что всё это значит?

- Потом всё расскажу, - ответил я, - а теперь, ради Бога, прикажи отпустить бедную девушку; твои гусары очень её испугали.

Зурин сам вышел на улицу, извинился перед Марьей Ивановной и приказал дать ей лучшую квартиру в городе.

Я остáлся у Зúрина.

Вéчером я сказа́л Савéльичу, чтóбы зáвтра úтром он был готóв éхать с Мáшей к мо́им родíteлям. Савéльич нáчал протестовáть, но я скáзал ему́:

- Друг мой, Архíп Савéльич, не откáзывай мне в прóсьбе. Пóмни, что служá Мáрье Ивáновне, ты слúжишь мне, потому́ что я твёрдо решил женítься на ней, как тóлько бúдет возмо́жно.

Вид у Савéльича был удивлённый и испуганный.

- Женítься! - повторíл он. - Ребёнок хóчет же- нítься! А что скáжут родíteли тво́и на éто? Подúмай, сúдарь!

- Я наде́юсь на тебя́, - отвéтил я. - Отéц мой и мать тебе́ вéрят. Обещáй, что ты бúдешь говорítть за нас!

- Ох-, сúдарь мой, Пётр Андрéевич! - сказа́л ста- рíк, - рáно ты решил женítься, но Мáрья Ивáновна такáя хорóшая дéвушка, что пусть бúдет по-твоéму. Скажú тво́им родíteлям, что лúчшей неvéсты нельзá найти́.

Я поблагодарíл Савéльича и лёг спать в одной кóмнате с Зúриным.

Úтром я погово́рил с Мáшей, она́ вíслушала меня́ и во всём согласíлась со мной. Я дал ей письмó к мо́им родíteлям. Прощáясь, Мáша заплакала.

- Прощáйте, Пётр Андрéевич, - сказа́ла она́ тíхим гóлосом. - Увíжу ли я вас опя́ть, Бог одíн знáет, но

я никогда не забуду вас. До самой смерти ты один останешься в моём сердце.

С этими словами она уехала. Я вернулся к Зурину и вечером мы с полком гусар двинулись дальше.

Это было в конце февраля. Наши генералы готовились к наступлению. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом.

Между тем наши войска со всех сторон подходили к окружённому городу. Скоро князь Голицын, под крепостью Татищевой, разбил Пугачёва и освободил Оренбург. Но Пугачёв не был схвачен, он бежал и скоро появился на сибирских заводах. Там он собрал новые шайки и опять начал грабить. Сообщение о взятии Казани серьёзно испугало наших начальников. Зурин получил приказ перейти через Волгу.

Не буду описывать нашего похода и окончания войны. Скажу кратко, время было тяжёлое. Шайки разбойников грабили города и села. Жители должны были скрываться в лесах. Не дай Бог видеть русский бунт — жестокий и кровавый!

Наконец Зурин получил сообщение об аресте Пугачёва, а вместе с тем и приказ остановиться. Война была окончена. Теперь я мог ехать к моим родителям. Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней я должен был опять увидеть мою Машу.

Но неожиданное несчастье ждало меня.

В день моего отъезда Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу. Вид у него был серьёзный. Я испугался, сам не зная чего. Он объявил, что должен со мной поговорить.

- Что случилось? - спросил я в тревоге.

- Маленькая неприятность, - ответил он, передавая мне бумагу.

Я начал читать: это был секретный приказ всем начальникам отрядов немедленно арестовать меня и послать под караулом в Казань для допроса по делу Пугачёва. Бумага чуть не упала из моих рук.

- Делать нечего! - сказал Зурин. - Видно, слух о твоих поездках с Пугачёвым дошёл до правительства. Мой долг выполнить приказ. Надеюсь, что тебе дадут возможность всё объяснить и дело не будет иметь плохих результатов.

Я знал, что я не виноват, и суда не боялся, но мысль, что я теперь не увижу Машу, может быть несколько месяцев, беспокоила меня.

Меня посадили в кибитку. Со мной сели два гусара, и мы поехали по большой дороге.

13. Суд

Приѣхав в Казань, гусары передали меня дежурному офицеру. Мне надели на ноги цепи и отвели в тюрьму. Такое начало не обещало ничего хорошего. Но я не терял надежды и спокойно заснул, не думая о том, что со мной будет завтра. На следующее утро меня разбудил часовой. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом. Я вошел в довольно большой зал. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: старый генерал, холодного и строгого вида, и молодой гвардейский капитан лет двадцати восьми. У окна за отдельным столом сидел секретарь, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Я назвал свое имя и чин. Генерал спросил, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва. На мой ответ он строго сказал:

- Жаль, что у такого храброго офицера такой плохой сын!

Я спокойно ответил, что надеюсь всё объяснить, рассказав всю правду. Мой ответ понравился генералу.

Тогда молодой капитан спросил меня, когда и где я поступил на службу к Пугачёву и какие задания выполнял. Я ответил, что я, как офицер, ни на какую службу к Пугачёву поступать не мог и никаких заданий не выполнял.

- Как же, - возразил мой допросчик, - этот офицер

один прощён Пугачёвым, когда все его товарищи убиты?! Как же этот самый офицер по-приятельски пьёт с бунтовщиками и даже принимает от главного разбойника подарки? Что это, если не измена?

Я был глубоко обижен словами гвардейского офицера. Я начал объяснять, как я познакомился с Пугачёвым во время метели в степи, как после взятия Белогорской крепости он меня узнал и поэтому не повесил меня. Я сказал, что тулуп и лошадь я, правда, взял от Пугачёва, но что Белогорскую крепость я защищал честно до последней возможности. Наконец, я просил допросить моего генерала, который мог бы рассказать о моём участии в защите Оренбурга. Я хотел объяснить всё и рассказать также о Марье Ивановне, но тут мне стало ясно, что, если я назову её имя, то и её потребуют на допрос. Что будет тогда с ней? Эта мысль меня так испугала, что я решил молчать.

Судьи мой почувствовали, что я что-то скрываю и перестали мне верить.

Гвардейский офицер приказал привести главного доносчика. Через несколько минут дверь открылась и вошёл Швабрин, худой и бледный. Он повторил свой донос слабым, но твёрдым голосом. По его словам я был послан от Пугачёва в Оренбург шпионом. Каждый день я выезжал за городскую стену, чтобы передавать сведения

о положѣнии в гóроде и, наконецъ, открыто перешёл на стóрону бунтóвщиков.

Я вѣслушал его мóлча и был довóлен однимъ: измѣнник не назвáл имени Мáрьи Ивáновны. Я решѣл молчáть дáльше. Когда сýдьи спросили меня, что я могу сказáть в свою защѣту, я отвѣтил, что уже сказáл всё.

Генерáл приказáл нас увести. Меня опáть отвели в тюрьму и бóльше на допрóс не вызывáли.

Слух о моём аресте óчень испугáл мою семью. Мáрья Ивáновна так прóсто рассказáла моим родителáм о моём стрáнном знакомстве с Пугачёвым, что они совсём не беспоко́ились и дáже чáсто смеялись над этимъ.

Прошлó нѣкоторое врѣмя... Вдруг отѣц мой получилъ письмо из Петербурга от нáшего рóдственника, князя В. Князь В. писáл ему, что подозрѣния насчёт моего уча́стия в бунте бы́ли прáвильны. Что меня сначáла хотѣли казнѣть, но царица, жалѣя стáрого отцá, приказáла сослáть меня в Сибѣрь до концá моёй жѣзни. Отѣц мой был в отчáянии, мать плакала, но бóльше всех страда́ла Мáша. Она зна́ла, что я мог бы спасти́сь, е́сли бы рассказáл всё, и считáла себя виновáтой в моём несча́стье.

Одна́жды вѣчером, когда́ вся семья сидѣла в гости́ной, Мáша объявила, что ей нáдо поѣхать в Петербург. Моя́ мать испугáлась и спросила:

- Неужели ты хóчешь от нас уѣхать?

Мáша отвéтила, что вся её бóдущая судьбá завéсит от ётой поёздки и просила отпустить её.

- Поезжай, Мáша! - сказа́л ей печáльно отёц. - Дай тебе́ Бог хоро́шего и чёстного жениха́, а не преступника и изменника.

С ётими слова́ми он встал и вёшел из ко́мнаты.

Чёрез нёсколько дней Ма́рья Ива́новна вме́сте с вёрной Пала́шей и с Савёльичем вёехала в Петербур́г.

Приёхав на ста́нцию Софи́я о́коло Петербур́га, Ма́рья Ива́новна узна́ла, что Двор находёлся в Цáрском Селё. Она́ реши́ла остано́виться на ста́нции у жёнё смотрётеля.

На друго́й день ráно у́тром Ма́ша встáла, одёлась и пошла́ в Царскосёлёский парк. Подождя́ к па́мятнику побёды над Ту́рцией, она́ уви́дела да́му, сидёвшую на скаме́йке напрóтив па́мятника. Вдруг ма́ленькая бе́лая соба́чка бросилась Ма́ше по́д ноги. Ма́рья Ива́новна испугáлась и остано́вилась.

- Не бо́йтесь, - сказа́л прия́тный же́нский го́лос, - она́ не кусáет. Подойдите сюда́!

Ма́ша подошла́ и сёла на друго́м конце́ скаме́йки.

- Отку́да вы? - спросила незнако́мая да́ма.

Ма́ша объясни́ла ей, что она́ приёхала проси́ть у ца́рицы по́моши и защи́ты. Она́ рассказа́ла, что её роди́тели уби́ты Пугачёвым и что жени́х её находётся в тюрме́.

Потом она вынула из кармана прошение и дала его прочитать незнакомой даме. Прочитав бумагу, дама строго посмотрела на Машу и сказала холодным тоном:

- Я бываю при Дворе и я думаю, что смогу вам помочь, но Гринёва царица не может простить: он изменник и сообщник Пугачёва.

- Неправда, ей-Богу, неправда! - закричала Маша. - Я вам всё расскажу. Он для меня одной ездил к Пугачёву. Он мог бы всё рассказать, но он боится видеть меня.

Дама слушала Машу с большим вниманием.

- Где вы остановились? - спросила она потом.

Маша дала ей свой адрес.

- Прощайте, не говорите никому о нашей встрече, - сказала дама. - Я надеюсь, вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо. - С этими словами она встала и пошла по аллее. Маша вернулась на станцию.

После обеда, когда Маша с хозяйкой пили чай, к дому вдруг подъехала богатая карета. Вошёл лакей и объявил, что царица хочет видеть Марью Ивановну. Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец. Она чувствовала, что в эту минуту решается её судьба. Сердце её сильно билось.

Через несколько минут карета остановилась у дворца. Двери широко открылись, и лакей повёл её

чѣрез ряд пустѣх, богáто декорированных зал, в кóмнату императрицы.

Войдя в кóмнату, Мáша увидела царицу, сидѣвшую за туалéтом, и, к своему удивлению, узнала в ней даму, с котóрой она разговáривала úтром в пáрке.

— Подойдите ближе, — сказа́ла императрица, улыбаясь, — я рада, что могла вы́полнить ва́шу про́сьбу. Дéло ва́ше кóнчено. Я увѣрена, что ваш жених невинóвен. Возьмите это письмó и передайте отцу́ ва́шего жениха́.

Мáрья Ива́новна приняла́ письмó и, заплакав, упала к ногáм императрицы, котóрая подняла́ её и поцеловáла.

В этот же день Мáрья Ива́новна поѣхала обрáтно в деревню́.

Эпилог

Здесь кончáются записки Петра́ Андреевича Гринёва. Но из семейных рассказов мы знаём, что он бы освобождён в концé 1774 гóда по личному приказу императрицы, что он вѣдел казнь Пугачёва, котóрый перед смёртью сдѣлал ему́ знак головóй. Пётр Андреевич женился на Мáрье Ива́новне, и их дѣти живут в Симбѣрской губернии. В однóй из кóмнат под стеклóм до сих пор висит письмó Екатери́ны II, котóрое показывають гостя́м.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА"

Глава́ 1

бе́речь	to safeguard, take care of
вздор	nonsense, rubbish
<u>ВЫХОДИ́ТЬ</u> в отста́вку ВЫЙТИ	to retire
душа́ в ду́шу	in concord
<u>ИСПОЛНЯ́ТЬ (ся)</u> <u>ИСПОЛНИ́ТЬ (ся)</u>	to fulfill, accomplish
князь (pl. князья́)	prince
коё-как	perfunctorily, carelessly
ми́рно	peacefully
наде́жда	hope
напрóтив	contrary, opposite
<u>ню́хать</u> ПОНЮ́ХАТЬ	to smell
по́рох	gunpowder
посло́вица	saying
прия́тель	friend, comrade, chum
<u>пуга́ть</u> <u>напуга́ть</u> <u>испуга́ть</u>	to frighten, scare
<u>роня́ть</u> урони́ть	to drop, lose the hold of
судьба́	fate, destiny
честь (f.)	honor

Глава 2

бунт	uprising, mutiny
<u>возража́ть</u> возразить	to contradict, object
за́пах	scent, smell
<u>засыпа́ть</u> засну́ть	to fall asleep
за́яц (за́ячий- adj.)	hare, rabbit
кре́пость (f.)	fort, stronghold
ли́шний	extra, spare, odd
навстрéчу	towards
обо́з	train (of vehicles)
проводни́к	guide
<u>сверка́ть</u> сверкнúть	to sparkle, glitter, twinkle
тулу́п	sheepskin overcoat

Глава 3 и 4

верста́	versta (Russian measure of length appr. 2/3 of a mile)
изба́	hut, cabin
имени́ны (pl. only)	name day
карау́л	guard duty, guard
круто́й	steep, severe, sharp (turn)
куша́нье or еда́	food
ме́жду тем	meanwhile
<u>моли́ться</u> помоли́ться	to pray

щи	Russian cabbage soup
страх	fright
трус (трусíха - f.)	coward
хра́брый	brave
че́стный	honest

Глава́ 5

безопа́сность (f.)	safety
<u>веша́ть</u> пове́сить	to execute by hanging, hang
<u>врать</u> совра́ть	to lie
вы́дать за себя́	to impersonate, pass for
дозо́р	patrol
замо́к	lock
<u>обижа́ть</u> оби́деть	to hurt, offend, insult
разбо́йник	brigand, bandit, outlaw
сара́й	barn
ску́чный	boring, tedious
<u>удивля́ться</u> удиви́ться	to be surprised
угрожа́ть	to threaten, menace
угро́за	threat
часово́й	sentry, guard
<u>чи́стить</u> вычи́стить	to clean
ша́йка	gang

Глава 6

бараба́н	drum
вал	rampart, earthbank
ве́рный	trustworthy, dependable
вса́дник	horsman, rider
залп	volley, salvo
пи́ка	spear
<u>плева́ть</u> <u>плюну́ть</u>	to spit
прися́га	oath of allegiance
<u>присяга́ть</u> <u>присягну́ть</u>	to take an oath
<u>проща́ть</u> <u>прости́ть</u>	to forgive, pardon
са́бля	sword
туре́цкий	Turkish
<u>хвата́ть</u> <u>схватить</u>	to grab, seize
шве́дский	Swedish

Глава 7 и 8

<u>гра́бить</u> <u>разгра́бить</u>	to loot, rob
казни́ть	to execute
необыча́йный	unusual, uncommon, rare
те́ло	body
трево́жный	disturbing, alarming
шу́ба	fur overcoat

Глава 9

<u>заставлять</u> заставить	to force, compel
ко́нница	cavalry
отча́яние	despair, despondency
полсо́тни	50 (lit. $\frac{1}{2}$ of 100)
<u>сража́ться</u> <u>срази́ться</u>	to combat, fight

Глава 10

бо́чка	barrel
доно́с	denunciation, malicious information
доно́сить	to report
<u>жа́леть</u> пожа́леть	to pity, sympathize
жесто́кий	cruel, brutal, savage
зави́сеть	to depend
кошелёк	purse, wallet
<u>крести́ться</u> <u>перекреститься</u>	to cross oneself
моли́тва	prayer
<u>нака́зывать</u> наказа́ть	to punish
пя́тка	heel
сирота́	orphan
слух	rumor

Глава 11 и 12

кратко	briefly, concisely, in short
кро́вный	bloody
обы́чай	custom
похо́д	campaign, march
свяще́нник	priest
уби́йца	murderer

Глава 13

дворе́ц	palace
доно́счик	informer, denunciator
изме́на	treason, treachery
<u>куса́ть</u> укуси́ть	to bite
подозре́ние	suspicion
показа́ние	testimony
соо́бщник	accomplice
сосла́ть	to exile
це́пь (f.)	chain

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

—
1 8 2 8 — 1 9 1 0

Лев Николаевич Толстой — граф, великий русский писатель. Родился в усадьбе Ясная Поляна. Уже в ранних повестях ("Детство", "Отрочество", "Юность", "Севастопольские рассказы", "Казачьи" и др.) обнаружилось великое реалистическое мастерство Толстого, глубина его психологического анализа.

В 1863–69 гг. Толстой работал над созданием грандиозной исторической эпопеи — романа "Война и мир" об Отечественной войне 1812 г. Толстой гениально нарисовал духовную жизнь различных представителей дворянского общества, показал их идейные искания, создал реалистические картины русской природы и быта начала 19-го века.

В романе "Анна Каренина" (1873–1877 гг.) Толстой описал трагедию русской женщины, показал социальные противоречия русской жизни в период острой ломки крепостных отношений.

Критический реализм Толстого особенно проявился в его романе "Воскресение" и в его повестях и рассказах ("Отец Сергей", "Крейцера соната" и др.).

Толстой был также и великим драматургом (пьесы "Власть тьмы", "Плоды просвещения", "Живой труп").

В ряде статей 80-х гг. и рассказах Толстой изложил своё религиозно-философское учение. За критику религии в 1901 г. Толстой был отлучён синодом от церкви.

10 ноября 1910 г. Толстой тайно ушёл из дому. В дороге он заболел и умер на станции Астапово (теперь ст. Лев Толстой)

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

по Л.Н. ТОЛСТОМУ

Жилин служил на Кавказе офицером. Однажды пришло ему письмо от старухи-матери. "Я уже стара, - писала мать, - и мне хочется увидеть любимого сына, может быть, в последний раз. Приезжай!"

Жилин подумал: "Правда, мать сильно постарела и, может быть, мы в последний раз увидимся. Надо ехать". Он пошел к полковнику, получил отпуск, простился с офицерами и своими солдатами и поехал.

На Кавказе тогда была война. По дорогам нельзя было ездить ни днем, ни ночью. Если кто-нибудь из русских отходил или отъезжал от крепости, татары или убивали, или уводили в горы в плен.

Обычно два раза в неделю из крепости ходили солдатские конвои и с ними ездил народ. Жилин поехал с таким конвоем на лошади.

Было лето, погода была жаркая, и обоз шел очень медленно. Кругом была степь, ни одного дерева на дороге. Жилин решил ехать один, без солдат. "Лошадь у меня хорошая и быстрая", - подумал он и поехал вперед.

Когда степь кончилась и дорога пошла между горами, Жилин подумал: "Надо посмотреть, нет ли где-нибудь татар; они могут так въехать из-за гор, что и не заметишь". И он повернул налево в гору. Въехав на гору, Жилин увидел человек 30 татар на лошадях. Он поскакал назад, но татары его увидели и погнались за ним. Жилин надеялся доскакать до своих солдат, но вдруг увидел, что навстречу ему едут ещё шесть татар и один татарин с рыжей бородой скачет прямо на него.

Жилин вынул саблю и пустил лошадь прямо на этого татарина, подумав: "Или лошадью, или саблей его убью". Но лошадь не доскакала: кто-то выстрелил сзади, и пуля попала в неё. Лошадь упала, и вместе с ней упал Жилин. Он хотел встать, но не мог: два татарина уже сидели на нём и били его винтовками по голове. Потом татары связали Жилина и повезли в горы.

Они ехали долго, переехали реку и въехали, наконец, на дорогу. Жилин хотел запомнить дорогу, но его глаза были в крови, и он ничего не видел.

Было уже темно, когда они приехали в аул. Татары сошли с лошадей. Собрались татарские дети и стали бросать в Жилина камни. Татарин снял Жилина с лошади, развязал ему руки и запер в сарае. Жилин не спал почти всю ночь. Ему очень хотелось пить, но воды не было.

Утром пришёл рыжий татарин и с ним другой, чёрный. Жилин показал руками, что он хочет пить. Чёрный татарин понял, засмеялся и позвал: "Дина!" Прибежала девочка лет тринадцати с красивыми чёрными глазами, по-видимому, дочь чёрного. Татарин сказал ей что-то, и она убежала. Скоро она прибежала опять и принесла воды. Пока Жилин пил, она большими глазами смотрела на него. Когда Жилин выпил воду, она убежала так быстро, что даже отец засмеялся.

Через некоторое время пришёл работник и повёл Жилина в дом чёрного татарина. Комната, куда его привели, была хорошая, чистая. На стенах винтовки, пистолеты, сабли. На полу — ковры. На коврах сидели татары: чёрный, рыжий и трое гостей. Перед ними стояло татарское пиво.

Татары поговорили по-своему, и один стал говорить с Жилиным по-русски.

- Тебя взял в плен Казы-Мухамед, — сказал он, показывая на рыжего татарина, — и он отдал тебя Абдул-Мурату, — и он показал на чёрного. — Теперь Абдул-Мурат твой хозяин. Он хочет получить за тебя деньги. Пиши письмо домой.

- А сколько денег он хочет? — спросил, подумав, Жилин.

- Три тысячи рублей.

- Нет, столько я не могу заплатить.

- Сколько же ты можешь?

- 500 рублей.

Теперь татары быстро заговорили между собой. Абдул стал кричать на рыжего татарина.

- 500 рублей - это мало, - сказал переводчик.

- Он сам за тебя заплатил 2000 рублей. Если ты не заплатишь 3000 рублей, будешь сидеть в яме.

Жилин подумал: "Если они увидят, что я боюсь их, то будет ещё хуже" - и он закричал:

- Скажи этой собаке, что если ему 500 мало, то я ни копейки не дам и писать не буду. Я не боялся и не буду бояться вас, собак.

Тогда Абдул дал ему кусок бумаги, перо, чернила и приказал: "Пиши! Пусть будет 500 рублей".

Жилина отвели в сарай. Ему принесли туда воды, хлеба, две старых шинели и старые солдатские сапоги с какого-то убитого солдата.

Так он жил целый месяц. Давали ему только хлеб и воду. Жилин знал, что мать не получит его письма, потому что он написал неправильный адрес. Он знал, что у его матери нет денег, но он надеялся убежать из плена.

Как-то раз Жилин сделал куклу в татарской одежде и поставил её около дома. Дочь хозяина, Дина,

увидела её и позвала́ других де́вочек. Они́ до́лго разговаривали и смея́лись. Жи́лин хоте́л дать им куклу́, но де́вочки не взяли́ её — они́ боя́лись ру́сского. Он оста́вил куклу́, ушёл в сара́й и стал смотре́ть, что бу́дет да́льше.

Ди́на подбежа́ла, взяла́ куклу́ и бы́стро убежа́ла.

На друго́й день у́тром Жи́лин ви́дел Ди́ну с кукло́й в рука́х. Она́ держа́ла её, как ребёнка. Вдруг из до́ма вы́шла стару́ха, взяла́ у Ди́ны куклу́ и слома́ла её. Жи́лин сде́лал но́вую куклу́, лу́чше пре́жней, и дал её Ди́не. С того́ вре́мени они́ ста́ли друзья́ми. Она́ ста́ла носи́ть ему́ молоко́ ка́ждый день, когда́ други́е не ви́дели.

Про́жил Жи́лин в ау́ле уже́ ме́сяц. Днём ходи́л по ау́лу и рабо́тал: то куклы́ для дете́й де́лал, то часы́ поправля́л, а оди́н раз да́же больно́го ви́лечил. По но́чам он копа́л в сара́е под стено́й ды́ру. Когда́ он, наконец, вы́копал большу́ю ды́ру, он подумал: "Тепе́рь всё гото́во, на́до то́лько узна́ть, в каку́ю сто́рону иди́ти".

Одна́жды, когда́ хозя́ин уе́хал, сын хозя́ина, ма́льчик, оста́лся смотре́ть за Жи́линым. Жи́лин пошёл за ау́л на́ гору с ма́льчиком, кото́рый сна́чала не хоте́л иди́ти с Жи́линым так далеко́. Но Жи́лин сказа́л, что на э́той горе́ есть трава́, кото́рая ему́ нужна́, что́бы ле́чить люде́й. С горы́ он уви́дел ещё́ две горы́ и далеко́, далеко́ за э́тими гора́ми, на откры́том ме́сте, как бу́дто дым по земле́

идёт. Жилин понял, что там должна быть его крепость. Значит, надо будет бежать между этими двумя горами.

"Сегодня ночью надо бежать", - решил Жилин. Вечером он раскопал дыру шире и стал ждать, когда в ауле наступит тишина. Как только народ в ауле заснул, Жилин полез под стену и влез из сарая. Он перекрестился и пошёл. Он стал смотреть по звёздам, в какую сторону идти. Было холодно, и потому ему было легко идти, только сапоги у него были плохие. Жилин снял сапоги и пошёл дальше. Шёл он довольно долго и вдруг услышал направо лай собак. "Эх, - подумал он, - я сделал ошибку, взял слишком направо. Тут аул, я его видел с горы. Надо идти назад, налево. Там должен быть лес". И Жилин побежал назад, к лесу.

Прошёл он по лесу версты четыре. В лесу был такой густой туман, что он почти ничего не видел.

Вдруг слышит Жилин - впереди идёт лошадь прямо к нему. Жилин сошёл с дороги и спрятался в кусты. К кустам подъехал татарин на лошади. Он остановился около кустов, за которыми сидел Жилин. Наверно, татарин слышал шум. Вдруг он схватил винтовку и выстрелил, потом что-то кричал по-своему и ускакал.

"Ну, - подумал Жилин, - теперь он, собака, позовёт других татар. Надо бежать".

Но но́ги у него́ бы́ли в крови́, и бежа́ть он не мог. Он прошёл версту́ и услы́шал, что сза́ди е́дут на лоша́дях. Он о́пять лёг в кусты́, но с тата́рами была́ соба́ка. Соба́ка зала́яла и пра́мо бро́силась к кусту́, где лежа́л Жи́лин. Тата́ры окружи́ли его́, связа́ли, посади́ли на ло́шадь и повезли́.

По доро́ге их встрети́л Абду́л. Он взял Жи́лина на свою́ ло́шадь и повёз наза́д в ау́л. Тепе́рь он бо́льше не смея́лся и не разгово́ривал.

Когда́ они прие́хали в ау́л, Абду́л посади́л его́ на у́лице. Тата́ры собрали́сь в круг и ста́ли говори́ть.

Пото́м хозя́ин подошёл к Жи́лину и сказа́л: — Е́сли ты о́пять убежи́шь, то я тебя́ убью́, как соба́ку. Пиши́ письмо́, хорошо́ пиши́!

Жи́лин сно́ва написа́л письмо́. На́ ноги ему́ надели́ це́пи и повели́ в ау́л. Там его́ посади́ли в я́му. Тепе́рь ста́ло совсе́м пло́хо жить. Це́пей с него́ не снима́ли ни днём, ни но́чью и не выпуска́ли из я́мы. Ему́ броса́ли ту́да пи́щу, как соба́ке.

Оди́н раз, когда́ он сиде́л в я́ме и мечта́л о свобо́де, к нему́ swéрху упали́ ви́шни и хлеб. Он посмотре́л наве́рх: там стоя́ла Ди́на.

— Что ты давно́ не приходи́ла? Тепе́рь я уже́ не могу́ сде́лать тебе́ ку́клу.

- Не надо кукол, - сказала Дина и, помолчав минуту, продолжала: - Иван, они хотят убить тебя, - и Дина показала рукой себе на шею.

- Кто хочет убить?

- Отец. Ему наши старики приказали. Мне жаль тебя.

- А если тебе жаль меня, то принеси мне длинную палку.

Она только покачала головой - нельзя.

- Дина, пожалуйста, принеси!

- Нельзя: увидят.

И ушла.

Вечером Жилин сидел и думал о том, что будет. Наверху были звезды. Вдруг на голову ему упала земля. Он посмотрел вверх и увидел, что сверху ему дадут длинную палку. Он видел эту палку раньше у хозяина на крыше. А над самой ямой горели глаза Дины, как у кошки.

- Иван, Иван!

- Что?

- Все уехали, только два человека дома.

Жилин взял палку, попросил Дину подержать её и полёз вверх.

Цепи очень мешали ему. С трудом он влез наверх. Дина, как могла, помогала ему ручонками.

Жи́лин дал ей па́лку и сказа́л:

- Унеси́ на ме́сто, а то, е́сли узна́ют, бу́дут тебя́ бить. Проща́й, Ди́на! Большо́е спаси́бо тебе́!

Жи́лин в це́пях с большо́м трудо́м шёл впе́ред по до-ро́ге. Тепе́рь он уже́ знал доро́гу: на́до иди́ти пра́мо вёрст во́семь. То́лько бы дойти́ до ле́са ра́ньше, чем в́йдет луна́! Когда́ он стал подходи́ть к ле́су, луна́ в́шла и ста́ло светло́, как днём. Жи́лин нашёл ка́мень и стал отбива́ть це́пи. Одну́ цепь он отби́л, а друго́ю не смог отби́ть.

Он встал и пошёл да́льше. Он шёл всю ночь. Уже́ луна́ ста́ла бледне́ть, но Жи́лин не дошёл ещё́ до конца́ ле́са. "Ну, - подумал он, - пройду́ ещё́ 30 шаго́в и сяду́".

Прошёл 30 шаго́в и ви́дит, что лес конча́ется, а на́лево под горо́й степь и кре́пость; огни́ горя́т и лю́ди сидя́т у костра́. Посмотрёл внима́тельно и узна́л казако́в и солда́т.

Жи́лин собра́л свои́ послед́ние си́лы и пошёл с горо́й вниз, а сам в э́то вре́мя ду́мал: "Помоги́ Бог! Е́сли тут в по́ле тата́рин на ло́шади уви́дит меня́, то я не уйдú, хотя́ уже́ и бли́зко".

То́лько он подумал э́то, посмотрёл на́лево и уви́дел на холме́ трёх тата́р. Как то́лько тата́ры уви́дели его́,

оні сразу поскакáли к нему́. Сёрдце Жíлина останови́лось. Он закричáл своим, что было́ силы: "Брáтцы, помогите!"

Нáши услышали и бросились навстрéчу татарáм. Казакí далекó, а татары́ близкó. Жíлин схватил́ рукóй цепь и что было́ сил побежáл к казакáм.

Казакóв было́ человек пятнáдцать. Татары́ испугáлись и останови́лись. Так Жíлин добежáл до казакóв.

Казакí окружи́ли его́, спрашивают, кто он, откúда. А Жíлин сам себя́ не помнит и всё повторяет: "Брáтцы, брáтцы!"

Из крепости́ вы́бежали солдáты. Кто ему́ хлéба несёт, кто - кáши, кто - вóдки, кто шинéлью покрывáет, кто цепь отбивáет.

Офицеры́ узнали его́, посадили́ на лóшадь и повезли́ в крепость. Собрались́ все его́ товарищи. Жíлин рассказáл, что с ним было́, и прибáвил: "Вот как я домóй съездил! Значит, не судьбá была́ домóй éхать".

Так и остáлся Жíлин служить на Кавкáзе.

СЛОВА́РЬ
К РАССКА́ЗУ "КАВКА́ЗСКИЙ ПЛÉННИК"

люби́мый	beloved, loved, favorite
увиде́ться	to get together, see each other
кре́пость (f.)	fort, stronghold
татари́н (pl. татари́ры)	Tartar, Tatar
конво́й	convoy, escort, guard
обо́з	train (mil.), train of carts with food & supply
сте́пь (f.)	steppe
<u>скака́ть</u> поскака́ть	to gallop
<u>гна́ться</u> погна́ться	to pursue
ры́жий	red-haired
са́бля	saber
<u>связа́вать</u> связа́ть	to tie up
ау́л	Caucasian village
<u>развяза́вать</u> развяза́ть	to untie
сара́й	barn
по-ви́димому	apparently, seemingly
рабо́тник	worker
по-сво́ему	in one's own way
я́ма	pit, hole (in the ground)
шинéль (f.)	army overcoat

сапо́г (pl. сапоги́)	boot(s)
ку́кла	doll, dummy
<u>лома́ть</u> слома́ть	to break
<u>попра́влять</u> попра́вить	to fix, mend
копа́ть	to dig
дыра́	hole
<u>выка́пывать</u> выко́пать	to dig up (out)
как бу́дто	as if
<u>раска́пывать</u> раско́пать	to excavate
<u>насту́пать</u> насту́пить	to come (time), step on
тишина́	stillness, tranquility, silence
<u>лезть</u> полезть	to crawl, climb
<u>вылезáть</u> вылезти	to crawl out, come out
перекрестíться	to cross oneself
лай	bark, barking
верста́	verst (approx. 2/3 of a mile)
<u>прятáть</u> спря́тать	to hide, conceal
<u>лая́ть</u> зала́ять	to bark
<u>о́кружа́ть</u> о́кружи́ть	to encircle, surround

цепь (f.,pl. цепи)	chain(s)
пища	food, nourishment
<u>мечтáть</u> помечтáть	to (day) dream
пáлка	stick
<u>качáть</u> покачáть	to shake, swing
кóшка	cat
ручóнка	dimin.affect. of рука
с трудóм	with difficulty
<u>отбивáть</u> отбйть	to break off
<u>бледнéть</u> побледнéть	to turn pale
шаг	step, pace
костёр	campfire, bonfire
казáк	cossack
что бýло сил	with utmost effort
брáтец	dimin.affect. of брат
кáша	porridge, gruel
<u>прибавлýть</u> прибáвить	to add
судьбá	fate, destiny

Антон Павлович

ЧЕХОВ

—
1860 - 1904

Антон Павлович Чехов - русский писатель. Родился в Таганроге. В 1884 г. окончил медицинский факультет Московского университета и занимался врачебной деятельностью.

Начал печататься в 1880 году. Уже в ранний период творчества в юмористических рассказах Чехов высмеивал мещанскую психологию, обывательщину, подхалимство, самоуверенность, тупость ("Толстый и тонкий", "Хамелеон", "Унтер Пришибеев" и др.).

В произведениях конца 80-х и 90-х годов Чехов пишет об идейных исканиях русской интеллигенции, о недовольстве обывательской жизнью, о тоске по идеалам ("Дуэль", "Анна на шее", "Дом с мезонином" и др.).

В рассказе "Палата №6" Чехов выступил против идеологии смирения, фатализма, равнодушия к человеческим страданиям.

Чехов выступил как новатор в драматургии. Пьесы "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишнёвый сад" и др. проникнуты глубоким лиризмом. В них изображается столкновение пошлости с мечтами о красоте, правде и творческом труде.

Творчество Чехова оказало большое влияние на развитие русской и мировой литературы и театра.

Чехов умер от туберкулёза в городе Баденвейлер (Германия) и похоронен в Москве.

НА ДАЧЕ

по А. П. ЧЕХОВУ

"Я вас люблю. Вы моя жизнь, счастье — всё! Я не могу больше молчать. Будьте сегодня в восемь часов вечера в старой беседке. Имя своё не подписываю, но я молодая, хорошая собой, чего же вам ещё нужно?"

Дачник Павел Иванович, человек семейный и положительный, читая письмо, удивился. "Я женатый человек, и вдруг такое странное, такое глупое письмо! Кто это написал?"

За все 8 лет своей женатой жизни Павел Иванович не получал никаких писем, кроме поздравительных. Поэтому письмо его сильно взволновало. Через час он лежал на диване и думал: "Конечно, я не мальчишка и не побегу на это дурацкое свидание, но всё-таки интересно было бы знать: кто его писал... Письмо несомненно женский. Письмо написано искренне, а поэтому едва ли это шутка. Вероятно, какая-нибудь вдова. Вдовы вообще легкомысленны. Кто бы это мог быть?"

Решить этот вопрос было тем более трудно, что во всем дачном поселке у Павла Ивановича не было ни одной знакомой женщины, кроме жены. Ему не от кого было получать такие письма. "Странно, — думал он. — Я вас люблю. — Когда же она успела полюбить, даже не познакомившись, не узнав, что я за человек..."

Должно́ быть, она́ сли́шком ещё́ молодá и неопытна, е́сли спосо́бна влю́биться так бы́стро. Но кто она́?"

Вдруг Па́вел Ива́нович вспо́мнил, что вчера́ и позавчера́, когда́ он гуля́л по да́чному посёлку, он не́сколько раз встреча́л мо́лоденькую блонди́нку в све́тло-голубо́м пла́тье. Блонди́нка ча́сто смотре́ла на него́, а когда́ он сел на скаме́йку, она́ се́ла ря́дом с ним... "Она́..." - подумал Па́вел Ива́нович. - "Нет, это невозмо́жно".

За обе́дом Па́вел Ива́нович, гля́дя на же́ну, размышля́л. "Она́ пи́шет, что молодá и хороша́ собо́й ... Гм... Говоря́ и́скренне, я ещё́ не так стар и плох, и в меня́ ещё́ мо́жно влю́биться... Лю́бит же меня́ же́на!"

- О чём ты задумался? - спроси́ла же́на.

- Так ... голова́ что́-то бо́лит... - отве́тил Па́вел Ива́нович.

Он реши́л, что глупо́ обраща́ть внима́ние на любо́вное письмо́ и смея́лся над ним и его́ а́втором. Но чем бы он ни занима́лся, ни о чём друго́м он не мог ду́мать. По́сле обе́да Па́вел Ива́нович лежа́л у себя́ на кровати́ и ду́мал:

"А ведь она́, пожа́луй, наде́ется, что я приду́!
Впрóчем, мо́жет быть, пойти́ из любопы́тства? Интере́сно поглядéть издали, кто бы она́ ни была́. А в бесе́дку входи́ть не́зачем". Па́вел Ива́нович подня́лся с постéли и нача́л одева́ться.

- Куда ты собираешься? - спросила его жена, заметив, что он надевает чистую рубашку и новый галстук.

- Так ... хочу погулять. Голова что-то болит... Ну, я пошёл.

Павел Иванович вышел из дому. В конце аллеи была видна старая беседка. У него вдруг забилось сердце. Он представил себе блондинку в светло-голубом платье. "Кажется, никого нет", - подумал он, входя в беседку, и тут же увидел в углу какого-то человека. Но это был мужчина. Павел Иванович узнал в нём брата своей жены студента Митю, жившего у них на даче.

- А, это ты? ... - сказал он недовольно, снимая шляпу и садясь.

- Да, я, - ответил Митя.

Минуты две прошло в молчании.

- Извините меня, Павел Иванович, - начал Митя, - но я просил бы вас оставить меня одного ... Я обдумываю свою диссертацию, некоторые сложные вопросы, и присутствие кого бы то ни было мне мешает.

- А ты иди куда-нибудь в тёмную аллею, - просил Павел Иванович. - На свежем воздухе легче думать. Я хочу поспать тут на скамейке. Здесь не так жарко...

- Диссертация важнее, - сказал Митя. Опять наступило молчание...

Павлу Ивановичу нужно было во что бы то ни стало заставить Митю уйти.

- Ну, я прошу тебя, Митя! Раз в жизни прошу! Ты моложе меня и должен уважать ... Я болен ... и хочу спать ... Неужели ты не можешь уйти?

Митя не уходил.

- Послушай, Митя, я прошу тебя в последний раз ... Докажи, что ты умный, гуманный и образованный человек!

Митя тихо отвечал:

- Ни за что! Я сказал, не выйду, значит, не выйду.

В это время у входа в беседку они увидели женское лицо. Увидев их, оно исчезло ... "Ушла!" - подумал Павел Иванович. - "Увидела этого подлеца и ушла. Она больше не вернется". Подождав немного, Павел Иванович встал, надел шляпу и сказал Мите:

- Подло ... и глупо! Между нами всё кончено. Нам не о чем больше разговаривать!

- Очень рад, ответил Митя, тоже вставая и надевая шляпу. - Знайте, что вы сейчас вашим присутствием сделали мне такую гадость, которую я вам до самой смерти не прощу.

Павел Иванович вышел из беседки и быстро шагал к своей даче ... За ужином Павел Иванович и

Митя глядели на свои тарелки и молчали. Оба всей душой ненавидели друг друга. Жена Павла Ивановича смотрела на них и улыбалась.

- Какое письмо ты получил сегодня утром? - спросила она мужа.

- Я ... ? Никакого, - ответил Павел Иванович, испугавшись, что жена кое-что подозревает.

- Признайся, что получил. Ведь это письмо я тебе послала! Честное слово, я! Что же делать? Нам нужно было сегодня полы помыть, но как заставить вас уйти из дома? Только таким способом можно. Но ты не сердись, глупый. Чтобы тебе в беседе не было скучно, я и Мите такое же письмо послала! Митя, ты был в беседе?

Митя улыбнулся и перестал глядеть с ненавистью на своего соперника.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "НА ДА́ЧЕ"

бесе́дка	summer house
она́ хороша́ собо́й	she is goodlooking
да́чник	summer resident
поздраві́тельный	congratulatory
по́черк	handwriting
и́скренне	sincerely
вдова́	widow
легкомы́сленный	light-headed
способе́н	capable, able
влюби́ться (в кого́?)	to fall in love (with)
размышля́ть	to reflect
любо́вный	amorous
любопы́тство	curiosity
и́здали	at a distance
прису́тствие	presence
заби́лось се́рдце	the heart started to beat
недово́льно	displeased
во что́ бы то ни ста́ло	at any cost
ни за что́	never
подле́ц	rascal
сде́лать (кому́?) га́- дость	to play a dirty trick on somebody
ненави́деть, -жу, -ишь	to hate

подозре́вать, -ю, -ешь	to suspect
признава́ться, я призна́юсь, -ёшься	to confess
ску́чно	to feel bored
сопе́рник	rival

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

по А.П. ЧЕХОВУ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что победал на вокзале. От него пахло хорошим вином и духами. Тонкий же только что вышел из вагона и нес несколько чемоданов и коробок. Пахло от него ветчиной и кофе. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист — его сын.

— Порфирий! — закричал толстый, увидев тонкого.

— Ты ли это? Сколько лет, сколько зим!

— Миша! — радостно закричал тонкий. Друг детства!

Приятели трижды поцеловались. Они стояли и смотрели друг на друга, в глазах у них были слезы.

— Милый мой! — начал тонкий. Вот не ожидал!

Вот сюрприз! Ну, дай я посмотрю на тебя хорошенько! Такой же красавец, как и был! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанайл, ученик третьего класса. Это, Нафанайл, друг моего детства. В гимназии вместе учились.

Нафанайл немно́го подумал и снял фура́жку. Не бо́йся, Нафанайл, подойди́ к нему́ побли́же... А это́ моя́ жена́, урождённая Ва́нценбах... люте́ранка.

Нафанайл немно́го подумал и спря́тался за спи́ну отца́.

- Ну, как живёшь, друг? - спроси́л то́лстый, востор-женно смотре́ на дру́га. - Слу́жишь ли?

- Служу́, ми́лый мой! Колле́жским асе́ссором уже́ второ́й год и о́рден имею́. Жа́лованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена́ уро́ки му́зыки даёт, а я в свобо́дное вре́мя портсига́ры из де́рева де́лаю. Отли́чные портсига́ры! По рублю́ за шту́ку. Е́сли кто берёт де́сять штук и бо́лее, тому́ ски́дка. Живём кое-ка́к. Тепе́рь бу́ду здесь служи́ть, перевели́ меня́. Ну, а ты как? Навер́но уже́ ста́тский сове́тник? А?

- Нет, ми́лый мой, поднимай повы́ше, - сказа́л то́лстый. - Я уже́ та́йный сове́тник... Ордена́ имею́.

То́нкий вдруг побледне́л, окамене́л, но ско́ро при-шёл в себя́ и нача́л почтительно улыба́ться. Сам же он ка́к-то согну́лся и как-бу́дто стал ме́ньше... Длинны́й подбородо́к жены́ стал ещё́ длиннее́; Нафанайл застегну́л все пу́говицы́ своего́ мунди́ра...

- Я, ва́ше превосходи́тельство... О́чень приятно́-с! Друг, мо́жно сказа́ть, де́тства и вдруг такбе́ высóкое положе́ние! Хи-хи-с.

- Ну, довольно, зачем же! - поморщился толстый. - Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства, к чему тут такая формальность!

- Что вы, что вы... заговорил быстро тонкий, ещё более сгибаясь. - Внимание вашего превосходительства для нас много значит. Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько почтения и сладости, что тайного советника начало тошнить. Он отвернулся от тонкого и подал ему руку.

Тонкий пожал три пальца, глубоко поклонился. Жена улыбнулась, у Нафанаила упала фуражка. Все трое были приятно ошеломлены.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́ЛСТЫЙ И ТО́НКИЙ"

па́хнуть	to smell
духи́	perfume
<u>выгля́дывать</u> вы́глянуть	to peep out, emerge
подборо́док	chin
гимнази́ст	high schooler (in tsarist Russia)
Ско́лько лет, ско́лько зим!	It's been a long time!
краса́вец	handsome
урождённая	born
люте́ра́нка	Lutheran
гимна́зия	high school (in tsarist Russia)
<u>пря́таться</u> спря́таться	to hide
восто́рженно	enthusiastically
колле́жский асе́ссор	civil rank in tsarist Russia (middle rank)
жа́лованье (теперь зарпла́та)	pay, salary
портсига́р	cigarette case
де́рево	wood
шту́ка	piece
ски́дка	discount
ста́тский сове́тник	civil rank in tsarist Russia (executive)
та́йный сове́тник	civil rank in tsarist Russia (high executive)
<u>бледне́ть</u> побледне́ть	to turn pale

окаменѣть	to become petrified
почтѣтельно	respectfully
<u>сгибаться</u> согнуться	to bend
<u>застѣгивать</u> застегнуть	to button up
мундир	tunic (school uniform)
<u>морщиться</u> поморщиться	to frown, knit one's brow
ваше превосходѣтельство (used in tsarist Russia)	your excellency
<u>возражать</u> возразить	to object
почтѣние	respect
сла́дость (f.)	sweetness
его́ нача́ло тошнить	he felt sick
<u>отвора́чиваться</u> отвернуться	to turn away (from smb.)
<u>подава́ть</u> подать	to hold (stretch) out one's hand
<u>пожима́ть</u> пожать	to shake (a hand), squeeze
<u>кла́няться</u> поклониться	to bow
<u>ошеломля́ть</u> ошеломить	to stun

Леонид Сергеевич Ленч (настоящая фамилия Попов) - родился в 1905 году. Советский писатель. С 1934 г. сотрудник журнала "Крокодил". Выпустил несколько сборников юмористических рассказов, фельетонов и сказок.

ШТРАФ

По рассказу Леонида Лэнча

Инженер-конструктор Игорь Николаевич Шагáлов, молодой, но уже начавший полнеть блондин с красивыми, добрыми, голубыми глазами, стоял со стаканом воды в руке у дивана, на котором лицом вниз лежала и громко плакала его жена Елена Васильевна, и повторял:

- Лёля!.. Елена!.. Выпей водички!.. Это же всё неправда, даю тебе честное слово!.. Ну выпей же воды, я тебя прошу!

Однако Елена Васильевна продолжала плакать. Смотреть на неё было тяжело, и Игорь Николаевич, незаметно для себя, чтобы успокоиться, сам выпил всю воду.

И тут Елена Васильевна приподнялась, села, вытерла платочком слёзы и, не глядя на мужа, сказала резко:

- Дай воды!

- Пожалуйста! Вот!

- Боже мой, - даёт пустой стакан! Сядь! И, пожалуйста, не улыбайся. Всё это гораздо серьезнее, чем ты думаешь!

Игорь Николаевич перестал улыбаться и послушно сел рядом с женой.

- Значит, ты говоришь, - спокойно сказала после паузы Елена Васильевна, - что позавчера после работы ты остался у себя в бюро на сверхурочную работу и работал три с половиной часа?

- Это я не говорю, а это так и было! Спроси Попова, Палкина, позвони Ивану Сергеевичу ...

- Зачем мне звонить твоим друзьям, которые, конечно, никогда не выдадут тебя? У меня есть документ. Вот! Что ты на "это" скажешь?

Елена Васильевна взяла лежавшую на диване бумажку с официальным штампом и помахала ею перед самым носом мужа. "Это" действительно было необъяснимо. Бумажка с официальным штампом отдела контроля женской железной дороги предлагала гражданину Шагалову Игорю Николаевичу немедленно уплатить тридцать рублей штрафа за безбилетный проезд в пригородном поезде. Число, месяц, фамилия, имя, отчество, постоянное местожительство - всё было правильно.

- Я ... не знаю, что это такое! - наконец сказал Игорь Николаевич. - Какое-то недоразумение!.. Ошибка! Я не ездил за город! И вообще ... зачем мне ездить за город?! К кому?!

Елена Васильевна саркастически посмотрела на него тёмными, как туча, глазами. Начинаясь гроза.

- К кому?! Я тебе скажу, к кому! Ты ездил в

Надѣльную к Вáлечке — к этой своѣй ... волейболистке!..
Думаешь, я не замечáла, как ты всё лѣто глядѣл на неё
мáслеными глáзками?!

— Что ты говоришь, Лёля! — сказáл Ёгорь Николаѣ-
вич, начиная сердиться. — Она уже зáмуж вышла, нáша
Вáлечка. За хорошего пáрня. Тóже спортсмѣн, как и
она. Тóлько он лыжник, чемпиóн.

— Да-а, хорошо это Вáлечка устроилась: срáзу двух
чемпиóнов получи́ла, — оди́н по лыжам, а друго́й по мо-
ра́льной распúщенности.

— Фу, какáя пошлость! Чѣстное слóво, птичка,
с тобо́й невозможно разговáривать!

— Недѣлю тому́ назáд, — продолжáла Елѣна Васильев-
на с ледяным, как ей казáлось, спокойствием, — мне
принесли́ тóчно такую же бума́жку. Значит, ты и тогда́
ѣздил к своѣй волейболистке. И опя́ть без билѣта. Ёсли
вам не сты́дно обмáнывать жену́, Ёгорь Николаѣвич, по-
стыди́лись бы хоть желѣзную доро́гу обмáнывать, — го-
сударство!..

Ёгорю Николаѣвичу захотѣлось кричáть, выть, бить
посúду. Чтóбы взять себя́ в рúки и успоко́иться, он
решил про себя́ сосчитáть до двадцати́. Он нáчал счи-
тáть: "Раз, два, три, четы́ре, пять ...". Елѣна Ва-
сильевна продолжáла говори́ть, и то, что она́ говори́ла,
бы́ло таким обидным и несправедли́вым, что констрúктор,

громко выкрикнув "шесть", выбежал на улицу и долго ходил по городу без пальто и шляпы, несмотря на мороз.

Когда, успокоившись, он вернулся домой и открыл своим ключом дверь в квартиру, Елены Васильевны уже не было. На столике в передней лежала записка. Игорь Николаевич взял её и прочитал нервные крупные строки:

"Уехала к маме. Не пытайся звонить, объясняться. Своё решение сообщу. Елена".

Утром Игорь Николаевич позвонил в своё конструкторское бюро, сказал, что плохо себя чувствует и поэтому немножко опоздает на работу, взял такси и поехал в управление энской дороги по адресу, указанному на бумажке.

В отделе контроля его внимательно выслушали. Да, к сожалению, такие печальные факты — не редкость. По-видимому, неизвестный безбилетный пассажир, так называемый "заяц", назвал фамилию и адрес уважаемого товарища Шагáлова. Почему не проверяют документы? Видите ли, по существующей инструкции, железнодорожные контролёры не обязаны проверять документы. "Заяц", отказавшийся уплатить штраф в вагоне, называет фамилию, имя, отчество и адрес. По этому адресу и посылаётся бумажка. Игорю Николаевичу посоветовали уплатить тридцать рублей — деньги небольшие, а то ведь юристы железной дороги —хе-хе! — народ острый. Если они возьмутся за дело, вас никакой суд не

оправдѣет. Всё равно придётся заплатить!

- Позвольте! - заволновѣлся конструктор. - Дѣло же не в деньгах! Из-за вашей инструкции от меня жена ушла!

- Сожалѣю, но интересы желѣзной дороги от этого не пострадали.

- Как вы можете так говорить! Не человек для дороги, а дорога для человека.

- Это уж, извините, литература, философия. Есть такой журнал "Вопросы философии" - обратитесь с этим туда, а нам это не подходит!..

Трудно было работать в этот день Игорю Николаевичу. Несколько раз он звонил матери жены, но каждый раз старуха тихо говорила в сторону: "Что сказать? "Он" звонит!" И после паузы сообщала, что "Леночка только что опять ушла и ничего не сказала".

Уже в концѣ рабочего дня в голову конструктору пришла счастливая мысль, которая его сразу успокоила: "Надо после работы поехать в Надельную к Вале, взять волейболѣстку и её лыжника с собой, привезти их к жене и доказать, что всё это недоразумѣние".

"Куплю шампанского, - думал развеселившийся конструктор, - большой букѣт цветов, и Лелька поймѣт, как всё это было глупо с её стороны".

Народу в пригородном поезде было немного. Игорь Николаевич сидѣл у окна, смотрѣл на проносящиеся мимо

поля и высокие, стройные сосны и уже с удовольствием думал о предстоящем примирении с женой. Как все добрые люди, он очень не любил собраться.

В вагоне появился контролёр — мрачный, усатый железнодорожник. Он стал проверять билеты у пассажиров, и вдруг Игорь Николаевич увидел сидящего впереди, через две скамейки от него, Павла Архиповича Линяева, хозяина дачи, которую в прошлом году снимал в Надельной конструктор.

Линяев, важный, бритый старик с красным носом, сидел и читал газету "Вечерняя Москва". Игорь Николаевич хотел заговорить с ним, но тут к Линяеву подошёл контролёр:

— Ваш билет!

Линяев поискал в карманах старого пальто, а потом сказал:

— Очень сожалёю, но билета у меня нет. Потерял.

— Эх, гражданин Шагáлов, гражданин Шагáлов! — нетерпеливо сказал контролёр. — Опять вы попались!.. Сейчас будете штраф платить или прислать вам бумажку домой?

— Присылайте домой.

— Адрес тот же?

— Тот же!..

Игорь Николаевич не верил своим ушам!

Когда контролёр, проверив билеты, ушёл, Игорь Николаевич поднялся, подошёл к Линяеву и сказал:

- Привет, товарищ Шагáлов!

Линяев опустил газету, увидел лицо Игоря Николаевича, всё понял и сконфузился. Но тут же взял себя в руки.

- Всё шутки шутите, Игорь Николаевич! Уж не ко мне ли, случайно, едете? Могу вам опять дачу на лето сдать.

- Вряд ли я у вас теперь когда-нибудь сниму дачу. Сейчас сойдём на станции, поговорим.

- Сейчас мне некогда.

- Идёмте! - грозно сказал Игорь Николаевич.

Линяев вздохнул и послушно встал. Поезд замедлил ход, приближаясь к станции.

Они вышли на пустой перрон и сели рядом на скамейку, словно старые друзья, которые давно не виделись и вдруг встретились.

- Ну?! - грозно сказал Игорь Николаевич. - Объясните, почему вы называете мою фамилию, когда вас штрафуют?

Линяев молчал.

- Вот что, - сказал Шагáлов. - Вы сейчас поедете со мной в Москву и скажете Елене Васильевне, что вы выдавали себя за меня. Вы обязаны это сделать!

- Игорь Николаевич, дорогой! Не могу! Меня

дóма стáрая женá ждёт!

- А меня́ из-за вас молодáя женá не ждёт. Идите возьмите билёт!

Линя́ев подня́лся и пошёл к кáссе покупáть билёт.

Чéрез двáдцать минут подошёл пóезд в Москвú. Онí вошли в вагóн и опя́ть, слóвно хоро́шие друзья́, сéли ря́дом на скаме́йку. Линя́ев молча́л, отверну́вшись к окну́.

Вдруг в вагóне показáлся тот же усáтый, мра́чный контролёр. Веро́ятно, он возвращáлся в Москвú о́братным пóездом.

- Ва́ши билéты!

Линя́ев мо́лча по́дал оди́н билёт контролёру и победителем посмотре́л на И́горя Никола́евича.

- Поня́тно! - грóмко сказа́л И́горь Никола́евич и сам заговорил с контролёром, подража́я Линя́еву:

- Я о́чень сожалéю, но билéта у меня́ нет. Потеря́л. И дéнег у меня́ при себе́ нет. Так что ... штрафуйте!..

- Придётся сойти́ на стáнции, граждáнин, для провер́ки местожителъства.

- Зачéм? Моя́ фами́лия Линя́ев, Па́вел Архи́пович, стáнция Надéльная, Луговáя 25. Да вот граждáнин Шагáлов, котóрого вы хоро́шо зна́ете, мо́жет подтверди́ть, что я говорю́ пра́вду. Подтвердите́ же, товáрищ Шагáлов!..

Нос у Линяева из красного стал фиолетовым. Не глядя на соседа, он мрачно сказал:

- Подтверждаю!..

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ШТРАФ"

<u>взды́хать</u> вздохну́ть	to sigh
взя́ться за де́ло	to get busy
взять себя́ в ру́ки	to control oneself
<u>выдава́ть</u> выда́ть	to give away, betray
выдава́ть себя́ за	to impersonate, pass oneself off as ...
<u>вытира́ть</u> вы́тереть	to wipe, (rub) dry
голубо́й, -а́я, -о́е, -и́е	blue (sky blue)
госуда́рство	state
гро́зно	fiercely, menacingly
да́ча	summer cottage
за́яц	jackrabbit; a stowaway
<u>мири́ться</u> помири́ться	to reconcile, make one's peace
местожи́тельство	(place of) residence
постоя́нное местожи́тельство	permanent residence
нам э́то не подхо́дит	this is not for us
недоразу́мение	misunderstanding
оби́дный, -а́я, -о́е, -и́е	offensive, insulting
<u>обма́нывать</u> обману́ть	to deceive, fool, cheat
<u>опра́вдывать</u> оправда́ть	to acquit, justify
<u>опуска́ть</u> опустить	to lower

обя́зан, -а, -о, -ы Я обя́зан сде́лать э́то.	to have a duty I must do it.
па́рень	fellow, lad
плато́к (dimin. плато́чек)	kerchief
победи́тель	victor, conqueror, winner
подража́ть, -ю, -ешь	to imitate
<u>подтвержда́ть</u> <u>подтверди́ть</u>	to confirm
<u>попада́ться</u> <u>попа́сться</u>	to be caught
по-ви́димому	it seems, it appears, apparently
послу́шно послу́шный	obediently obedient
постоя́нно постоя́нный, -ая, -ое, -ые	constantly, continually constant, continual, permanent
посу́да	dishes
приве́т	greetings
при́город	suburb (-ный suburban)
прими́рение	reconciliation
пти́ца (dimin. пти́чка)	bird
<u>пыта́ться</u> <u>попыта́ться</u>	to attempt, try
ре́дкость (f.)	rarity
сло́вно	as if, as though
случа́йно	by chance
сосна́	pine tree
справедли́вый, -ая, -ое, -ые несправедли́вый (не)справедли́во	just, fair unjust, unfair (un)justly

стро́йный, -ая, -ое, -ые

well-shaped, trim

страда́ть
пострада́ть

to suffer

ссора́ться
поссо́риться

to quarrel

суд

court of law

штраф

fine, penalty

успока́ивать (ся)
успоко́ить (ся)

to calm, quiet down

ход

run, motion

Илья Арнольдович

ИЛЬФ

1897 - 1937

Евгений Петрович

ПЕТРОВ

1903 - 1942

Илья Ильф (настоящая фамилия Файнзильберг Илья Арнольдович) — советский писатель. В соавторстве с Е.П. Петровым написал сатирические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", в которых высмеиваются мещанство и пережитки буржуазной психологии, книгу очерков "Одноэтажная Америка" и многочисленные фельетоны.

Евгений Петрович Петров (настоящая фамилия Катаев) — советский писатель. В соавторстве с И.А. Ильфом написал сатирические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", рассказ "Тоня", фельетоны и книгу очерков "Одноэтажная Америка".

Петров — автор сатирической комедии "Остров мира", киносценариев и фронтových очерков.

ТОНЯ

по И. ИЛЬФУ И Е. ПЕТРОВУ

Два самых больших события в жизни Тони произошли почти одновременно. Не успела она выйти замуж, как Константи́на Степа́новича Говорко́ва, её мужа, послали на службу в город Вашингтон, и Тоня вместе со своим Костей поехала в Америку.

На Белорусско-Балтийский вокзал Тоню пришли провожать две подружки - Килья и Клава. Они были очень весёлые девушки, но здесь, среди интуристов и носильщиков, стеснялись и всё время спрашивали Тоню:

- Значит, едешь?

Тоне тоже было не по себе, и она уныло повторяла:

- Так вы пишете, девочки.

- Как я тебе завидую, - говорила Килья. - Ты счастливая. Будешь жить в Нью-Йорке.

- Не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, - поправила Тоня. - Нью-Йорк - это не столица, а мы будем жить в столице.

- Ты счастливая, - повторяли Килья и Клава. - Там, наверно, очень интересно.

- Я думаю, - скромно отвечала Тоня.

Муж, Кóстя Говоркóв, ча́сто забега́л в своё купе́ и смотре́лся в зе́ркало. Его́ му́чило, что он купи́л сли́шком большúю шля́пу, не по голове́.

Де́вочки и в са́мом де́ле немно́го завидовали. Сейча́с подру́га уе́дет в далёкую тайнственную Аме́рику, а они́ пойдúт на своё расфа́сóвочную фа́брику упакóвывать пéрец, со́ду и шаф́ран. И так бу́дет ка́ждый день, в то вре́мя как То́ня ... Лу́чше бы́ло да́же не ду́мать о То́нином сча́стье.

-Так ты пиши́, То́нька! - грóмко и тоскли́во кри́кнули они́ вслед уходя́щему пóезду.

Е́хать че́рез Евро́пу бы́ло интере́сно и жу́тко. В По́льше из окна́ ваго́на То́ня в пе́рвый раз за своё́ жизнь уви́дела поме́щика. Он е́хал верхóм. Кóстя то́же никогда́ ещё не ви́дел поме́щиков. И молодо́жены́ до́лго следили́ за э́той стра́нной фи́гурой, как бы возникшей из учебников политгра́моты.

О́чень ча́сто меня́лись стра́ны. В ваго́н входили́ то по́льские тамо́женники и жандармы́, то неме́цкие, то бельгийские́, то францу́зские. То́ня бо́ялась э́тих люде́й. Они́ бы́ли грубоваты́ и торопли́вы, какими́, ви́дно, уж полага́ется быть тамо́женным чиновникам во всём ми́ре. Но То́не ка́залось, что э́та сурóвость направляется́ специа́льно прóтив неё и Кóсти, что вот они́ аресту́ют её ми́лого Кóстю и куда́-то отведúт его́ вме́сте с па́спортами,

билетами и деньгами. Что она тогда будет делать? Без паспорта, без денег и билета? Кроме того, она не знала ни польского, ни немецкого, ни французского. Английского она тоже не знала. Английский язык немного знал Костя:

- Шоколад? Сигареты? - прокричал французский таможенник ужасным голосом.

- Нон, нон, - ответил Костя. - Шоколад нон. И сигареты нон.

Тогда француз неожиданно ушел, даже не посмотрев на чемоданы.

Но самое страшное было впереди. Пароход. Он стоял в Шербурге, высокий, черный, с большими трубами. Это был "Маджестик".

- "Кюнард Уайт Стар лайн", - с удовольствием объяснил Костя по-английски, когда молодожены, устроившись в каюте, вышли на палубу. - Пятьдесят шесть тысяч тонн. Английское пароходство. Теперь, Тонечка, я буду всё время практиковаться в английском языке.

И он стал готовить в уме английскую фразу, с которой собирался обратиться к матросу: "Скажите, пожалуйста, в котором часу отойдет этот пароход?" Матрос занимался совсем не матросским делом - раздавал пассажирам чашки с горячим бульоном. Не успел Костя составить в уме английскую фразу, как матрос вежливо

пóдал ему́ чашку и ушёл. Э́тим пра́ктика и ограни́чилась.

Путешество́ние че́рез океа́н дли́лось шесть дней. Ка́ждую по́лночь все парохо́дные часы́ автоматиче́ски перево́дились на час наза́д. Ка́ждый по́лдень пассажи́ры собира́лись у ка́рты, где ука́зывалось местонахожде́ние "Ма́джэ́стика" в океа́не; по вечера́м в столо́вой показывали кинока́ртины, а в сало́не танцева́ли.

Два дня стоя́ла све́жая пого́да. "Ма́джэ́стик" небольшо́го пока́чивался, и пассажи́ры лежа́ли в своих каю́тах. Но на тре́тий день океа́н вдруг стих, и на па́лубах появи́лось мно́го но́вых люде́й. Среди́ них супру́ги Говорко́вы замети́ли трёх молодё́х пассажи́ров в больш́их шля́пах и в соверше́нно одина́ковых но́вых си́них костю́мах с корóткими брю́ками. Га́лстуки у них то́же бы́ли одина́ковые. Молодё́е лю́ди говори́ли ме́жду собо́й по-ру́сски. То́тчас же состоя́лось знако́мство, и Ко́сте так и не пришло́сь на парохо́де практиковáться в англи́йском языке́. Небольша́я советска́я коло́ния уже́ не расстава́лась ни на мину́ту. Троё "си́них" молодё́х люде́й — инжене́ры е́хали в Аме́рику рабо́тать и учи́ться на филадельфи́йском заво́де Ба́да. Оны́ о́чень обра́довались Говорко́вым и переменя́ли сто́лик, что́бы обе́дать ря́дом с ни́ми.

Заказа́в обе́д, Ко́стя замети́л, что но́вые друзья́ беспомо́жно смóтрят в обе́денную ка́рточку, что к ним уже́ два ра́за подходíл официа́нт и уходíл, не дожда́вшись

заказа. Тут молодые люди сознались, что им известна только одна английская фраза: "Ай эм вери глед ту си ю", что значит: "Я очень рад вас видеть", но до сих пор не могли применить фразу с пользой. Уже два дня как они заказывают еду наугад. Ткнув пальцем в меню и ждут, что из этого выйдет. Ничего хорошего до сих пор не выходило. Какие-то странные получались у них обеды: то одни закуски, то сразу после супа сладкое, а съев сладкое, согласитесь сами, неудобно требовать мясо. К тому же неизвестно, как оно называется, это мясо.

Костя им объяснил, что на правой стороне меню напечатаны вообще все блюда, какие только есть на пароходе - закуски, супы, вторые, сладкие и так далее. А на левой стороне - рекомендованный завтрак или обед. Можно сразу заказать то, что напечатано слева. И получится полный обед без недоразумений.

- Значит, смело заказывать левую сторону? - спросили молодые люди.

- Да, заказывайте смело, - подтвердил Костя.

Так они и сделали. И в первый раз за всю дорогу они съели настоящий обед.

С этого времени, садясь за стол, инженеры громко спрашивали друг друга:

- Значит, берём левую?

- Берём левую.

А после обеда говорили:

- Сегодня левая была ничего.

Или:

- Что-то сегодня левая сплеховала. Не наелся.

Молодые инженеры так уверовали в Костю, что в кинозале всё время расспрашивали его о действующих лицах.

- А что это за человек? Почему он внезапно ушёл?

На это Костя смутно отвечал:

- Это, наверно, её любовник.

- А что хочет тот толстый?

- Кто его знает! Плохо слышно.

В вечерних балах инженеры не принимали участия, хотя и учились в своё время в школе западных танцев. Они стеснялись.

- Это не для нас, - говорили они. - Тут какие-то банкиры танцуют, фабриканты. Неудобно.

Тоне очень хотелось танцевать. И тут произошёл ужасно неприятный случай.

Однажды вечером вся компания сидела в салоне и смотрела на танцующих. Вдруг к Тоне подошёл седой господин в смокинге. Он поклонился и сказал что-то по-английски. Тоня в ужасе посмотрела на Костю и

пошла танцевать со страшным стариком, по всей вероятности, банкиром.

Пока Тоня танцевала, инженеры смеялись над Говорковым.

Так проходили дни. За завтраком и обедом ели "левую сторону", а вечером сидели в кино. К концу путешествия Тоня во второй раз танцевала с тем же стариком. Прощаясь с Тоней после танца, он вдруг сказал по-русски "трáсите", что, видно, означало "здрáвствуйте".

Инженеры после этого смеялись над Тоней, утверждая, что старик в неё влюбился.

Утром, перед самым приходом в Нью-Йорк, Тоня взяла в салоне цветную открытку с изображением парохода "Маджестик", и села писать подругам.

"Здрáвствуйте, дорогие Кля и Клава! Вот мы проехали Атлантический океан и приезжаем сегодня в Нью-Йорк. Всю дорогу было очень весело, пароход такой громадный. У нас появилась масса знакомых, и мы всё время вместе. Я всё время танцую с одним иностранцем и смотрю заграничные кинокартины. Что у вас делается на фабрике? Привёт всем. Вáша Т.

Эта открытка пойдёт из Америки назад на этом же пароходе. Вáша Т."

Она наклеила на открытку английскую марку с головой короля Георга Пятого, и ей даже стало жалко

Килью и Клаву. Она и на пароходе, она и с банкиром танцевала, и вообще столько нового, а они по-старому упаковывают перец и шафран.

Нью-Йорк было ещё едва видно, а близость земли уже чувствовалась во всём. Стюарды выносили на палубы сундуки и чемоданы. Пассажиры были очень взволнованы. Они собирались группами, стараясь увидеть далёкие здания знаменитого города. Все вдруг стали много говорить, заговорили даже те, которые всю дорогу молчали.

К "Маджестику" подошёл пароходик с иммиграционными властями. По трапу быстро поднялись американские чиновники. В высоком золотом салоне первого класса началась проверка паспортов. Пассажиры стали в длинную очередь. "Маджестик" двинулся вперёд малым ходом. Скоро стали видны отдельные дома Нью-Йорка. Среди них инженеры быстро нашли здание в сто этажей.

Последние минуты на пароходе прошли как в лихорадке. Прежде всего потерялись друзья-инженеры. Иммиграционный чиновник что-то громко и сердито говорил Тоне, держа в руках её паспорт. Тоня в это время быстро думала про себя:

"Ну, не пустят в Америку, ну, не надо, поеду домой, честное слово, нисколько не жалко". Но оказалось, что всё в паспорте правильно и что иммиграционный

чинóвник со все́ми разговáривает грóмко и серди́то. По-
то́м Говорко́вы, держа́сь за́ руки, как де́ти, сошли́ вниз
и попада́ли в большо́й тамо́женный зал, где бы́ло стра́шно
шу́мно. То́ня бо́ялась, что в э́той толпе́ им не найти́
своего́ багажа́. И уже́ ей бы́ло жа́лко своего́ но́вого
пла́тья, кото́рое Ко́стя купи́л ей в Пари́же за сто се́мьде-
сят ф́ранков, и фо́тографий Ки́ли и Кла́вы.

Ко́стя расте́рянно бормота́л:

- Сейча́с мы возьме́м автомаши́ну и пое́дем пра́мо на
Пенсильве́ния стéйшен.

Внеза́пно чемодáны нашл́сь, и тамо́женный чинóвник
накле́ил на них ярлыкí. Все́ де́лалось само́ собо́й. Че-
модáны попада́ли на конве́йер и пое́хали вниз, в вестибу́ль.

Внизу́ то́же сто́ял крик. Крича́ли носильщи́ки, пас-
сажи́ры, продавцы́ газе́т. Крича́ли шофе́ры такси́, высóвы-
вая го́ловы из око́шек. Говорко́вых кто́-то толкну́л в
такси́ вме́сте с их багажо́м, и, ошеломле́нный, но не по-
теря́вший прису́тствия духа, Ко́стя крикну́л шофе́ру:

- Пенсильве́ния-сте́йшен!

То́лько че́рез полчаса́, уже́ си́дя в пу́льмановском ва-
го́не по́езда Нью-Йорк - Вашингто́н, То́ня сообрази́ла, что
прое́хала са́мый большо́й го́род в ми́ре. Но что э́то был
за го́род, она́ не смогла́ бы сказа́ть. В па́мяти оста́лся
то́лько грóхот и ста́рое факси́, в кото́ром игра́ло ра́дио.

Ко́стя был дово́лен. Вот и прие́хали, куда́ на́до,
и се́ли в тот по́езд, в како́й на́до бы́ло сесть. Одно́ его́

мучило всю дорогу до Вашингтона — сколько дать на чай кондуктору, который очень любезно уложил говорковские чемоданы в багажную сетку и приколол билеты к спинкам кресел.

Впоследствии выяснилось, что Костя сделал много ошибок. Во-первых, слишком быстро сошёл с парохода и не дождал курьера из консульства, приехавшего его встречать; во-вторых, купил дорогой пультмановский билет, когда по его зарплате ему следовало взять "коч"; в-третьих, он дал кондуктору доллар, а надо было дать четверть доллара.

На вашингтонском вокзале Говорковых встретил секретарь посольства с женой. Все страхи кончились.

Приехавших усадили в большую посольскую машину и повезли по широким вашингтонским улицам.

Жена секретаря, Наталья Павловна, показывала Тоне на прекрасные правительственные здания и называла их, но в Тониной голове был уже полный сумбур. Пароход, волнения на пристани, шумный Нью-Йорк, старый негр в поезде, теперь Вашингтон — этого было слишком много для одного дня.

Говорковым уже была приготовлена комната, очень чистая, белая, с белой мебелью, с ванной и с собственной маленькой кухней. Тут была красивая белая газовая плита и рефрижератор. Всё это казалось таким привлекательным, что Тоне сразу захотелось заняться

хозяйством. Но их уже тянули показывать парадные комнаты посольства. Они переходили из зала в зал, шаг их были неслышны на толстых коврах. Тоня с удовольствием села в позолоченное кресло. Ноги уже не несли её.

Через полчаса, на вечеринке, которую секретарь устроил в честь новых членов маленькой советской колонии, Костя бойко говорил по-английски, что у него не выходило на "Маджестике", и всё время танцевал. Ему было так хорошо, будто он и не выезжал из Москвы. Он танцевал и с женой советника - Марьей Власьевной, и с секретаршей - американкой мисс Джеффи, и хорошенькой Натальей Павловной. Тоня тоже танцевала, несмотря на усталость. Вообще всё было чудесно. Зашёл на минутку военный атташе, и все, кроме, конечно, Говорковых, принялись дразнить его, спрашивая, какое звание будет ему присвоено.

- Да вот жду, - отвечал атташе. - Сам ещё не знаю, кем буду. Хорошо, если в полковники произведут. Вы, товарищи, как видно, не представляете себе, что такое полковник. Это громадный чин по моим годам. Полковник в тридцать шесть лет!

Вечеринка была настоящая, московская. Гости сели за стол, на который было выложено всё, что нашлось в доме. И совсем уже по-московски стояли бутылки с нарзаном. В перерыве между танцами Говорков, томно

опустившись на диван, раздавил две граммофонных пластинки. И так же, как и в Москвѣ, целый час стояли в передней, прощаясь, говоря друг другу: "Так вы заходите!" - "Обязательно". - "Да и вы к нам, смотрите".

Ночью у Тони началась рвота. Утром приехал доктор и сказал, что Тоня беременна.

Тоню уже на вчерашней вечеринке все называли Тонечкой, а когда стало известно, что у неё будет ребёнок, то её окончательно все полюбили.

Костя, начавший работу шифровальщика, сидел в своей шифровальной комнате по целым дням и лишь изредка забегал домой, чтобы поцеловать Тоню. Но Тоня не скучала.

На второй день вашингтонской жизни жена советника, Марья Власьева, большая, немного грустная женщина, повезла Тоню в Маунт Вернон смотреть домик Джорджа Вашингтона.

Проѣхав по мосту тихую и широкую реку Потомак, они очутились на многополосной дороге, которая проходила мимо больших красивых парков. По дороге Марья Власьева расспрашивала Тоню о её жизни в Москвѣ. Она узнала всё про расфасовочную фабрику, где Тоня работала, про её подруг и про знакомство с Костей. Оказалось, что Тоня никогда не выезжала из Москвы. Она окончила только школу-семилетку, любила ходить в театр, играла роли в драматическом кружке и даже хотела стать

актрисой. Так мало произошло событий в жизни Тони, что за полчаса езды до усадьбы Вашингтона она успела рассказать о себе всё.

Марья Власьева равнодушно посмотрела на дом Вашингтона. Когда кто-нибудь приезжал в Вашингтон на один-два дня, его всегда возили в Маунт Вернон, и делала это обычно Марья Власьева как самая добрая.

Здесь было много туристов с фотоаппаратами на животах, которые всё время снимали. Тоня с Марьей Власьевой обошли маленькие комнаты со старинной мебелью, поднялись навёрх в спальню и увидели кровать, на которой отдыхал когда-то великий человек. Здесь было тихо, чисто, давно ушла отсюда бурная жизнь тех времён, когда создавались Соединённые Штаты Америки.

За домом был старинный парк, спускавшийся к реке. К пристани, которой пользовался ещё Вашингтон, вели дорожки. Туристы и здесь фотографировали своих жён и детей.

На обратном пути Марья Власьева сказала Тоне:

- Вам надо, Тонечка, сразу же чем-нибудь заняться. Может быть, учить английский язык, даже поступить в колледж. Или что-нибудь в этом роде. Всё-таки будете меньше скучать. Одного хозяйства вам не хватит, чтоб заполнить весь досуг.

- Почему же я буду скучать? Здесь очень интересно.

Мне кажется, что я никогда не буду скучать в Америке,
— ответила Тоня.

Она так восторженно сказала это, что даже грустноватая Мэрья Власьева радостно улыбнулась.

И началась Тонина жизнь в Соединённых Штатах.

Утром Тоня шла в лавку, покупала немного зелени, заранее нарезанные бифштексы и упакованные в прозрачную бумагу булочки. Продавец уже знал её в лицо, называл её "леди", и достаточно было Тоне показать на что-нибудь пальцем, как он сразу догадывался о её желаниях.

В своей белой кухне Тоня ходила в тонком резиновом фартуке, который подарила ей на новоселье красивая и светская Наталья Павловна, и готовила обед для Кости. В холодильнике у неё, совсем по-американски, лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком, масло. Одна беда, готовить было так легко, что на приготовление обеда уходило не больше часа. Урок английского языка, к сожалению, тоже продолжался только час.

Костя много работал. Быстро пообедав, он снова уходил в свою шифровальную комнату, а Тоня выходила в общий коридор и стучалась к кому-нибудь в дверь, просилась в гости.

За неделю Тоня прочла все русские книги, которые достала у новых друзей. Люди сюда приезжали не на

всю жизнь — библиотеки их были в Москве, Ленинграде, Харькове, только не в Вашингтоне.

Сидя с мужем по вечерам, Тоня удивленно говорила:

— Знаешь, Костя, мы живём здесь уже целых двенадцать дней.

— Что ты говоришь? — удивился Костя. — А я и не заметил.

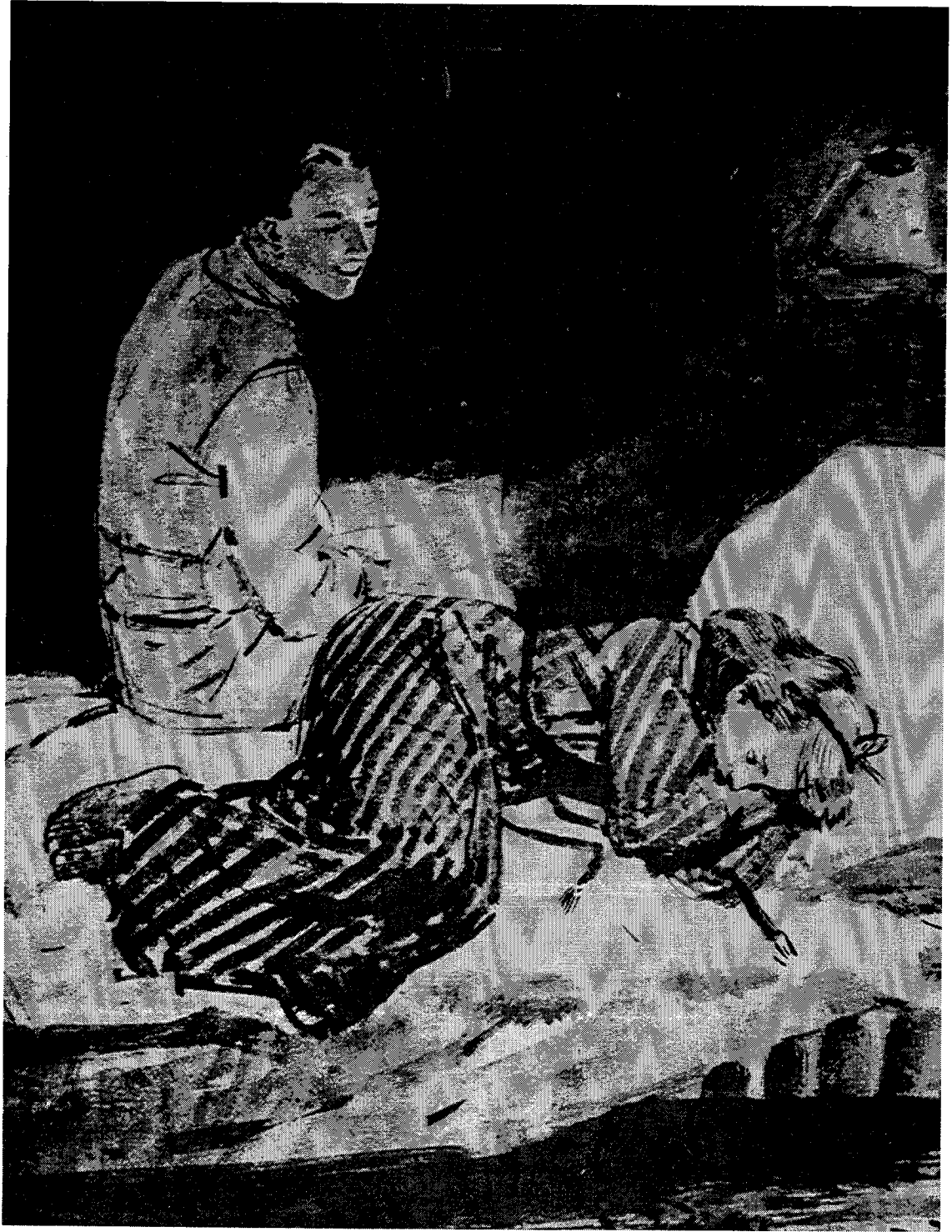
Он не заметил, как прошло двадцать дней, потом двадцать пять.

Тоне из канцелярии принесли письмо. Оно было от Кили и Клары, ответ на открытку с "Маджестика". И тут Тоня вдруг поняла, как далеко она заехала от Москвы.

Подруги были в восторге от фотографии "Маджестика". Они писали, что живут, как прежде, и посылали горячий привет. Тоня заплакала, неизвестно отчего — то ли от радости, то ли от печали, сейчас же села писать ответ и уже весь день ходила скучная, задумчивая.

Вечером Костя с женой и Натальей Павловной пошёл в кино.

Кинозал был большой и красивый. По тёмному залу неслышно бегали девушки с электрическими фонариками, показывая вновь вошедшим свободные места. Здесь температура воздуха регулировалась автоматически. На улице была жара, воняло асфальтом и бензином, был

тяжёлый вашингтонский август, а в зале стоял апрель, даже пахло фиалками.

И в первый раз за всё время (они побывали в кино уже десять раз) Тоне не понравилась картина, хотя она была ничуть не хуже других картин — музыкальная комедия, сюжет которой заключался в следующем.

В большом мюзик-холле готовится новая программа. Две соперницы претендуют на главную роль в этой программе — красавица брюнетка с отталкивающим характером и красавица блондинка с привлекательным характером. Директор, комик, не знает, кому отдать предпочтение. Начинается соревнование. В конце концов блондинке удаётся доказать, что она танцует лучше и директор подписывает с ней контракт.

Когда Тоня в первый раз увидела подобную картину (только там блондинка была бедная провинциальная телефонистка, которая приезжает в Нью-Йорк и внезапно, без всякой подготовки, начинает танцевать лучше всех балерин на свете), она была очарована прекрасной техникой, чистотой фотографии и звука. Ей запомнились разные мелодии, их хотелось повторять. И приготовляя Косте брэкфест, она даже пела слабым голоском какие-то куплеты, — совсем американка в своём резиновом фартучке.

Но эта, десятая, картина ничего не добавляла к тому, что Тоня уже видела. Картина начала её как-то

раздражать. Тоня даже не понимала ещё, почему это так вышло.

В этот вечер Тоне многое вдруг не понравилось в столице. Вдруг она заметила, что улицы были без названий. Какая-то алгебра. Улица "М" угол 27-й, или 39-я угол "Б".

- Мы живём на углу А плюс Б в квадрате, - сказал Костя. - Хоть бы назвали какую-нибудь улицу Гипотенузой. Всё-таки веселее было бы. Или, например, площадь Пифагоровых штанов.

- Говорков, не говорите гадостей, - сказала Наталья Павловна.

- А я считаю, - вмешалась вдруг Тоня, - что гадость - это улица "Ф", угол улицы номер один. Где вы живёте? Я живу на улице номер два. Очень интересно.

- Вы, Тонечка, не очень спешите со своими выводами, - сказала Наталья Павловна. - Алгебра алгеброй, а на этой самой алгебре стоят очень удобные дома.

- Да нет, я ничего такого не хочу сказать, - ответила Тоня. - Но у меня как-то сегодня вечером настроение неважное; наверное от картины. Позавчера была картина "Е", а сегодня - "Ф". Нет, не нужно больше ходить в кино. Давайте пойдём на будущей неделе в

театр. Посмотрим какую-нибудь серьезную пьесу.

- Что вы, Тонечка, - сказала Наталья Павловна.
- В Вашингтоне нет ни одного театра. Зимой иногда приезжает на гастроли какая-нибудь труппа, даст несколько спектаклей и уедет. А постоянного театра здесь нет.

- В столице Соединённых Штатов, - с удивлением переспросила Тоня, - нет ни одного театра?

- Ни одного. Только кинотеатры.

- Прямо нахально с их стороны, - заметил Костя.

- С чьей стороны? - сказала спокойная Наталья Павловна. - Живут себе люди, как им нравится - вот и всё. Дётка, тут дело ясное. Если бы театр был выгоден - существовал бы театр. Но оказалось, что кино дело более прибыльное - и театра нет. Ясно?

- У них всё ясно, - сказал Костя. - Ничего, Тонечка, вернёмся в Москву, пойдём в Художественный театр.

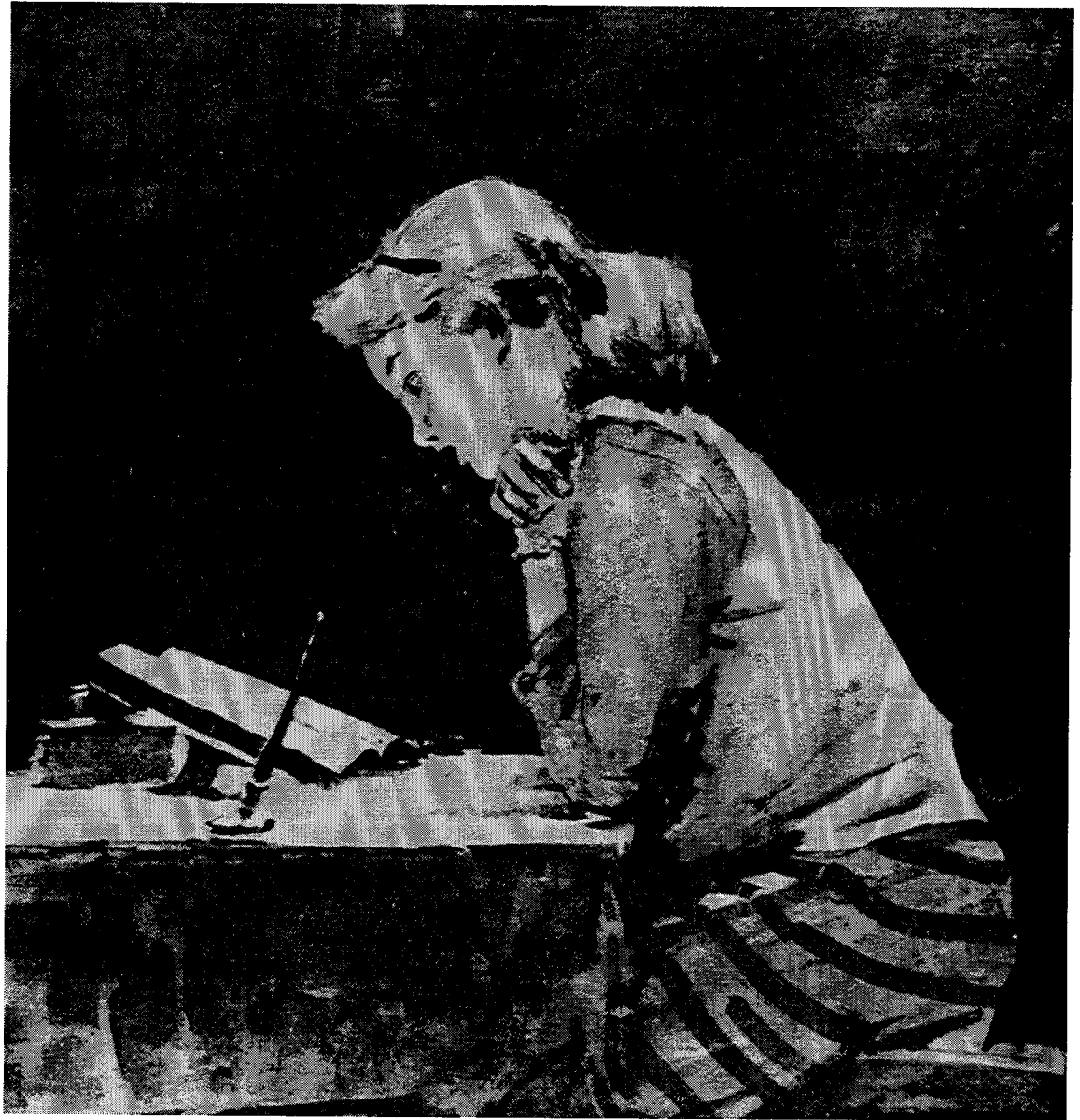
Дома Тоня села дописывать письмо.

"Сейчас пришла из кино, где смотрела заграничную кинокартину. Она называется "Так думают девушки". Там много танцуют фокстроты, чарльстони и другие западные танцы. Вообще было очень весело".

Тоня печально улыбнулась и приписала:

"Я очень смеялась".

Написать иначе было совестно.

Подруги так много ожида́ли от её заграни́чной жи́зни, что просто не поверили бы ей, подумали бы, что она́ ломается: и то ей не нра́вится, и это́.

Осенью, когда́ на прекра́сных у́лицах А, Б, В ста́ли па́дать с дере́вьев ли́стья, То́ня почувствовала, что её уже́ не развлека́ют ни кúхня, ни англи́йские уро́ки. Она́ ста́ла проси́ть Ко́стю, что́бы он устро́ил ей како́ю-нибу́дь рабо́ту.

- Ты же зна́ешь, То́нечка, - смущённо говори́л Ко́стя, - у нас о́чень ма́ленький штат. Мне да́же говори́ть об э́том неудóбно. Вот, е́сли бы мы жи́ли в Нью-Йо́рке, тогда́ друго́е де́ло. Устро́илась бы в Амто́рге. Потерпи́. Кро́ме того́, тебе́ уже́ ско́ро рожáть, вот бу́дет у нас ма́льчик ...

- Или де́вочка, - запáльчиво вста́вила То́ня.

- Де́вочка? Тем лу́чше. Она́ вы́растет, к ней бу́дут ходи́ть подру́ги, а я бу́ду за ни́ми уха́живать. Серьёзно, То́ня. Бу́дет ребёнок - тебе́ ста́нет веселее́.

Предсто́яли большо́е расхо́ды. Ну́жно бы́ло купи́ть ра́зные ве́щи для ребёнка: кровáтку, коля́ску, ва́нночку и т.д. Кро́ме того́, То́не и Ко́сте нужны́ бы́ли пальто́. Молодые́ супру́ги реши́ли эконо́мить.

Ещё́ когда́ Говорко́вы е́хали в Аме́рику, они́ задума́ли из пе́рвого же жа́лованья купи́ть прои́грыватель с пласти́нками. Тепе́рь от э́того пришло́сь отказа́ться.

Тоня перестала ездить на уроки английского языка. в автобусе и совершала этот путь пешком. Кстати, ей было полезно ходить. Она часто останавливалась у витрины музыкального магазина и рассматривала красивый проигрыватель. Ничего, не страшно — сначала ребёнок, потом проигрыватель.

Костя тоже был такого мнения. Вообще он не терял своей веселости. Только одно его огорчало. Он стал часто простуживаться.

— Привык я к московскому морозу, а здесь зимой тепло. Наверно, от этого, — объяснял Костя.

В январе два раза выпал снег и сейчас же таял. Кили и Клава продолжали аккуратно писать короткие письма, в которых каждый раз сообщали, что ничего нового не произошло — ходят на каток, в клуб, собираются раз в неделю у Кили на вечеринки. За Клавой стал ухаживать член союза композиторов, командированный на фабрику для ведения музыкального кружка. Открылся зимний однодневный дом отдыха, и кто хочет, может ходить на лыжах. А Лена Бычкова сделалась стахановкой, перевыполнила все нормы и на Октябрьскую годовщину получила в подарок ленинградский проигрыватель и десять пластинок, в том числе "Спасибо, сердце" и "Гопак" из оперы "Сорочинская ярмарка" в исполнении

симфонического оркестра.

"Но тебе это, наверно, всё неинтересно, — писали Кйля и Клава. — Ты, конечно, веселишься не так, как мы, и, наверно, нас уже забыла".

Тоне вдруг захотелось в однодневный дом отдыха, так захотелось посмотреть, как композитор ухаживает за Клавой, так захотелось попасть в клуб, что она весь день пролежала в постели. И когда Костя вечером стал звать её в кино, чтобы немного развлечь, она отвечала:

— Никуда я не пойду.

— Это же знаменитый фильм, — уговаривал Костя, — стоил два миллиона долларов. Я сам читал в "Вашингтон Пост".

— Хоть три миллиона. Отстань от меня, пожалуйста.

В конце января с Говорковыми произошло большое несчастье.

Обычно во время приёмов в посольстве, на которые приглашались представители искусства, науки и промышленности, Костя с непривычки чувствовал себя очень стеснённым. Он в смокинге стоял где-нибудь подальше, пил коктейль и много курил. Но в последний раз Костя вдруг осмелел и вступил в разговор с толстым, очень симпатичным американцем. Костя с удовольствием заметил, что уже довольно свободно говорит по-английски.

Не хватало только темы, не о чём, собственно, было говорить с этим американцем. Тут Косте вдруг повезло. Он вспомнил свои вечные простуды и стал жаловаться на вашингтонский климат.

- О, - сказал американец, - вы молодой человек. У вас этого не должно быть. Все простуды происходят от гланд. Их надо немедленно удалить. Поверьте моему опыту, мистер ...

- Говорков.

- Мистер Говорков. Я позволю себе, мистер Говорков, рекомендовать вам своего врача. Американец вытаскивал блокнот и что-то записал. Костя его поблагодарил.

Потом они выпили ещё несколько коктейлей и расстались очень довольные друг другом.

Придя домой, Костя с удовольствием рассказывал Тоне о своих успехах в английском языке.

- Всем понемножку учимся, - говорил Костя.

Утром Говоркова позвали в канцелярию к телефону, и незнакомый голос сообщил, что говорит секретарь мистера Саммерфильда.

- Слушаю, - с удивлением сказал Костя.

- Вы вчера имели беседу с мистером Саммерфильдом относительно доктора. Доктор с удовольствием приехал бы к вам, но так как удаление гланд - всё-таки операция, хотя и маленькая, то доктор просит вас заехать к

нему́ сегодня в пять часо́в дня.

Кóсте о́чень понравилась э́та чи́сто амери́канская аккура́тность.

В полови́не пя́того, ничего́ не сказа́в и попроси́в для ши́ка у завхо́за са́мый большо́й посóльский автомоби́ль, Кóстя поё́хал по запи́санному им а́дресу.

До́ктор о́чень понравился Кóсте. Во-пе́рвых, он абсолю́тно не́ был похо́ж на до́ктора. Э́то был элега́нтно оде́тый господи́н. С кру́глым зе́ркалом на лбу, он был неверо́ятно краси́в и обая́телен.

Наде́в хала́т, до́ктор посмотре́л Кóстино го́рло и сказа́л, что лу́чше всего́ бы́ло бы гла́нды удали́ть, но что, воо́бще говоря́, мо́жно жить с гла́ндами. Но Кóстя, с горя́чностью, кото́рой сам от себя́ не ожида́л, заяви́л, что согла́сен расста́ться с гла́ндами. Уж о́чень ему́ надо́ели просту́ды.

То́тчас же в ко́мнате появи́лись ассисте́нт и мед-сестра́, и до́ктор в оди́н моме́нт вы́резал ми́стеру Го-ворко́ву гла́нды.

То́ня жале́ла Кóстю. Оди́н день он пролежа́л в постели́, хотя́ чу́вствовал себя́ прекра́сно. Лежа́л и ел то́лько моро́женое. Все́-таки э́то бы́ло собы́тие. То́ня чита́ла ему́ вслух газе́ты, и оба́ бы́ли сча́стливы.

Че́рез неде́лю на и́мя ми́стера Говорко́ва прише́л в канцеля́рию паке́т. Э́то был сче́т от до́ктора. Взгляну́в

на него́, Кóстя ничего́ не по́нял. Счё́т был на двести до́лларов.

- Тут кака́я-то оши́бка, - сказа́л он То́не и пошёл к Ма́рье Вла́сьевне узна́ть, что бы́ это могло́ значить.

- Конёчно, кака́я-то чепуха́, - сказа́ла Ма́рья Вла́сьевна, - уда́ление гланд сто́ит до́лларов два́дцать пять, не бо́льше. Тут наве́рно, напи́сано два́дцать до́лларов, а ли́шний ноль по́пал по оши́бке.

- Да и э́то до́рого, - возму́чался Кóстя, - э́то же грома́дная су́мма, два́дцать до́лларов. Ну, я ещё пони́маю, четы́ре до́ллара или пять.

- Позво́льте, позво́льте, - сказа́ла Ма́рья Вла́сьевна, наде́вшая очки́ и сно́ва рассма́тривая счё́т. - Вы у кого́ бы́ли? Как? Доктор Пичинёлли? Кто вас к нему́ напра́вил? Але́ксей Дми́триевич, зайд́и к нам на мину́тку. Тут пра́мо беда́ случи́лась с това́рищем Говорко́вым.

В ко́мнату вошёл сове́тник. Он взял в ру́ки счё́т и с недоуме́нием посмотре́л на Кóстю.

- Слу́шайте, Говорко́в, како́й дура́к посла́л вас к Пичинёлли?

- Во́все не дура́к, - оби́делся Кóстя за своего́ но́вого дру́га, - а ми́стер Са́ммерфильд.

- Ну, знаёте, - сказа́л сове́тник, - вы бы хоть спроси́ли кого́-нибудь, посоветова́лись.

- А что тут советовать? - сказа́л Ко́стя. - Это же пустяки́, кака́я-то гла́нда.

- Гла́нда-то пустяки́, а ва́жно здесь, что до́ктор Пичинéлли ле́чит о́чень бога́тых люде́й. А вы ещё попада́ли к нему́ по рекоменда́ции Са́ммерфи́льда, миллионе́ра. Есте́ственно, что он и вас счита́ет миллионе́ром.

- А я ещё прие́хал к нему́ на - "ка́диллаке", - про-
бормота́л Ко́стя.

- Вы бы к нему́ ещё на "ро́йсе" прие́хали! - восклик-
нул сове́тник. - Приде́тся вам запла́тить двести до́л-
ларов.

- Как двести? Ма́рья Вла́сьевна говори́ла: двад-
цать!

- Возмо́жно, что э́та опера́ция сто́ит то́лько двад-
цать до́лларов, но Пичинéлли берёт за неё двести.

- Не бу́ду я пла́тить! - закрича́л Ко́стя. - Это аб-
су́рд.

- Да, сказа́л сове́тник, - всё это так, но пла́тить
приде́тся. Тут никаки́х разгово́ров не мо́жет быть.

- Это грабе́ж, - простона́л Ко́стя. - Да ведь е́сли
в Москвё́ рассказа́ть - не пове́рят.

- Конéчно, не пове́рят. Вы там в Москвё́ приви́к-
ли ле́читься беспла́тно. Но здесь нет сове́тской вла́сти.
Это Аме́рика. Будёте знать на пра́ктике, что тако́е
капита́лизм.

Доктор Пичинелли произвёл в бюджете Говорковых страшные разрушения. Чтобы ему заплатить, пришлось отказаться от зимних пальто, от коляски и чудной кровати, которую Тоня уже присмотрела в детском магазине. Кроме того, пришлось ещё взять авансом в счёт жалованья восемьдесят долларов. Это была настоящая катастрофа.

Как Тоня ни утешала Костю, сознание того, что он сделал глупость, заставляло его страдать. В светлой комнатке Говорковых сделалось грустно. Вместо замечательной кровати стояла самая обыкновенная люлька, какую покупают для своих младенцев бедные люди.

Денег не было ни копейки, а главное ещё было только вперёд: Тоня готовилась рожать.

И опять всё было так не похоже на Москву, что Костя иногда даже хватался за голову. Почему в Москве всё происходило как-то просто, даже думать об этом не надо было? Подходит время — и рожает. И всё бесплатно.

И вообще в представлении Кости роды или болезнь никогда не были связаны с деньгами. Ну, рожает, ну болеет. Кто-то за всё это платит. Кажется, соцстрах. Костя никогда об этом не думал.

После трагической истории с гландами Костя сделался осторожным. Он всё узнавал наперёд. Но от

этого ему не стало легче. Хотя Говорковы и выбрали недорогую больницу, всё-таки платить надо было много. В счёт ставили и предварительную консультацию, и сестру, и доктора, и лекарства, ну, одним словом, всё.

— Почему вы сердитесь? — говорила ей Мэрия Власьева. — Мы живём за границей десять лет. Мы уже привыкли.

Теперь Тоне уже ничего не нравилось. Не нравилось даже то, что совсем недавно казалось ей удобным и красивым. Ей не нравились прекрасные улицы, превосходные магазины, автомобили.

— Я уеду рожать в Москву, — говорила Тоня со слезами. — Честное слово. Вот увидите.

Но никуда она не поехала. Ребёнок родился всё-таки в Вашингтоне, и несмотря на долги, Говорковы очень радовались. Мальчик был большой и весил восемь английских фунтов, что, как всем докладывал Костя, равняется девяти старым русским фунтам. Назвали младенца Бовкой. Как родившийся на американской почве, Бова по законам мог стать американским гражданином, а впоследствии имел право быть избранным в президенты. Возможный президент Соединённых Штатов и юный советский гражданин, как и полагается, всё время спал.

В торжестве приняла участие вся колония.

Первой явилась Мэрия Власьева, толкая перед собой чудесную коляску, напоминавшую своими формами

междупланётный снаряд. Тоня, усталая, но счастливая, не удержалась и заплакала. Коляска была та самая, которую она видела в магазине.

Потом в передней раздался грохот. Это Наталья Павловна уронила кроватку, которую она купила вместе с женой морского атташе. И это тоже было то, о чём она мечтала. Каждому входящему Костя говорил:

- Товарищи, ну, зачем же! Такие расходы. Что вы, товарищи!

Он ещё больше растрогался, когда вошла совсем мало знакомая, молодая американочка мисс Джеффи, которая работала в канцелярии секретаршей и ни слова по-русски не знала. Мисс Джеффи подошла к коляске и тоненьким голоском сказала:

- Гау ду ю ду бэби?

Костя развёл руками и сказал:

- Ну, тут я уже ничего не могу сказать!

Мисс Джеффи подарила младенцу резиновую игрушку и, улыбаясь, отошла.

Принесли цветы от посла, а через несколько минут пришёл и он сам. Посол торопился на дипломатический приём, был во фраке и держал в руке цилиндр. Он постоял минуточку над кроваткой новорождённого, поздравил Говорковых и сказал:

- Прекрасный ребёнок. Теперь, Тонечка, вам уже

нельзя́ будет ску́чать. Приде́тся развлека́ть э́того ма́ленького джентльме́на.

Так оно́ в пе́рвое вре́мя и бы́ло. Неизвѣ́стно, кто кого́ развлека́л — То́ня ли Во́вку, и́ли он её, то́лько вре́мя пошло́ незамѣ́тно.

Ле́том поѣхать с Во́вкой на да́чу не удало́сь — ока́залось до́рого. Ко́стя то уверя́л То́ню, что Вашингто́н сам по себе́ да́ча и ѣхать никуда́ не на́до, то вдруг нача́л сердито́ говори́ть, что пусть Мо́рган ѣдет на да́чу, ню́хает там чи́стый во́здух, а они́ уж ка́к-нибудь проведу́т ду́шное ле́то в э́том симпатично́м го́роде, где двѣсти пятьдеся́т ты́сяч автомоби́лей без перерыва́ наполня́ют во́здух бензи́новыми испаре́ниями.

Э́то бы́ло тяжѣ́лое ле́то, и То́ня на це́лые дни уво́зила Во́вку в его́ "межплане́тном сна́ряде" в прекра́сный парк по друго́ю сто́рону реки́ Пото́мак.

О́сенью пришло́ то́лстое письмо́ от Ки́ли и Кла́вы.

"Здра́вствуй, То́ня, — писа́ли подру́ги, — почему́ от тебя́ так до́лго ниче́го не слы́шно? Мы так и зна́ли, что ты про нас забуде́шь в своѣ́й Аме́рике. Но мы тебя́ вче́ра вспомина́ли и все́-таки реши́ли написа́ть. У нас нет ниче́го но́вого, живѣ́м как жи́ли, без осóбых интере́сов. Ты, наве́рно, чита́ла в аме́риканских газе́тах, что в Москве́ открыв́ся теа́тр На́родного твóрчества. У нас на фа́брике ещё́ весно́й образова́лся самоде́ятельный коллѣктив, и на про́шлой неде́ле он выступáл в э́том теа́тре.

Исполнили несколько русских танцев. Страшно было, просто ужас. И Килья танцевала sólo с тов. Передышкиным. А так ничего нового нет, только я, Клава, вышла замуж за композитора, который руководит у нас музыкальным кружком. Его зовут Миша Григорьев. Пока он ещё кандидат в члены Союза композиторов, но его обязательно примут, так как он пишет симфонию из моей жизни. Он сказал мне, что я представляю тип новой женщины. Вообще он очень весёлый и всё время над всеми смеётся. И я его люблю довольно сильно. В общем, как видишь, ничего особенного у нас не происходит. В августе мы вдвоём поехали с экскурсией в Крым. Мы обошли весь южный берег и подымались на Ай-Петри. Такой там ветер был на вершине, ужас. Но восход солнца действительно прекрасный. Мы уже все взрослые. Киле уже девятнадцать лет, а мне скоро будет восемнадцать. Просто ужас. По этому случаю у нас будет большая вечеринка. Жаль, тебя не будет. Жаль, что мы ещё не видели твоего Вовы. Он, наверно, красивый мальчик, и мы шлём ему сердечный привет. Тонечка, ты веселись, но всё-таки нас не забывай. Твой К. и К.

Прочитав письмо, она заплакала. Почему она сейчас не в Москве, а в этом провинциальном Вашингтоне!

В Москве у неё всегда было много дел, и никогда

не́ было вре́мени. Она́ вспо́мнила, что всегда́ куда́-то торопи́лась, боя́лась опозда́ть. И дела́ бы́ли какие́-то интере́сные, весе́лые. А здесь она́ жи́ла, как в боль-ни́це — чи́сто, удо́бно, и так хо́чется на свобо́ду.

Когда́ Ко́стя верну́лся, То́ня ещё пла́кала. Говор-ко́в ужа́сно испуга́лся. То́ня была́ всегда́ сде́ржанным и терпе́ливым челове́ком, никогда́ ни на что не жа́ловалась. И тут Ко́стя прочёл письмо́ и сразу́ по́нял, что То́ня несча́стна и на́до что́-то сде́лать.

Встрево́жена была́ вся ма́ленькая сове́тская коло́ния.

— А всё потому́ произошло́, — говори́л сове́тник, — что на То́нечку обра́щали ма́ло внима́ния.

— Е́сли бы у неё была́ рабо́та, или е́сли бы она́ учи́лась, то бы́ло бы ле́гче, — сказа́ла Ната́лья Па́вловна.

— Оста́вьте, пожа́луйста. Ле́гко́ вам говори́ть, когда́ у вас нет дете́й. Вам хорошо́, вы ско́ро колле́дж ко́нчите. Нет, с То́нечкой что́-то на́до сде́лать. Но что, никто́ не знал.

То́ня уже́ не скрыва́ла своего́ отча́яния, ходи́ла запла́канная.

— Я её отли́чно понима́ю, — говори́л воённый аташе́. — Э́тому, това́рищи, есть специа́льное назва́ние. Носта́ль-гия. Тоска́ по роди́не. В конце́ концов мы все э́тим больны́. Все мы живём тем, что когда́-нибудь отсю́да уе́дем. Че́стное сло́во, това́рищи, е́сли бы мне сказа́ли,

что я здесь должен остаться на всю жизнь, — я, вы знаете, товарищи, восемь лет воевал и человек не сентиментальный, — я бы заплакал. Что же вы хотите от Тонечки, которая привыкла к советским условиям жизни? Конечно, ей здесь трудно.

Костя всячески старался проводить дома как можно больше времени. Он заставлял Тоню ходить в кино, а сам оставался с Вовкой.

В кино Тоня ходила с милой, всегда приветливой и веселой мисс Джеффи. Тоня очень подружилась с ней. После кино они заходили вместе в аптеку, ели мороженое и разговаривали. Тоня еще не очень свободно говорила по-английски, поэтому они часто друг друга не понимали и, найдя ошибку, долго и сердечно смеялись.

Тоня рассказывала о своей жизни в Москве, о своих подружках Киле и Клаве, рассказала однажды, что они недавно были в Крыму.

— Краймиа! — воскликнула мисс Джеффи. — Но ведь это очень далеко от Москвы.

— Ну, что ж такое? — сказала Тоня. — Они были в отпуске. С экскурсией.

— Они поехали туда на автомобиле?

Тоня даже засмеялась.

— Что вы, мисс Джеффи! Откуда у них автомобиль?

Потом, у нас ведь пока нет таких хороших дорог, как у вас. В Крым едут поездом. Очень удобно и быстро. А уж в самом Крыму есть всё для туристов — и автобусы и специальные туристские базы. Вот вам хорошо, Линни. У вас превосходные дороги, автомобили. Вы, наверно, уже объездили всю Америку.

К удивлению Тони, мисс Джеффи сказала, что не только не объездила Америки, но даже ни разу не была в Нью-Йорке, хотя до него лишь четыре часа. Была она только в Филадельфии, в гостях у тети, провела у неё Рождество.

— Это не так-то легко, Тониа, — сказала мисс Джеффи. — Чтобы поехать в Калифорнию или во Флориду, надо много денег и времени.

Американка всегда провожала Тонию домой и поднималась с ней навёрх, чтобы посмотреть ребёнка. И всегда они видели одну и ту же картину: Вовка спал, а рядом с ним сидел серьёзный Костя и читал "Вашингтон Пост".

Мисс Джеффи наклонялась над кроваткой и говорила: "Гуд найт, бэби", — и уходила домой.

На Октябрьскую годовщину Тоне был приготовлен большой сюрприз. Вся колония снова и долго обсуждала судьбу Тони, и все единогласно решили, что за Вовкой будут смотреть Мэрья Власьева и Костя, а Тоня с Натальей Павловной поедут на два дня в Нью-Йорк

и праздник проведут среди сотрудников Амторга.

Программа была очень интересная. Утром седьмого ноября они отправятся на детский праздник в советскую школу, днём будут осматривать город, а вечером состоится торжественное заседание и танцы в генеральном консульстве. Там будет человек триста советских людей. После скучного Вашингтона поездка в Нью-Йорк казалась почти поездкой на родину.

Приехали вечером шестого числа и ночевали у друзей Натальи Павловны. Это были пожилые люди, муж и жена Ведмёдевы. Тоня им обрадовалась, словно это были её дядя и тётя. Ведмёдевы сейчас же повели молодых женщин на Бродвэй. От бродвэйского света и шума Тоня затихла. Гуляли долго, и всё это время супруги смотрели на Тонию с таким видом, будто это они, Ведмёдевы, загляли над Бродвеем миллиарды электрических огней и сами построили небоскрёбы.

После прогулки ужинали у гостеприимных хозяев. Молодые женщины уже собирались идти спать, когда в комнату вошёл одиннадцатилетний мальчик и серьёзно сказал с лёгким английским акцентом:

- А теперь вы можете осмотреть мои игрушки.

Он, как видно, терпеливо ждал конца ужина.

Игрушек было много, но все они представляли собой огнестрельное оружие: револьверы, ручные пулемёты, маленькие винтовки.

- Вот так он целый день и стреляет - жаловался старый Ведмедев. - Американские мальчики только этим и занимаются. Других игр у них нет. Просто с ума сошли. Бегают в кино смотреть гангстерские картины, а потом сами изображают бандитов. И мой Лёнька туда же.

- Нет, я только в свободное от школьных занятий время, - серьёзно ответил мальчик.

- Школу мы устроили хорошую, - продолжал Ведмедев. - Не пожалели денег. Но ведь после школы не запрешь его дома. Особенно этот Дэвид, сын парикмахера, обучает моего сына.

- Ты ошибаешься, папа, - серьёзно сказал Лёнька, - Дэвид хороший мальчик. Тут виноваты условия капиталистического общества.

- Слышали? - радостно закричал Ведмедев. - Это уже влияние нашей школы. А рядом с этим игрушечные пулемёты. Какой у меня мальчик вырастет в этой Америке, я даже не понимаю.

- Ох, - простона́ла Ведме́дева, - скорей бы уж до-
мой, в Ха́рьков!

У́тром поехали в Бру́клин. По коридо́рам и ле́стни-
цам шко́лы бе́гали де́ти с кра́сными пионе́рскими га́лсту-
ками. Все́ шло там так, как бу́дто вокру́г не́ было ни-
како́го Нью-Йо́рка и что торже́ство происхо́дит где́-нибудь
в СССР, то́лько малы́ш из пе́рвого кла́сса, говори́ли
по-ру́ски с настоя́щим нью-йо́рским акце́нтом, что сви-
де́тельствова́ло о том, что де́ло все́-таки происхо́дит
не в Москве́.

Торже́ственное собра́ние нача́лось в са́мом большо́м
кла́ссе. Председа́тель Амто́рга сказа́л коро́ткую речь, в
кото́рой объясни́л де́тям, что за день они́ пра́зднуют.
Пото́м выступи́л генера́льный ко́нсул, речь кото́рого все́
вре́мя прерыва́л его́ двухле́тний сын Ви́тя.

- Па́па, я хочу́ к тебе́!

Он крича́л до тех пор, пока́ ему́ срóчно не пона́-
добилось в́йти. То́лько это обстоя́тельство да́ло ко́н-
сулу возмо́жность зако́нчить свою́ речь.

- А тепе́рь, това́рищи, - сказа́л заве́дующий шко́-
лой, - присту́пим к весе́лью.

Начали́сь выступле́ния дете́й. Са́мые ма́ленькие
деклами́ровали англи́йские стихи́, бо́лее взро́слые пе́ли
хо́ром ра́зные ру́сские пе́сни и да́же разыгра́ли коро́ткую
пьесу́.

Затѣмъ лучшимъ ученикамъ начали давать подарки. Лѣня Ведмѣдевъ тоже получилъ подарокъ. Но про него завѣдующий школой сказалъ, что онъ учился только хорошо, в то время как по способностямъ могъ бы учиться отлично. Тогда Лѣня выступилъ впередъ и, держа в рукахъ две книги Джека Лондона на англійскомъ языкѣ, которые ему поднесли, серьезно сказалъ:

- Теперь я обещаю учиться отлично, потому что у меня действительно хорошие способности.

Все стали смеяться.

Вечеромъ стали веселиться и взрослые. Торжественное засѣданіе открылось в большомъ залѣ консульства. Пришли все, кто только могъ явиться. И сотрудники Амторга, и инженеры, находящіеся в командировкѣ по различнымъ техническимъ деламъ, и команда совѣтскаго парохода, который недавно пришелъ из СССР и стоялъ в нью-йоркскомъ портѣ.

Снова председатель Амторга сказалъ рѣчь; консулъ тоже говорилъ опять, но никто не мешалъ ему на этотъ разъ, потому что Витя уже спал. Хорошо было в этотъ вечеръ.

После официальной части, как водится, началась неофициальная. Долго танцевали, весело и шумно. Тоня веселилась, как когда-то у себя на первой расфасовочной фабрике. Если бы только ее подружки Кіля и Клава знали, что она танцуетъ в первый разъ за всю свою

американскую жизнь. Ничего бы они не поняли и, наверно, очень удивились бы.

Вашингтонские красавицы, Наталья Павловна и Тоня, пользовались большим успехом. В соседнем зале на длинных столах стояли закуски, водка, нарзан. Но Тоня ничего не ела и не пила. Не было времени: её всё время приглашали танцевать и ей жалко было отказаться. Когда-то она ещё увидит живых людей в таком количестве!

Вдруг она заметила в толпе своих старых знакомых — трёх неразлучных инженеров, с которыми когда-то Говорковы познакомились на "Маджестике". И они её увидели и сразу узнали.

— Ну, как "левая"? — уже заранее хохоча, спросила Тоня.

— Замечательно! — в один голос ответила тройка. — Всё в полнейшем порядке. Олл райт.

— Гау ду ю лайк Америка? — спросила Тоня.

Она ожидала услышать знакомое: "А Бог с ней, с этой Америкой. Скорее бы уж попасть домой". Но, к её удивлению, молодые инженеры в один голос закричали:

— Замечательная страна. Отличная техника. А как работают!

— Честное слово, посмотришь на какой-нибудь завод — и как всё у них просто получается. А за этой простотой такая организация производства, что нет слов, ну, я вас уверяю, Тоня, просто нет слов.

- Мы тут кое-чему научились. У них есть чему учиться.

Вообще от встречи с Тоней они были в полном восторге. Они, перебивая друг друга, рассказывали о своей работе, о поездках, часто вставляли английские слова и целые фразы, мешали друг другу. С Тоней они танцевали по очереди.

На другой день вечером американизировавшиеся молодые люди явились к Ведмедевым и потребовали, чтобы Тоня и Наталья Павловна пошли вместе с ними "развлекаться".

- Надо, надо развлекаться, - деловито говорили они. - Что же, мы так и уедем ничего не увидев? Просто безобразие. Полтора года работали в этой Филадельфии, как звери, позавчера приехали, а завтра уже уезжаем.

- Снова в Филадельфию? - спросила Тоня.

- Какая там Филадельфия, - радостно сказал инженер с усиками. - Домой, а не в Филадельфию! Я - в Москву, Коля - в Свердловск, а Семён - в Златоуст.

Завтра в два тридцать садимся на "Иль-де-Франс". Сбрею свои знаменитые усики, и уже через девять дней в Москве.

Инженерам очень хотелось "развлекаться", но они не знали, как и где это делается. Помочь им взялся

ста́рый Ведме́дев.

- Сла́ва Бо́гу, - объясни́л он, уже́ пять лет в Нью-Йо́рке и зна́ю его́ о́чень хоро́шо. Снача́ла мы е́дем в Га́р-лем, негритя́нский райо́н, и зайдём в како́й-нибудь "найт-клуб", где-нибудь в райо́не 126-о́й у́лицы. Или, ка́жется, 127-о́й. Там на ме́сте разберёмся.

- Ся́дем в такси́! - крикну́л инже́нер с у́сиками. - В чём де́ло? Веселі́ться, так веселі́ться!

Но ста́рый Ведме́дев не допусти́л э́того.

- Слу́шайте меня́, ста́рого нью-йо́ркца. В такси́ бу́дем е́хать це́лый час. Вы нахо́дитесь в го́роде, где це́лый миллио́н автомоби́лей. Сле́довательно, по́льзовать-ся автомоби́лем здесь бессмы́сленно. Э́то са́мый ме́длен-ный вид тра́нспорта. Ся́дем в "собве́й", и бу́дем в Га́р-леме че́рез пятна́дцать мину́т.

Но́чью Га́рлем со свои́ми безнаде́жно прямы́ми, гряз-новаты́ми и сла́бо освещёнными у́лицами всё-таки́ со́здал у экскурсáнтов впечатлѐние та́йны. На Седьмо́й авеню́ свети́лись электри́ческие рекла́мы но́чных рестора́нов.

В конце́ концо́в друзья́ попада́ли в но́чное заведе́ние под назва́нием "Чѐрная ко́шка". Ста́рик Ведме́дев сна-ча́ла заше́л оди́н и, узна́в, что шампа́нского здесь мо́жно не тре́бовать и что обяза́тельный зака́з равня́ется двум до́ллара́м на челове́ка, пригласи́л всех войти́.

Компа́ния вошла́ в небольшо́й зал, посре́дине кото́-рого помеща́лась площа́дка для та́нцев. Люде́й бы́ло ма́ло,

только шесть-восемь столиков были заняты. Любозный негр отвёл компанию к столу у самого барьера.

Опытный Ведмёдев заказал для всех "джин-фис", крепкую смесь джина с лимонным соком.

- Развлекайтесь, - уговаривал он. - Всё равно, даже если вы закажете только содовую воду, возьмут по два доллара с человека. Так что пейте.

На эстраде заиграл негритянский джаз; на площадку выбежал невероятно толстый мулат в цилиндре и быстро застукал ногами в лаковых туфлях. За ним выскочило несколько голых мулаток с перьями на поясе. Они тоже стучали каблучками и вращали бёдрами. Потом три негра в белых цилиндрах виртуозно отбивали четку.

Ведмёдев заказал вторую порцию "джин-фиса". Инженеры тихо сидели и иногда подмигивали друг другу, как бы говоря: "Здорово мы развлекаемся".

Когда вышли на мокрую и темную улицу, Семён из Златоуста бодро сказал:

- Теперь всё в порядке. Программа выполнена полностью. Если спросят, будет что ответить. Не только учились на заводе. Видели и кое-что другое.

Прощались долго. Семён всё уговаривал Тоню обязательно съездить в Златоуст, который якобы необычайный город.

- Чего вы тут сидите? - доказывал он. - Зачем вам Америка? Ведь тут страшная скука.

Все трое повернули в сторону своего отеля, и долго ещё над тихими "стритами" слышался их шумный разговор.

Вернувшись в Вашингтон, Тоня нашла, что Бовка немного вырос, хотя она не видела его только два дня. Но вообще больше ничего не изменилось, и Тонина жизнь сделалась ещё труднее. За два нью-йоркских дня Тоня от всего отвыкла. Надо было привыкать с самого начала. Но Тоня чувствовала, что никогда не привыкнет к американской жизни.

Она завидовала мисс Джефи, всегда весёлой и энергичной.

"Ей хорошо, - думала Тоня, - она у себя на родине".

Тоня не любила жаловаться посторонним людям, но

однажды вѣчером, когда Кóстя ушёл разбирáть диплома-
тическую пóчту, а Вóвка уже спал, она́ рассказа́ла мисс
Дже́фи о своей тоске́.

Обы́чная улы́бка сошла́ с лица́ мисс Дже́фи. Она́ с
удивлѣнием смотре́ла на Тóню, до́лго молча́ла и сказа́ла
наконе́ц:

- Дорога́я Тóниа, вы счастливая молодáя же́нщина.
Да, Аме́рика о́чень скучная страна́. Но ведь вы в кон-
це́ концов отсю́да уѣдете. Мне ху́же чем вам, Тóниа.
Мне да́же е́хать не́куда. Э́то моя́ ро́дина. Куда́ я могу́
поѣхать? Я проживу́ здесь всю́ свою́ жизнь. Я, на-
ве́рно, никогда́ не вѣйду за́муж. Мужчи́ны не лю́бят же-
ни́ться. Э́то до́рого.

Тѣплая мо́края зима́ подходѣла к концу́.

Ка́к-то тѣмным у́тром, Тóня подошла́ к окну́ и уви́-
дела, что идёт снег. Он бы́стро та́ял и лежа́л то́лько
на кры́шах автомоби́лей. Всё шло́ обы́чно. Кóстя позав-
тракал и ушёл. Вóвка, как всегда́, не хоте́л мы́ться и
пла́кал. Предсто́ял обыкнове́нный день.

И вдруг Кóстя верну́лся. Он верну́лся наза́д так
скóро, что вряд ли успе́л дойти́ до канцеля́рии. Но
нет. Он был там. И да́же принёс оглуши́тельную но́-
вость. Его́ перево́дят в Москву́.

- Тут я уже́ ничего́ не могу́ сказа́ть! - возбуж-
де́нно крича́л он.

Вот и всё. Так просто, неожиданно, а главное быстро решилась Тони́на судьба́. Вóвка не мог понять откúда пришлó к нему́ такое счастье: ма́ма так и не по-мýла его́ в это́ утро, и он весь день гуля́л с немýтой физионо́мией, спотыка́ясь о разло́женные на полу́ чемоданы́, таща́ за собо́й ма́мины пла́тья и па́пины га́лстуки.

Че́рез две неде́ли по́езд Па́риж - Него́релое в́шел с по́льской ста́нции Столбцы́ и двину́лся к сове́тской гра-ни́це.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́НЯ"

одновре́менно	simultaneously, at the same time
носи́льщик	porter
<u>стесня́ться</u> постесня́ться	to feel shy, be ashamed
уны́ло	despondently, dolefully
<u>зави́довать</u> позави́довать	to envy
<u>поправля́ть</u> попра́вить	to correct
скро́мно	modestly
смотре́ться в зе́ркало	look at oneself in the mirror
его́ му́чило	he felt unhappy
тайнственный	mysterious
расфа́сочная фа́брика	packing factory
<u>упако́вывать</u> упакова́ть	to pack
со́да	baking soda
шаф́ран	saffron
тоскли́во	drearily, sadly
жу́тко	awesome, weird, eery
верхо́м	on horseback
молодоже́ны	newlyweds
следи́ть	to watch
<u>возника́ть</u> возни́кнутъ	to arise, spring up, appear

политгра́мота	rudiments of political knowledge
меня́ться	to change
тамо́женник	customs official
жандарм	gendarme
грубова́т	somewhat rough, rude
торопли́в	harrried, hasty
тамо́женный	customs
чино́вник	official, clerk
полага́ется	it is the custom
сурово́сть	severity
<u>устанавлива́ться</u> устро́иться	to establish oneself, settle
<u>ограни́чиваться</u> ограни́читься	to limit (oneself)
дли́ться	to last
танцева́ть	to dance
пока́чиваться	to rock
<u>стиха́ть</u> стихну́ть	to calm down
супру́ги	husband and wife
одина́ковый	identical, same
состоя́ться	to take place
<u>расстава́ться</u> расста́ться	to part
беспо́мощно	helplessly
<u>сознава́ться</u> созна́ться	to admit, confess

<u>применя́ть</u> примени́ть	to apply, use
науга́д	at a guess, at random
<u>ты́кать</u> ткну́ть	to poke, point
недора́зумение	misunderstanding
сме́ло	boldly, bravely, fearlessly
внеза́пно	suddenly, all of a sudden
смúтно	vaguely, dimly
действующее лицо́	character (in a play)
любо́вник	lover
принимáть уча́стие	to take part, participate
смо́кинг	dinner jacket
у́жас	horror, terror
утвержда́ть	to insist, affirm
<u>влюбля́ться</u> <u>влюби́ться</u>	to fall in love (with)
изображе́ние	picture, representation, portrayal
грома́дный	huge, enormous
<u>накле́ивать</u> наклеи́ть	to paste, stick
иммиграцио́нные вла́сти	immigration authorities
трап	ship's ladder
вперёд	ahead
ма́лый ход	slow speed
прошли́ как в лихора́дке	were feverish

<u>ПУСКА́ТЬ</u> ПУСТИ́ТЬ	to allow, permit
че́стное сло́во	word of honor
стра́шно шу́мно	awfully noisy
бормота́ть	mumble, mutter
яры́к	label, tag
вестибу́ль	entrance hall, lobby
<u>ВЫСО́ВЫВАТЬ</u> ВЫСУ́НУТЬ	to show oneself, lean out, put out
<u>ОШЕЛОМЛЯ́ТЬ</u> ОШЕЛОМИ́ТЬ	to stun
прису́тствие ду́ха	presence of mind
<u>сообража́ть</u> сообрази́ть	to understand, grasp quickly, consider
гро́хот	roar, thunder, crash
<u>дава́ть</u> на чай да́ть	to give a tip
<u>прика́лывать</u> приколóть	to pin, fasten
любе́зно	politely, kindly
<u>ВЫЯСНЯ́ТЬСЯ</u> ВЫЯСНИ́ТЬСЯ	to find out, determine, clarify
посо́льство	embassy
сумбу́р	confusion
привлека́тельный	inviting, attractive
позолоти́ть	to gild
бо́йко	fluently
совета́ник посо́льства	councillor of the embassy

<u>дразнить</u>	to tease
<u>подразнить</u>	
нарзан	kind of mineral water
раздавить	to crush, smash
рвота	vomiting
быть беременной	to be pregnant
шифровальщик	cipher clerk
окончательно	finally, once and for all
очутиться	to find oneself
кружок	circle
драматический кружок	dramatic circle
уса́дба	country estate
равноду́шно	indifferently
ста́рinnяя ме́бель	antique furniture
бу́рная жизнь	turbulent life
приста́нь (f.)	pier, landing-stage, dock, wharf
до́рожка	walk, path
до́суг	leisure, spare time
востóрженно	enthusiastically
рези́новый фа́ртук	rubber apron
свѣтский	worldly
свѣтская же́нщина	woman of the world, woman of fashion
новосе́лье	housewarming
одна́ беда́	the trouble is that ...
<u>стучаться</u>	to knock
<u>постучаться</u>	
востóрг	delight, enthusiasm

электрический фона́рик	flashlight
вновь	anew, again
воня́ть	to stink
фи́алка	violet
сюже́т	subject, topic
сопе́рница	rival
отта́лкивающий ха́рактер	unpleasant personality
привлекáтельный ха́рактер	pleasant personality
предпочт́ение	preference
подóбный	similar, like
о́на бы́ла очарóвана	she was charmed
купле́т	verse, couplet
<u>раздража́ть</u> раздражи́ть	irritate, annoy
гипотену́за	hypotenuse
Пифаго́ровы штаны́	Pythagorean pants (Pythagorean proposition)
не говори́те га́достей	don't be nasty
вы́вод	conclusion
пье́са	play
гастро́ль (f.)	tour
спекта́кль	play
наха́льно	indecent (ly)
при́быль (f.)	profit
со́вестно	shame
лома́ться	to pose, clown

смущённо	with confusion, shyly
рожа́ть	to give birth
Амтóрг	Amtorg Trading Corporation
уха́живать	to court, look after
<u>перевыполня́ть</u> <u>перевыполнить</u>	to exceed
отста́нь от меня́	leave me alone
приём	reception
стеснённый	straitened, be hard up
гла́нда	tonsil
<u>уделя́ть</u> <u>уделить</u>	remove, ablate
для ши́ка	to impress
обая́телен	charming
хала́т	doctor's gown
горя́чность (f.)	warmth
чепуха́	nonsense
грабе́ж	robbery
разруше́ние	destruction
<u>утеша́ть</u> <u>утешить</u>	to comfort
лю́лька	cradle
младене́ц	baby, infant
ро́ды	childbirth, delivery
соцстра́х (социальное страхова́ние)	social insurance
ю́ный	youthful

растро́гаться	be (deeply) moved, touched
<u>разво́дить</u> рука́ми развести́	to make a helpless gesture
игру́шка	toy
фра́к	tailcoat
цили́ндр	top hat
ду́шный	sultry
испа́рение	exhalation, evaporation
наро́дное твóрчество	people's art
самоде́ятельный коллекти́в	amateur troupe
сде́ржанный	restrained, reserved
встрево́жить	to worry, make uneasy
отча́яние	despair
вся́чески	in every possible way
<u>наклона́ться</u> накло́ниться	to bend
единогла́сно	unanimously
небоскре́б	skyscraper
гостепри́имный	hospitable
<u>стона́ть</u> простона́ть	to moan, groan
<u>приступа́ть</u> приступи́ть	to start
высту́пление	performance
<u>деклами́ровать</u> продеклами́ровать	to recite
<u>разы́грывать</u> разыгра́ть	to play, perform

способнóсть (f.)	ability, aptitude
вы́ступитъ вперёд	to come forward
<u>подносíть</u> поднести	to present
как вóдится	as usual
развлекáться	to have a nice time
разберёмся	will see
подпевáть	to join in a song, echo
смесь (f.)	mixture
каблúк	heel
вращáть	to turn, rotate, revolve
бедрó	hip, thigh
подми́гивать	to wink
ску́ка	boredom
тоскá	melancholy, depression
оглушíтельная нóвость	terrific news
спотыкáться	to stumble

Константин Георгиевич

ПАУСТОВСКИЙ

1892 - 1968

Константин Георгиевич Паустовский - известный советский писатель. Родился в Москве. Сначала учился в Киевском университете, а потом перевёлся в Московский университет.

Жизнь его была весьма разнообразна. До первой мировой войны работал рабочим и кондуктором трамвая. Во время войны был санитаром, матросом, репортёром и редактором газет.

Первое свое произведение Паустовский напечатал в 1912 г., профессиональным писателем стал в 1927 году. Повести его проникнуты романтикой покорения природы: "Кара-Бугаз", "Чёрное море", "Повесть о лесах", "Рождение моря". Он также писал исторические и биографические повести: "Судьба Шарля Лонсевиля", "Тарас Шевченко" и др.

К циклу автобиографических произведений принадлежат: "Далёкие годы", "Повесть о жизни", "Бросок на юг", "Книга скитаний" и др.

Нужно отметить, что Паустовский, будучи писателем досоветской формации, был сравнительно сдержан в применении в своих произведениях навязчивой советской пропаганды, которая обязательна для современных советских писателей.

СНЕГ

по К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

Старик Потáпов умер через три мéсяца после того, как Татьяна Петровна въехала в его дом. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой няней.

Мáленький дом - всего в три комнаты - стоял на горе, над рекой, на самом въезде из города.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к маленькому городу.

"Какáя я дура! - думала Татьяна Петровна, - зачём уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няне в Пушкино - там не было никаких налётов, - а самой остаться в Москве. Боже мой, какáя я дура!"

Но возвращаться в Москву было уже поздно. Татьяна Петровна решила выступать в госпиталях - их было несколько в городе - и успокоилась. Город начал ей даже нравиться, особенно, когда пришла зима и покрыла всё снегом. Привыкла она и к дому, и к расстроенному пианино, и к старым фотографиям на стенах, которые изображали корабли береговой обороны. Старик

Потапов был когда-то корабельным механиком. На его письменном столе стояла модель крейсера "Громобой", на котором он плавал. Варе не разрешали трогать эту модель. И вообще не разрешали ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его фотография. Иногда Татьяна Петровна долго смотрела на неё. Ей казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, ещё до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на неё спокойными, немного насмешливыми глазами, будто спрашивал: "Ну что же? Неужели вы так и не помните, где мы встречались?"

- Нет не помню, - тихо отвечала Татьяна Петровна.

- Мама, с кем ты разговариваешь? - кричала из соседней комнаты Вара.

- С пианино, - смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна клала их на письменный стол.

Однажды ночью Татьяна Петровна проснулась, накинута халат и пошла в кабинет. Она зажгла свечу на

столе́ и се́ла в кресе́ло. Потом она́ осторо́жно взяла́ одно́ из пи́сем, распеча́тала его́ и начала́ чита́ть.

"Милый мой старик, - чита́ла Татьяна Петро́вна, - вот уже́ ме́сяц, как я лежу́ в го́спитале. Ра́на не о́чень тяжёлая и уже́ зажива́ет. Ра́ди Бо́га, не волну́йся и не кури́ папи́росу за папи́рсой. Умоля́ю!"

"Я ча́сто вспомина́ю тебя́, папа, - чита́ла да́льше Татьяна Петро́вна, - и наш дом, и наш городо́к. Все́ это где́-то о́чень далеко́, как бу́дто на краё́ света. Я закрыва́ю глаза́ и тогда́ ви́жу: вот я открыва́ю калитку, вхожу́ в сад. Зима́, снег, но доро́жка к ста́рой бесе́дке над обры́вом расчи́щена, а кусты́ сире́ни все в и́нее. В ко́мнатах тепло́. Пиани́но, наконец, настро́ено, и ты вста́вил в подсвече́ники жёлтые све́чи - те, что я привёз из Ленингра́да. И те же но́ты лежа́т на пиани́но: увертю́ра к "Пи́ковой да́ме". Звони́т ли колоко́льчик у дверей? Я так и не успе́л его́ почини́ть. Неужели я всё это уви́жу о́пять? Эх, е́сли бы ты знал, как я люблю́ всё это отску́да, издали! Ты не удиви́ляйся, но я говорю́ тебе́ соверше́нно серьёзно: я вспомина́л об э́том в са́мые стра́шные мину́ты бо́я. Я знал, что защища́ю не то́лько всю страну́, но и наш ма́ленький дом - и тебя́, и наш сад, и да́же ко́та Архи́па, не сме́йся и не кача́й голово́й.

Мо́жет быть, когда́ вы́йду из го́спитала, мне даду́т

отпуск. Не знаю. Но лучше не жди".

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела за окно, где уже начинался рассвет.

Утром она сказала Варе, чтобы она расчистила дорожку к беседке над обрывом. А сама Татьяна Петровна починила колокольчик над дверью.

Днём Татьяна Петровна привела из города одного старика, обрусевшего чеха, который умел настраивать пианино. Чех, настроив пианино, сказал, что оно старое, но очень хорошее. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он уехал, Татьяна Петровна открыла письменный стол и нашла в нём несколько жёлтых свечей. Она вставила свечи в подсвечники и поставила их на пианино.

Вечером она зажгла свечи, села за пианино, и начала играть. Когда она кончила, Вара не выдержала:

- Зачем ты трогает чужие вещи? - сказала она матери. - Мне не позволяешь, а сама трогает? И колокольчик, и свечи, и пианино - всё трогает. И чужие ноты на пианино положила.

- Потому что я взрослая, - ответила Татьяна Петровна.

Вара недоверчиво посмотрела на неё. Сейчас

Татьяна Петровна меньше всего была похожа на взрослую. Она была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варе.

В поезде лейтенант Потапов думал о том, что дома он будет не больше суток. Отпуск был очень короткий, и большую часть его он должен был провести в дороге.

Поезд пришёл в город днём. Тут же на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме живёт с дочерью молодая певица из Москвы.

- Эвакуированная, - сказал начальник станции.

Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры. Голова у него кружилась.

- Да, - сказал начальник станции, - хороший был человек. Так и не удалось ему ещё раз увидеть сына.

- Когда обратный поезд? - спросил Потапов.

- Утром, в пять часов, - ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: - Переночевать вы можете у меня. Жена моя вас накормит. Домой вам идти незачем.

- Спасибо, - ответил Потапов и вышел. Он прошёл через город к реке. "Ну что же! - подумал Потапов. - Опоздал. И теперь это всё для меня чужое -

и город этот, и река, и дом!

Он посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, и был виден дом. Из трубы его поднимался дым.

Потапов медленно шёл в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, может быть только заглянуть в сад, постоять в старой беседке.

Ему было очень тяжело думать о том, что в доме живут совсем для него чужие люди. Лучше ничего не видеть, уехать и забыть о прошлом!

"Ну что же, - подумал Потапов, - с каждым днём делаешься старше, всё строже смотришь вокруг".

Потапов подошёл к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку. К беседке вела расчищенная от снега дорожка. Потапов прошёл в беседку. Далекó за лесом поднималась луна. Потапов снял фуражку. Было очень тихо. Потапов тихо сказал:

- Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина. Она молча смотрела на Потапова тёмными внимательными глазами.

- Наденьте фуражку, - тихо сказала она, - вы простудитесь. И пойдёте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его под руку, и

повелá по расчйщенной дорóжке. Óколо дóма Потáпов остановйлся. Сýдорога сжáла ему́ гóрло, он не мог дышáть.

- Э́то ничегó. Сейчáс э́то пройде́т.

Она́ постучáла ногáми, чтóбы сбить снег с боти́нок. На дверя́х, как бы в отве́т, зазвенёл колоко́льчик.

Потáпов вошёл в дом, снял шинéль, почувствовал сла́бый за́пах ды́ма и уви́дел Архй́па. Архй́п сидёл на дивáне и зевáл. Óколо дивáна стоя́ла де́вочка и ра́достными глазáми смотре́ла на негó, но не на его́ лицó, а на золотýе нашй́вки на рукавё.

- Пойде́мте! - сказа́ла Татья́на Петро́вна и повелá Потáпова в кúхню.

В кúхне стоя́л кувши́н с холо́дной водо́й из коло́дца, висéло знако́мое полотёнце.

Татья́на Петро́вна вы́шла. Де́вочка принесла́ Потáпову мýло и смотре́ла, как он мýлся.

- Кто же тво́я ма́ма? - спросй́л он де́вочку и покрасне́л.

Вопрóс э́тот он за́дал то́лько для того́, чтóбы что́-нибудь спросй́ть.

- Она́ ду́мает, что она́ взро́слая, - тй́хо сказа́ла де́вочка. - А она́ совсе́м не взро́слая. Она́ бо́льше де́вочка, чем я.

- Почему́? - спросй́л Потáпов.

Но дѣвочка не отвѣтила, засмеялась и вѣбежала из кѹхни.

Потáпов весь вѣчер был как во сне. Всѣ в дóме было такѣм, какѣм он хотѣл его вѣдетъ. Те же нóты лежáли на пианино, те же свѣчи горѣли и освещáли мáленький отцóвский кабинет. Дáже на столѣ лежáли его пѣсьма из гóспиталя — лежáли под тем же стáрым кóмпасом, под котóрый отѣц всегда клал пѣсьма.

Пóсле чáя Татьяна Петрóвна провела Потáпова на могѣлу отцá. Лунá поднялась уже высокó.

А потóм, пóздно вѣчером, Татьяна Петрóвна, сѣдя у пианино, сказа́ла Потáпову:

— Мне всё кáжется, что гдѣ-то я уже вѣдела вас.

— Да, мóжет быть, — отвѣтил Потáпов.

Он посмотрѣл на неё, потóм прошѣл по кóмнате из угла в угол, остановѣлся.

— Нет, не могу́ вспóмнить.

Татьяна Петрóвна посмотрѣла на Потáпова, но ничего́ не отвѣтила.

Потáпов лёг спать в кабинетѣ на дивáне, но дóлго не мог заснѹть. Он думал о кáждой минутѣ, проведенной в э́том дóме.

В четыре часа́ утра Татьяна Петрóвна тихо открыла дверь и позвала́ Потáпова.

— Порá, вам нáдо вставáть, — сказа́ла она́. — Мне

очень жаль вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ещё спавший город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки и сказала:

— Пишите. Мы теперь как родственники. Правда? Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

"Я вспомнил, конечно, где мы встречались, — писал Потапов, — но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в 1927 году? Осень. Ливадийский парк. Я шёл по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда она проходила мимо меня, я взглянул на неё. Я остановился и долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Тогда я уже знал, что должен найти вас. С тех пор я любил Крым и эту тропу, где я вас видел только мгновение и потерял навсегда. Но к счастью я встретил вас опять. И если всё кончится хорошо и вам нужна будет моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашёл на столе у отца своё распечатанное письмо. Я понял всё и могу только благодарить вас издали".

Татьяна Петровна положила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном и сказала:

— Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разуберять его? И себя?

Она засмеялась и закрыла глаза.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СНЕГ"

ня́ня	nurse
ду́ра	fool, stupid
высту́пать	to give performances
успока́иваться	to calm down, put one's mind at rest
<u>покрыва́ть</u> покры́ть	to cover
расстро́енное	out of tune
изобража́ть	to picture, represent
кораблѝ береговой оборо́ны	coastal defense ships
корабе́льный меха́ник	ship's engineer
кре́йсер	cruiser
<u>тро́гать</u> тро́нуть	to touch
Черномо́рский фло́т	Black Sea Fleet
неуда́чное заму́жество	unsuccessful marriage
насме́шливый	mocking, derisive
сре́ди зимы́	in the middle of the winter
<u>наки́дывать</u> наки́нуть	to slip on
хала́т	dressing gown
<u>зажигáть</u> зажечь	to light
свеча́	candle
осторо́жно	carefully, cautiously

<u>распеча́тывать</u> распеча́тать	to open, unseal
<u>зажива́ть</u> зажи́ть	to heal
ра́ди Бо́га	for goodness'/God's sake
умоля́ть	to beg
кали́тка	gate
дорóжка	path, walk
бесéдка	summer house
обрыв	bluff
<u>расчища́ть</u> расчи́стить	to clear
сирéнь (f.)	lilac
и́ней	hoar frost
наконе́ц	at last, finally
<u>настра́ивать</u> настро́ить	to tune
<u>вставля́ть</u> встави́ть	to put (into, in), place
подсвёчник	candystick
но́ты	music sheets
увертю́ра	overture
Пи́ковая да́ма	The Queen of Spades
колоко́льчик	little bell
и́здали	from afar, from a distance
<u>удивля́ться</u> удиви́ться	to be surprised. wonder

кот	cat (tomcat)
кача́ть голово́й	to shake one's head
рассвѣт	dawn, daybreak
обрусѣвший	Russianised
недоверчи́во	distrustfully, mistrustfully
хруста́льная ту́фля	glass slipper
дворе́ц	palace
ча́йник	teakettle
неза́чем	there is no need/point
<u>загля́дывать</u> <u>загляну́ть</u>	to take a look
про́шлое	the past
су́мерки (pl. only)	dusk, twilight
плече́	shoulder
<u>огля́дываться</u> <u>огляну́ться</u>	to turn round
позади́	behind
<u>просту́жаться</u> <u>простуди́ться</u>	to catch cold
<u>брать</u> по́д руку <u>взять</u>	to take somebody's arm
су́дорога	cramp
<u>сжима́ть</u> <u>сжать</u>	to clench
дыша́ть	to breathe
она́ посту́чала нога́ми	she stamped her feet
сбить снег с боти́нок	to knock the snow off shoes

зазвенéть	to start ringing
за́пах	smell
<u>зевáть</u> зевну́ть	to yawn
наши́вка	stripe
кувшин	jug
колóдец	well
полотéнце	towel
<u>освещáть</u> освети́ть	to light up, throw light
ко́мпас	compass
моги́ла	grave
<u>засыпа́ть</u> засну́ть	to fall asleep
<u>протя́гивать</u> ру́ку протяну́ть	to stretch out one's hand
<u>кива́ть</u> кивну́ть	to nod
тропа́	path, trail
навстрéчу	towards
<u>взгля́дывать</u> взгляну́ть	to glance
смотре́ть вслед	to follow somebody with one's eyes
<u>ошибáться</u> ошиби́ться	to be mistaken
мгнове́ние	instant, moment
значение	significance, meaning
<u>разуверáть</u> разувери́ть	disabuse, dissuade

Михаил Александрович

ШОЛОХОВ

1905 -

Михаил Александрович Шолохов - известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, лауреат Нобелевской премии по литературе. Родился в 1905 году в казачьей семье в станице Вешенской на Дону.

Начал печататься с 1923 года. Автор романов "Тихий Дон", "Поднятая целина", рассказа "Судьба человека" и других рассказов.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

По М. ШОЛОХОВУ

Глава I

Первая послевоенная весна пришла на Верхний Дон неожиданно. В конце марта из Приазовья подул теплые ветры, и уже через двое суток всё начало таять. Степные речки сильно разлились, и по дорогам стало почти невозможно ездить.

Как раз в эту погоду пришлось мне ехать в станцию Букановскую. До станции было недалекó - всего лишь около шестидесяти километров. Мы с товарищем и шофёром въехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей едва тянула нашу тяжёлую бричку. Колёса глубоко проваливались в грязь. Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички и шли пешком. Только через шесть часов мы подъехали к переправе через речку Еланку, покрыв расстояние в тридцать километров.

Небольшая, летом совершенно сухая речка, разлилась на целый километр. Переезжать на ту сторону надо было в маленькой лодке, в которой могло поместиться только два человека. Мы отпустили лошадей. На той стороне нас ожидал старый автомобиль "Виллис",

оста́вленный в колхо́зном сара́е. Едва́ мы отъе́хали от бе́рега, как в ло́дке появи́лась вода́. Её пришло́сь всё вре́мя выче́рпывать рука́ми, пока́ не до́ехали. Че́рез час мы бы́ли на той сторо́не Ела́нки. Ско́ро шофе́р прие́хал на маши́не. Он подошёл к ло́дке и сказа́л мне, беря́сь за весло́:

- Е́сли всё бу́дет в по́рядке, че́рез два часа́ прие́дем, ра́ньше не жди́те.

Ху́тор находи́лся в сторо́не. Там стоя́ла така́я тишина́, какáя быва́ет то́лько по́здней о́сенью и в са́мом нача́ле весна́.

Недалеко́ от бе́рега лежа́л ста́рый забо́р. Я присе́л на него́, хоте́л закури́ть, но, положи́в ру́ку в пра́вый карма́н, к большо́му огорче́нию нашёл, что па́чка "Бело́бра" соверше́нно размо́кла. Во вре́мя перепра́вы волна́ по по́яс облила́ меня́ водо́й. Я осторо́жно ви́нул мо́крые папи́рсы из карма́на и нача́л раскла́дывать их на забо́ре.

Был по́лдень. Со́лнце свети́ло горячо́, как в ма́е. Я наде́ялся, что папи́рсы ско́ро ви́сохнут. Со́лнце свети́ло так горячо́, что я уже́ пожале́л о том, что наде́л в доро́гу тёплую оде́жду. Э́то был пе́рвый по́сле зимы́ по-насто́ящему тёплый день. Хорошо́ бы́ло сиде́ть на забо́ре вот так, одному́, и, сняв с голо́вы ста́рую солда́тскую ша́пку, суши́ть на ветерке́ во́лосы, не ду́мая ни о чём, следи́ть за бе́лыми облака́ми.

Скóро я уви́дел идúщего по доро́ге мужчи́ну. Он вё́л за́ руку ма́ленького ма́льчика, кото́рому мо́жно бы́ло дать не бо́льше пяти́-шести́ лет. Они́ устáло шли по направлénию к перепра́ве, но, уви́дев маши́ну, поверну́ли ко мне. Высо́кий мужчи́на, подойдя́ бли́зко, сказа́л ба́сом:

- Здо́рово, брато́к!

- Здра́вствуй! - Я пожа́л протя́нутую мне большо́ую ру́ку.

Мужи́на наклони́лся к ма́льчику и сказа́л:

- Поздо́ровайся с дяде́й, сынóк. Он тако́й же шо́фёр, как и твой па́пенька. То́лько мы с тобо́й на гру́зовике́ э́здили, а он вот на э́той ма́ленькой маши́не.

Смотря́ мне пра́мо в глаза́ свéтлыми, как не́бо, глаза́ми, чуть-чуть улыба́ясь, ма́льчик сме́ло протяну́л мне ро́зовую холо́дную ручóнку. Я пожа́л её и спроси́л:

- Что же э́то у тебя́, старик, рука́ тако́я холо́дная? На дворе́ тепло́, а ты замерза́ешь!

Мальчик удивлённо посмотрел на меня и сказал:

- Какой же я старик, дядя? Я совсем мальчик, а руки холодные - снежки катал.

Отец снял со спины почти пустой вещевой мешок, устало сел рядом со мной и сказал:

- Беда мне с этим пассажиром! Из-за него и я устал. Вместо одного шага - три приходится делать. Да ещё смотреть за ним всё время надо. Нет, не мужское это дело с такими пассажирами путешествовать, да ещё пешком. Он помолчал немного, потом спросил:

- А ты что же, браток, своё начальство ждёшь?

Мне было неудобно разуверять его, что я не шофёр, и я ответил:

- Приходится ждать.

- С той стороны подъедут?

- Да.

- Не знаешь ли, скоро ли подойдёт лодка?

- Часа́ через два.

- Долго. Ну что же, пока отдохнём, спешить мне некуда. А я иду мимо, смотрю: свой брат шофёр загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному и курить и умирать плохо. А ты богато живёшь, папиросы куришь. Мокрые они у тебя, что ли? Лучше давай моего табачку́ закурим.

Он достал из кармана штанов шелковый старый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на

уголке надпись: "Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы".

Мы закурили крепкого табаку и долго молчали. Я хотел было спросить его, куда он идет с ребенком, но он опередил меня вопросом:

- Ты что же всю войну за рулем?

- Почти всю.

- На фронте?

- Да.

- Ну, и мне пришлось там много горя увидеть.

Он положил на колени большие темные руки и сгорбился. Я посмотрел на него, и мне стало не по себе. Видели ли вы когда-нибудь глаза, наполненные такой смертной тоской, что в них трудно смотреть?

Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Он немного помолчал и потом заговорил:

- Иногда не спишь всю ночь, смотришь в темноту пустыми глазами и думаешь: "За что же ты, жизнь, меня так наказала?" Нет мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке ... И вдруг вспомнив, что здесь его сыншкa, сказал:

- Ну, иди, милый, поиграй возле воды. Только смотри ноги не промочи!

Глава 2

Ещё когда мы молча курили, я, рассматривая отца и сына, с удивлением заметил про себя одно странное, на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но хорошо; и в том, как сидел на нём пиджачок, и в том, что маленькие сапожки были сшиты с расчётом надевать их на шерстяной носок, — всё говорило о женской заботе, об умелых материнских руках. Отец выглядел иначе. На нём был старый, плохо заштопанный ватник, шерстяные носки были порваны, видно было, что их не коснулась женская рука ... Ещё тогда я подумал: "Или вдовец, или плохо живёт с женой".

Но вот он снова заговорил, и я стал внимательно слушать.

— В начале жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии. В голодный двадцать второй год ушёл на Кубань, а отец с матерью и сестрой дома умерли от голода. Остался один. Родственников никого не осталось. Ну, через год вернулся с Кубани, хату продал, поехал в Воронеж. Сначала работал плотником, потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Скоро женился. Жену воспитывалась в детском доме, сиротой была. Хорошая попалась мне девушка! Тихая, весёлая и

умная, не то, что я! С детства она узнала тяжёлую жизнь, это и отразилось на её характере. Если со стороны на неё смотреть, — не была она очень красивой, но я не со стороны на неё смотрел, а прямо в глаза. И не было для меня красивее и лучше её, не было и не будет!

Придешь с работы усталый, а иногда и злой, как чёрт. Но она никогда не отвечала мне на грубые слова. Всегда была ласковая и тихая. Смотря на неё, я быстро отходил, мне становилось легче. Я подходил к ней, обнимал её и просил прощения. Хорошая была моя Ирина.

Приходилось иногда после получки и выпивать с товарищами. Никогда меня Ирина не ругала за это.

Вскоре у нас дети пошли. Сначала сын родился, через год ещё две девочки... После этого я перестал часто встречаться с товарищами. Вся получку домой приносил — семья стала большая, не до выпивки. В выходной день кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году увлёкся я машинами (автомобилями). Изучил автодело, сел за руль (баранку) на грузовик. Потом мне автодело так понравилось, что я не захотел возвращаться на завод. За рулём показало мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли, как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого человека, заметил он, как жизнь прожил? Ничего он не заметил!

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже других. И дети радовали: все трое учились на "отлично", а старший, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него в центральной газете писали. Очень я им гордился.

За десять лет скопили мы немного денег и перед войной построили себе домик в две комнаты с кладовой и коридором. Ирина купила двух коз. Чего ещё больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головой есть, одеты, обуты, стало быть, всё в порядке. Только построил я дом на плохом месте. Отвели мне участок недалеко от авиазавода. Если бы мой дом был в другом месте, может быть, и жизнь сложилась бы иначе.

Глава 3

Война началась неожиданно. На второй день пришла повестка из военкомата, а на третий — пожалуйста в эшелон. Провожала меня вся семья: Ирина, Анатолий и дочери — Настя и Оля. Все держались довольно хорошо, но Ирина моя ... Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видел. Ночью и утром она очень плакала. Пришли на вокзал, а я на неё от жалости смотреть не могу: губы от слёз распухли, волосы из под платка выбились и глаза такие мутные, как у ненормального человека. Командиры объявляют посадку, а она меня обняла, за шею держит, не пускает. И дети её уговаривают и я, — ничего не помогает! Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова сказать не может. Я и говорю ей: "Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье!" Она и говорит и за каждым словом всхлипывает: "Родненький мой ... Андрюша ... не увидимся ... мы с тобой ... больше ... на этом ... свете".

У меня самого сердце на части разрывается, а тут она мне такие слова говорит. Должна же понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться.

Рассердился я тогда и легко оттолкнул её от себя, а сила то у меня была большая. Отошла она от меня шага на три и опять назад идёт и руки протягивает, а я кричу ей:

"Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!"

Ну, опять её обнял, вижу, что она не в себе.

Он на полуслове оборвал рассказ, и мне показалось, что он зарыдаёт. Чужое волнение передалось и мне. Посмотрел я на рассказчика, но ни одной слезы не увидел в его словно бы мёртвых, ничего не видящих глазах.

Он сидел, склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твёрдые губы.

- Не надо, друг, не вспоминай! - тихо проговорил

я, но он, наверно, не слышал моих слов и каким-то огромным усилием воли, поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

- До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прошу себе, что тогда её оттолкнул!

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он всё же кое-как сделал папиросу, несколько раз затянулся и, покашливая, продолжал:

- Взял я лицо Ирины в ладони, целую, а у неё губы, как лёд. Попрощался с детёшками и уже на ходу вскочил в вагон. Из окна вагона я ещё раз увидел детей и Ирину, стоящую с прижатыми к груди руками. Губы у неё были белые, как мел, что-то она шептала, смотря на меня, а сама всё вперёд клонилась, будто хотела шагнуть против сильного ветра ... Такой она и осталась на всю жизнь в моей памяти: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза полные слёз ... Такой я её почти всегда и во сне вижу ... Зачем я её тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут ...

Глава 4

Формировали нас под Белой Церковью. Дали мне "ЗИС-5". На нём я и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видел и знаешь, как было в самом начале. От своих письма получал часто, а сам отвечал редко. Писал, что пока всё в порядке, помаленьку воюем и хотя сейчас отступаем, но скоро соберёмся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что ещё можно было писать? Тяжёлое время тогда было, не до писем было.

Только не пришлось мне и года повоевать ... Два раза за это время был ранен, но оба раза легко: один раз в руку, другой раз - в ногу; первый раз пулей с самолёта, другой - осколком снаряда. Везло, везло, да недолго. В мае 1942 года я попал в плен. Вот как это случилось: немец тогда сильно наступал, и оказалась вся наша гаубичная батарея почти без снарядов. Нагрузили мою машину снарядами, и командир автороты спросил: "Проскочишь, Соколов?" А тут и спрашивать нечего было. "Ну, что за разговор!" - говорю я. "Надо проскочить, значит, проскочу!" "Ну, говорит, дуй! Жми на газ!"

Я и дунул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом

осторожность нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют. Проехал я километров шесть, доехал до дороги, которая на батарею ведёт, как вдруг рядом с моёй машиной тяжёлый снаряд разорвался. Не слышал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как я остался в живых тогда - не понимаю, и сколько времени пролежал - не помню. Очнулся я, а встать не могу: голова болит, в глазах темно, и во всём теле страшная боль. После многих попыток, мне, наконец, удалось встать. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как дерево в бурю.

Когда я пришёл в себя, опомнился и осмотрелся как следует: кругом снаряды лежат, какие я вёз, а неподалёку моя разбитая машина вверх колёсами лежит, а бой-то уже сзади меня идёт ... Это как?

Вдруг у меня но́ги са́ми собо́й подкоси́лись, и я упáл, потому́ что по́нял, что я в окру́жении, в плену́ у фаши́стов. Вот оно́ как на войне́ бывáет.

Ну вот, лежý я и слы́шу: та́нки идúт. Потóм полевáя кúхня проéхала, потóм пехóта пошла́. Посмотрю́ на них одním гла́зом и о́пять прижму́сь щеко́й к земле́, глаза́ закрою́: тяжело́ мне на них смотре́ть, и на се́рдце тяжело́ ...

Ду́мал, все прошл́й, по́днял го́лову, а их шесть автомáтчиков - вот они́, шага́ют ме́трах в ста от меня́. Гляжý - свора́чивают с доро́ги и пра́мо ко мне. Вот, ду́маю, и сме́рть мо́я пришлá. Я встал. Оди́н из них, не доходя́ не́скольких шаго́в, снял автомáт. Никако́й па́ники у меня́ не́ было. Я то́лько сто́ял, смотре́л на них и ду́мал: "Сейча́с он даст по мне корóткую оче́редь, а куда́ бу́дет бить? В го́лову и́ли попере́к груди́?"

Так оно́ и есть: це́лится он из автомáта, а я ему́ пра́мо в глаза́ смотрею́, молчу́, - а друго́й, ефре́йтор, что ли, что́-то кри́кнул, ото́двинул его́ в сто́рону, подошёл ко мне, говори́т что́-то по-сво́ему, а сам му́скулы на моёй пра́вой руке́ про́бует. Попрóбовал и говори́т, показыва́я на доро́гу в направле́нии на захо́д со́лнца: "Иди́, рабо́тать бу́дешь на наш тре́тий райх". Сняли́ с меня́ сапоги́ и отпра́вили на за́пад, в плен.

Идти́ было́ тяжело́, в час по киломе́тру де́лал, не бо́льше. Кача́ло меня́ из сторо́ны в сто́рону, как пьяно́го. Проше́л немно́го, и догоня́ет меня́ коло́нна на́ших плённы́х, из той же дивизи́и, в како́й я был. Коло́нну вело́ челове́к де́сять автома́тчиков. Тот, кто впе́реді коло́нны шёл, уда́рил меня́ ру́чкой автома́та по голо́ве. Е́сли бы я упáл, о́ни меня́ срáзу бы уби́ли, но на́ши подхватили́ меня́ и с полчаса́ вели́ по́д руки.

Как то́лько со́лнце се́ло, не́мцы усили́ли конво́й. Прика́зано было́ идти́ бы́стрее. На́ши тяжелора́ненные не могли́ поспева́ть за оста́льными, и их пристре́ливали пра́мо на доро́ге. В по́лночь мы пришл́и в како́е-то село́. Ночевáть нас заста́вили в це́ркви с разби́тым ку́полом. На ка́менном полу́ соло́мы не́ было, а все мы бы́ли в гимнасте́рках, без шине́лей. Ко́е на ко́м да́же гимнасте́рок не́ было, о́дни ни́жние руба́шки. В бо́льшинстве́ э́то бы́ли мла́дшие командирьы. Ките́ля и гимнасте́рки о́ни сня́ли, что́бы их от рядо́вых нельза́ бы́ло отличи́ть.

Но́чью по́лил тако́й си́льный дождь, что все мы промо́кли. Среди́ но́чи слы́шу кто́-то тро́гает меня́ за руку, спра́шивает: "Това́рищ, ты не ра́нен?". Отвеча́ю ему́: "А тебе́ что на́до, брато́к?" Он и говори́т: "Я военвра́ч, мо́жет быть, могу́ че́м-нибу́дь помо́чь?" Я пожа́ловался ему́, что у меня́ си́льно боли́т ле́вое

плечо. А он и говорит: "Снимай гимнастёрку и нижнюю рубашку". Я снял всё это с себя, а он начал мне руку щупать около плеча, да так, что у меня всё в глазах потемнело. "Ты, видно, ветеринар, а не доктор. Что же ты мне так больно делаешь, бессердечный ты человек?" — говорю я ему. А он на меня только посмотрел и говорит: "Не разговаривай! Сейчас ещё больнее будет". Тут он меня так дернул за руку, что у меня искры из глаз посыпались.

Очнулся я и спрашиваю: "Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука разбита, а ты её тянешь". Слышу он засмеялся тихо и говорит: "А руку ты не разбил, а вывихнул, вот я её на место и поставил. Ну, а как теперь, лучше тебе?" И в самом деле, я почувствовал, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его сердечно, а он дальше пошёл в темноте, тихо спрашивает: "Раненые есть?" Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в темноте своё великое дело делал.

Глава 5

Ужасная это была ночь. Выходить из церкви никому не разрешалось. Когда один из наших начал стучать в дверь и стал просить, чтобы его выпустили, немецкий часовый открыл огонь и убил его и ещё трёх человек, а одного тяжело ранил.

Убитых сложили мы в одно место, а сами сели и вполголоса стали разговаривать: кто откуда, какой области, как в плен попал. В это время я слышу рядом с собой такой разговор. Один говорит: "Если завтра, перед тем как нас поведут дальше, нас выстроят и будут вызывать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, командир взвода, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастёрку снял, то тебя за рядового примут? Не выйдет! Я за тебя не хочу отвечать. Я первый скажу, кто ты! Я же знаю, что ты - коммунист и меня агитировал поступить в партию, вот и отвечай за свой дела". На это чей то молодой голос отвечает: "Я всегда подозревал, что ты, Крыжнёв, нехороший человек. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем".

Замолчали они, а мне от их разговора плохо стало. "Нет, - думаю, - не дам я тебе подлецу выдать

своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вынесут тебя!" Под утро, когда стало светлее - вижу: рядом со мной лежит молодой здоровый парень, а около него сидит в одной рубашке худенький и очень бледный парнишка. "Ну, - думаю, - ничего не сделает этот парнишка с этим толстым парнем. Придется мне его кончать!"

Тронул я его рукой, спрашиваю шепотом: "Ты - командир взвода?" Он ничего не ответил, только головой кивнул. "Этот хочет тебя выдать?" - показал я на толстого парня. Он опять кивнул головой. "Ну, - говорю, - держи ему ноги, да смотри, чтобы не двигался!" - а сам я упал на этого парня и начал душить его. Он и крикнуть не успел, как всё было кончено.

После этого мне стало очень плохо и страшно захотелось руки помыть, как будто я не человека, а змею задушил ... Первый раз в жизни убил, и то своего ... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал я и говорю взводному командиру: "Пойдем отсюда, товарищ, церковь большая".

Утром всех нас выстроили около церкви, окружили автоматчиками и трое эсэсовских офицеров начали искать среди нас коммунистов, командиров и комиссаров. Но таких не оказалось. Взяли только четырех из двухсот человек. Одного еврея и трех русских

рядовых. Русских взяли потому, что все были чёрные с курчавыми волосами. Вот подходят к такому и спрашивают: "Юде?" Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят: "Выходи!" — всё. Расстреляли их бедных, а нас погнали дальше в Познань.

Видишь, какое дело, браток, ещё с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. А в Познанском лагере такой случай нашёлся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, — много тогда людей умерло от дизентерии. Рёю я тогда познанскую землю, а сам смотрю кругом.

Вскоре я заметил, что двое наших охранников сели поесть, а третий заснул на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошёл за куст ... А потом побежал прямо на восход солнца ...

За пёрвые сўтки я прошёл почти сброк киломётров. Тóлько ничегó из этóго у меня не вы́шло: на четвёртые сўтки, когда я ужé был далекó от проклýтого ла́герь, поймáли меня. Собáки шли по моему́ слéду, онí меня и нашлí.

На двух мотоци́клах подъéхали нёмцы. Снача́ла онí меня бíли, а потóм пустил на меня собак. В ла́герь меня привезлí гóлого и всего́ в кровí. Мёсяц я отси-дёл в кáрцере за побéг, но всё-таки живóй ... живóй я остáлся!

Тяжелó мне, братóк, вспоминáть, а ещё тяжелее рассказывать о том, что пришлóсь мне пережить в плену́. Как вспомнишь всех друзéй — товáрищей, погíбших в лагеря́х Гермáнии, так тяжелó на сёрдце стáнет.

Куда́ меня́ тóлько не возíли за два гóда плéна! Половíну Гермáнии объéхал за этó вре́мя: и в Саксо́нии на заво́де рабóтал, и в Ру́рской óбласти на уголь-ной ша́хте, и в Бавáрии на земляны́х рабóтах мучился, и в Тюрингии побывáл и чёрт те где тóлько не приш-лóсь по нёмцкой земле́ походíть. Прирóда вездé там, братóк, рáзная, но стреля́ли и бíли нас вездé одина́ково. И кулакáми бíли, и ногáми, и резíновыми пáлками ... Бíли за то, что ты рýсский. Бíли за то, что не так на них смóтришь, что не так хóдишь, не так по-ворáчиваешься ...

Кормили вездé одинаково: полтора́ста грамм эрза́ц-хле́ба и жидкий суп. Кипято́к — где дава́ли, а где нет. Да что там говори́ть, суди́ сам: до война́ ве́сил я во́семьдесят шесть килогра́мм, а к о́сени уже́ не бо́льше пяти́десяти. А рабо́ту дава́ли такую́, что и ло́шади тяжёло бы́ло бы.

Глава́ 6

В нача́ле сентября́ из ла́герьа под Кю́стрином перебро́сили нас, сто со́рок два челове́ка советских во́еннопле́нных, в ла́герь В-14, недале́ко от Дре́здена. В э́то вре́мя в э́том ла́гере бы́ло о́коло двух ты́сяч на́ших. Все рабо́тали в каменоло́мне. Но́рма — четы́ре кубо-ме́тра в день на челове́ка, — заме́ть, на тако́го чело-ве́ка, кото́рый едва́ на нога́х стои́т. Че́рез два ме́сяца от ста сорока́ двух челове́к на́шего эшело́на оста́лось пяти́деся́т семь.

Как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день шёл дождь. Все мы были мокрые и голодные. Снял я с себя мокрую одежду и говорю: "Немцам четыре кубометра надо, а на могилу каждому из нас и одного много". Какой-то подлец из военнопленных донёс об этом коменданту лагеря.

Комендантом лагеря был у нас немец Миллер. Невысокого роста и весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы. По-русски говорил он прекрасно, но как человек был очень плохой. Проходя мимо строя военнопленных, он бил каждого второго в нос, кровь пускал. Это он называл "профилактикой от простуды". И так каждый день.

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня к себе.

Попрощался я с товарищами — все они знали, что на смерть иду, — и пошёл.

В канцелярии коменданта, за большим столом, сидело всё лагерное начальство. Все пили водку (шнапс) и закусывали. Прямо передо мной вижу сидит Мюллер, пистолетом играет, а сам смотрит на меня. Ну, я стою смиренно и громко докладываю: "Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился". Он спрашивает меня: "Так что же, Иван, четыре кубометра — это много?" — "Так точно, — говорю, герр

коменд́ант, вполне хва́тит и да́же оста́нется".

Он встал и говори́т: "Я тебе́ сде́лаю большо́ую честь — сейча́с лично́ расстреля́ю тебя́ за э́ти слова́. Здесь неудобно́ — пойдём во двор". — "Как прика́жете", — говори́ю я. Он постоя́л, подумал, а пото́м бро́сил пистоле́т на стол и налива́ет по́лный стака́н во́дки, кусо́чек хле́ба с са́лом взял и всё э́то подаёт мне и говори́т: "Пе́ред сме́ртью ви́пей, Ива́н, за побе́ду немецкого́ ору́жия".

Как то́лько я услы́шал э́ти слова́, поста́вил я стака́н на стол, заку́ску положи́л и говори́ю: "Спаси́бо, герр коменд́ант, но я не пью". Он улыба́ется. "Не хо́чешь пить за на́шу побе́ду? В тако́м слúчае ви́пей за свою́ сме́рть". А что мне бы́ло теря́ть? "За э́то я ви́пью", — говори́ю ему́. Затём взял стака́н и срáзу ви́пил, а заку́ску не трóнул. "Спаси́бо, герр коменд́ант, пойдёмте, расстреля́йте меня́".

Но он смóтрит внимáтельно так и говори́т: "Ты хоть закуси́ пе́ред сме́ртью". Я ему́ на э́то отвеча́ю: "Я по́сле пе́рвого стака́на не заку́сываю". Налива́ет он второ́й, подаёт мне. Ви́пил я и второ́й и о́пять же заку́ску не трóгаю: "Хоть напью́сь пе́ред тем, как на двор иди́ти". А коменд́ант смóтрит на меня́ и спраши́вает: "Что же ты, Ива́н, всё пьёшь, а не заку́сываешь? Не бо́йся! Ешь!". А я ему́ о́пять говори́ю:

"Извините, герр комендánt, я и после второго стака́на не привык закусывать". Миллер вдруг начал смеяться и что-то начал быстро говорить по-немецки - видно, переводит мои слова своим друзьям. Те тоже засмеялись и уже, замечаю, как-то иначе на меня смотрят, не так строго.

Наливает мне комендánt третий стака́н. Этот стака́н я пил не торопясь. Выпив, я откусил маленький кусочек хлеба, а остаток положил на стол. Захотелось мне им, фашистам, показать, что хотя я и умираю с голоду, но их еду я есть не собираюсь.

После этого комендánt стал серьезный, вышел из-за стола и говорит: "Вот что, Соколов, ты - настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я - тоже солдат и поэтому я тебя не расстреляю. К тому же сегодня у нас большой праздник - наши войска́ взяли Сталинград. Это для нас большая радость, а поэтому я дарю тебе жизнь. Ступай в свой бара́к, а это тебе за храбрость", - и подаёт мне со стола небольшой хлеб и кусок сала.

И на этот раз смерть прошла мимо меня.

Глава 7

Вскоре перебросили нас, человек триста самых здоровых, в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до 1944 года. К этому времени немцы уже начали

проигрывать войну и стали лучше относиться к военнопленным. Как-то построили нас, всю дневную смену, и какой-то немецкий офицер говорит через переводчика: "Кто служил в армии или до войны работал шофёром, — шаг вперёд". Вышло нас семь человек. Дали нам старую рабочую одежду и послали под охраной в город Потсдам.

Меня там назначили работать в "Тодте" — учреждении по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на машине "Опель-адмирал" немца инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Целый день, бывало, ест, да коньяк пьёт. Кое-когда и мне кусочек давал: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в хорошем настроении, — и мне кусок бросит, как собаке. В руки никогда не давал, всё бросал. С лагерем такую

жизнь не сравнить, и стал я понемногу поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я совсем спать перестал: все ночи думал, как бы мне к своим, на Родину, сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. Рано утром услышал я в первый раз за два года, как стреляет наша артиллерия и, знаешь, браток, как сердце забилось? Бои шли восточнее Полоцка, уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе очень нервными стали, а мой майор всё чаще выпивать стал. Днём со мной ездит, а ночью один пьёт.

"Ну, - думаю, - ждать больше нечего, пришёл мой час! И надо мне не одному бежать, а и майора с собой взять, нашим он нужен будет!" За два дня перед тем, как я от немцев бежал, наполнил я бак бензином и еду домой, вижу - идёт пьяный немецкий сержант. Остановил я машину, отвёл немца в разбитый дом и снял с него форму. Положил я её в машину под сиденье и быстро уехал.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет. Ехал я

б́ыстро, но за гóродом сбáвил газ, потóм останóвил маш́ину, в́ышел и посмотрél кругóм — никогó. Взял я кáмень и удáрил майóра два рáза по головé, но убивáть до смérти не хотél. Мне егó живóго нáдо б́ыло достáвить, — он нáшим мнóго кóе-чегó дóлжен был рассказáть. Пистолét майóра я полож́ил себé в кармáн, надéл немéцкую фóрму и б́ыстро поéхал прýмо тудá, где бой шёл.

Немéцкий перéдний край оборóны тяну́лся мéжду двумя́ дзóтами. Из одного́ дзóта в́ыбежали автомáтки, и я нарóчно поéхал мéдленнее, чтóбы он́и в́идели, что майóр éдет. Но он́и нáчали кричáть, что дáльше нельз́я éхать. Я сдéлал вид, что не понимáю, и б́ыстро поéхал вперéд. Покá он́и пóняли в чéм дéло и нáчали стрелáть из пулемéтов, я ужé на ничьéй землé был. С однóй сторóны нёмцы стрелáют, а с другóй — свой. Стеклó и радиáтор проб́или ... Но вот ужé лес над óзером, нáши бегúт к маш́ине, а я маш́ину останóвил, дверь откр́ил, упáл на зéмлю и целúю её, и дышáть мне нéчем ...

Снáчáла нáши подúмали, что я нёмец, но я снял с себ́я немéцкую фóрму и говорú им: "Какóй же я нёмец, когдá я настоя́щий рúсский?! В пленú я был, вот и всё. А сейчáс вед́ите меня́ и этóго тóлстого нёмца к вáшему команд́иру".

Меня сразу допросили, выдали новое обмундирование, а вечером отвели к полковнику — командиру дивизии. Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит:

"Спасибо тебе, солдат, за дорогой подарок, который ты привез от немцев. Твой майор с портфелем нам доруже двадцати военнопленных. Немедленно же представляю тебя к правительственной награде". Мне так стало тепло от его ласки, но от волнения я смог только сказать: "Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в строевую часть".

Но полковник засмеялся и сказал: "Какой из тебя боец, если ты едва на ногах стоишь? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Полежи там, а когда поправишься, — на месяц в отпуск к семье съездишь, а потом посмотрим, что будем с тобой делать".

И полковник, и все офицеры, какие у него были, попрощались со мной за руку, и вышел я довольный и счастливый, потому что за два года не видел я хорошего человеческого обращения.

Глава 8

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал всё коротко, как было в плену, как бежал вместе с немецким майором, и даже о награде написал. Две недели спал и ел. Кормили меня понемногу, но часто, иначе, как сказал доктор, я мог бы умереть, если бы сразу начал много есть.

Долго я ждал, но ответа из дому не было. И стало мне очень тяжело ... На третьей неделе получаю я письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай Бог никому таких писем получать! Сообщает он, что ещё в июне сборок второго года немцы бомбили авиазавод, и одна тяжёлая бомба попала прямо в мой дом. Ирина и дочери как раз были дома ... Ну, пишет, что их не нашли, а вместо дома — глубокая яма ... Не дочитал я в этот раз письма до конца. Плохо мне стало. Лёг я на кровать; немного полежал, а потом дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером пришёл домой, посмотрел на яму и ночью опять ушёл в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и всё.

Когда мне легче стало, вспомнил я, как тяжело расставалась со мной моя Ирина на вокзале ... Была семья, свой дом, всё это создавалось годами, а теперь

остался один я.

Рассказчик на минуту замолчал, а потом сказал уже другим, тихим голосом:

- Давай, браток, закурим, а то мне что-то плохо.

Мы закурили и долго сидели тихо, не разговаривая. Молчать было тяжело и я спросил:

- Что же дальше?

- Дальше-то? - нехотя отозвался рассказчик. -

Дальше я получил от полковника месячный отпуск. Через неделю был уже в Воронеже. Пешком дошел до места, где когда-то с семьей жил. Глубокая яма была полна водой, кругом трава и тишина, как на кладбище. Ох, и тяжело же мне было, браток! Постоял я там немного и опять пошел на вокзал. В этот же день уехал я обратно в дивизию.

Неожиданно, через месяца три, нашлся Анатолий. Прислал мне письмо на фронт. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Попал он сначала в

артиллерийское училище. Окончил его с отличием, пошёл на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей, имеет шесть орденов и медали. Очень я этому обрадовался. Что ни говори, а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не шутка! И начал я по ночам мечтать: как война кончится, как я сына женю и сам при них жить буду, работать и с внуками играть. Но и тут ничего не вышло. Зимой мы всё время наступали, и часто писать друг другу было невозможно. К концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмо, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице в одно и то же время, только разными дорогами. С нетерпением начал я ждать нашей встречи. Ну, вот и встретились ... Точно, девятого мая утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер ...

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Смотрю, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошёл в комнату, а подполковник встал, подошёл ко мне и говорит: "Будь храбрым, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдём со мной!"

Когда я услышал это, у меня закружилась голова, и я чуть не упал. Не помню, как мы доехали. Помню только солдатский строй и гроб.

Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой — был всегда улыбающийся, худой мальчик, а тут лежит молодой, красивый мужчина ... Поцеловал я его и отошёл в сторону. Подполковник речь сказал. Товарищи — друзья моего Анатолия слёзы вытирают, а у меня даже и слёз не осталось.

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду ... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут скоро меня демобилизовали. Куда идти? В Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой друг, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск.

Глава 9

У моего приятеля и у его жены не было детей, жили они в собственном домике на краю города. Он хотя и был инвалид, но работал шофёром в автороте; устроился и я туда же. Они меня хорошо приняли, и стал я у них жить. Разные грузы перевозили мы в районы, а осенью возили хлеб. В это время я и познакомился с моим новым сыном, вот с этим, который в песке играет.

Из рѣйса, бывало, вернёшься в гóрод, пойдёшь пѣрвым дѣлом в столовую поѣсть чегó-нибудь, ну, конечно, и вóдки выпить. Надо сказать, что пил я тогда много. И вот один раз вижу вóзле столовой э́того ма́льчика, на друго́й день — опять вижу. Ма́ленький такой, лицó грязное, одѣт плóхо, а глаза́ больш́ие, как звёздочки. И до того́ он мне понравился, что я без него́ скуча́ть нача́л, спешу́ домо́й из ка́ждого рѣйса, что́бы поскорее его́ уви́деть. О́коло столовой он и ел, кто что даст.

На четвёртый день прѣмо из совхóза подъезжаю к столовой. Мальчи́шка мой там, сидит и ждѣт, что́бы кто́-нибудь поѣсть дал. Открѣл я окнó в маши́не и кричу́: "Эй, Ваню́ша! Садись скорее ко мне в маши́ну, поѣдем на элевáтор, а оттúда вернёмся сюда́, пообе́даем". Он б́стро прибежа́л, сел в маши́ну и говорит: "А вы отку́да зна́ете, дядя, что меня́ Ва́ней зову́т?" Глаза́ больш́ие широко́ откры́ты, ждѣт, что я ему́ отве́чу. Ну, я ему́ говорю́, что я всё знаю́.

Через некоторое время я его спрашиваю: "Где же твой отец, Ваня?" А он шепчет: "Погиб на фронте" - "А мама?" - "Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали". - "А откуда вы ехали?" - "Не знаю, не помню..." - "И никого у тебя тут из родственников нет?" - "Никого". - "Где же ты спишь?" - "Где придется".

Как услышал я всё это, мне так больно стало, что решил я его своим сыном сделать. И сразу у меня на душе так хорошо стало. Наклонился я к нему и спрашиваю: "Ванюша, а ты знаешь, кто я такой?" А он шепчет: "Кто?" Я ему и говорю: "Я твой отец".

Боже мой, что тут случилось! Начал он меня целовать и в шею, и в щеки, и в губы, и в лоб, а сам всё кричит: "Папенька мой дорогой! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь!" А у меня в глазах туман и руки трясутся. Так разволновался, что даже в канаву въехал. Постоял я так минут пять, а потом вместо того чтобы ехать на эlevator, повернул машину и поехал на свою квартиру.

Оставил я машину у ворот. Взял его на руки и понёс в дом. Хозяин с хозяйкой были дома. Вошёл я, моргаю обоими глазами, и быстро говорю: "Вот и нашёл я своего Ванюшу!"

Хозяева сразу поняли в чём дело. Вымыл я Ване руки и посадил за стол. Хозяйка ему супу в тарелку налила. Увидев, как он быстро ест суп, хозяйка заплакала. Ванюша мой увидел, что она плачет, подбежал к ней и говорит: "Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле столовой, тут всем радоваться надо, а вы плачете!"

После обеда повёл я Ваню в парикмахерскую, постриг, а потом купил ему в городе одежду.

Вечером я лёг вместе с ним спать и в первый раз за долгое время уснул спокойно.

Первое время Ваня со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так нельзя. Одному мне что надо? Кусок хлеба и лука с солью — вот и сыт солдат на целый день. А с ним дело другое: то молока ему надо достать, то чего-нибудь горячего. Оставил я его дома с хозяйкой. Но он долго не выдержал, убежал вечером на эlevator встречать меня. До поздней ночи ожидал там.

Один раз легли мы спать рано — днём я много работал и очень устал. Ваня всегда любил поговорить,

а тут что-то лежйт и молчйт. Спрашиваю: "Ты о чём думаеть, сынók?" А он меня спрашивает, сам в потолók смóтрит: "Папа, где твоё кожаное пальтó?" В жйзни у меня никогдá кожаного пальтó нé было! Пришлóсь что-то бйстро придуматъ. "В Ворóнеже остáлось", - говорю я ему. "А почему ты так дóлго меня искал?" Отвечáю ему: "Я тебя, сынók, и в Гермáнии искал, и в Пóльше, и всю Белорýссию прошёл и проёхал, а ты в Урjúпинске оказáлся". "А Урjúпинск бльже к Гермáнии? А до Пóльши далеко́ от нáшего дóма?" Так и разговáривали с ним, пока́ не засну́ли.

А что ты думаеть, братók, почему ёто он меня про кожаное пальтó спрашивал? Знáчит, когдá-то настóящий отёц носйл такóе пальтó, вот он и запóмнил.

В Урjúпинске мы прóжили до ноябрá. В ноябрé случйлось несчáстье: в однóм колхóзе занесло́ мою машину, и я удáрил корóву. Ну, извёстное дéло, бáбы нáчали кричáть, собрался нарóд, и автоинспéктор появлýлся. Корóва встáла и пошла́ дáльше, как бóдто бы ничегó не случйлось, а у меня отобрáли шофёрскую книжку.

Зйму я прорабóтал плóтником, а потóм написáл письмó приятелю - шофёру в Кашáрский райóн. Приятель меня́ пригласыл к себе́. Пйшет, что сначáла

поработаешь полгода плотником, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сыном и идём пешком в Кашары.

Даже если бы у меня и не случилось этой аварии с коровой, я всё равно бы скоро ушёл из Урюпинска. Не могу я долго жить на одном месте. Вот когда Ванюшу надо будет в школу отдавать, тогда другое дело — придётся жить на одном месте. А сейчас пока ходим мы с ним по русской земле.

— Тяжело ему ходить, — сказал я.

— Так он совсем на своих ногах не ходит, всё больше на мне ездит.

Всё это, браток, ничего, да вот сердце у меня что-то плохое стало. Иногда так болит, что в глазах темно становится. Боюсь, что когда-нибудь умру во сне и напугаю своего сынишку.

В лесу послышался голос моего товарища.

Чужой, но ставший мне близким человек встал, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку и сказал:

— Прощай, браток, всего хорошего!

— И тебе тоже, счастливого пути!

— Спасибо.

Отец позвал сына, взял его за руку, и они пошли по направлению к лодке.

Долго я смотрел им вслед, и так тяжело было у
меня на сердце.

СЛОВАРЬ К РАССКАЗУ "СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА"

Глава 1

<u>дуть</u> подуть	to blow
<u>разли́ваться</u> разлиться	to overflow
ста́ница	large cossack village
бри́чка	carriage
колесó	wheel
<u>провáливаться</u> провалиться	to fall through
перепра́ва	crossing
<u>покрывáть</u> покрыть	to cover (distance)
<u>помещáться</u> поместиться	to be accommodated, be placed
<u>отпуска́ть</u> отпустить	to let go, dismiss
<u>вычёрпывать</u> вычерпнуть	to scoop out
ху́тор	cossack farm
огорчéние	grief
мо́крый, -ая, -ое, -ые	wet
<u>размока́ть</u> размокнуть	to get sodden, get soaked
по по́яс	waist high
<u>облива́ть</u> облить	to drench

<u>раскла́дывать</u> разло́жить	to spread out, lay out
<u>высыха́ть</u> высохну́ть	to dry out
<u>пожима́ть</u> пожа́ть	to shake, press
протяну́ть ру́ку	to stretch out one's hand
<u>накло́няться</u> накло́ниться	to bend forward (to)
сме́ло	boldly, bravely
ката́ть снежки́	to roll (to play) snowballs
вещево́й мешо́к	duffel bag
беда́	trouble
<u>разуве́рять</u> разуве́рить	to dissuade
загора́ть	to take a sun-bath
ше́лк	silk
кисе́т	tobacco pouch
<u>разве́ртывать</u> разверну́ть	to unfold
<u>опережа́ть</u> опередить	to outstrip
<u>го́рбиться</u> сго́рбиться	to stoop, become bent
Мне ста́ло не по себе́.	I began to feel uneasy.
собесе́дник	companion (in conversation)
Но́ги не промо́чай!	Don't get your feet wet!

Глава 2

<u>рассмáтривать</u> <u>рассмотреть</u>	to examine, look
расчёт	calculation
шерсть (f.)	wool
вы́глядеть	to appear, look
<u>што́пать</u> <u>зашто́пать</u>	to mend
ва́тник	quilted jacket
вдовёц	widower
уроже́нец	native
плóтник	carpenter
слéсарь	metal craftsman/worker
сирота́	orphan
<u>отража́ться</u> <u>отразиться</u>	to have an effect (on), affect
<u>отходи́ть</u> <u>отойти</u>	to come to oneself, recover
<u>обнима́ть</u> <u>обнять</u>	to embrace
<u>увлека́ться</u> <u>увлечься</u>	to take great interest, be carried away
горди́ться	to be proud
<u>копи́ть</u> <u>скопить</u>	to save money
кладова́я	pantry, storeroom
коза́ (gen.pl. коз)	(she) goat
<u>обува́ть</u> <u>обуть</u> (PPP - обут, -а, -ы)	to provide with shoes, boots

отводи́ть
отвести́ to allot

скла́дываться
сложиться to be formed

Глава́ 3

пове́стка draft notice

военкома́т (вое́нный
комиссари́ат) draft board

провожа́ть
проводить to see off

держáться to restrain oneself

совме́стная жизнь life together

распуха́ть
распухнуть to swell up

выбива́ться
выбиться to get out, come out

му́тный, -ая, -ое, -не turbid, troubled

поса́дка boarding

прижима́ться
прижа́ться to press oneself (to)

Возьми́ же себя́ в ру́ки! Take hold of yourself!

всхлипы́вать
всхлипнуть to sob

разрыва́ться
разорва́ться to break

расстава́ться
расста́ться to part (with)

отта́лкивать
оттолкну́ть to push away

за́живо while alive

<u>обрыва́ть</u> оборва́ть	to break off
зарыда́ть	to begin to sob
ме́ртвый, -ая, -ое, -ые	lifeless, dead
<u>склоня́ть</u> склони́ть	to bend
безво́льно	lifelessly, weakly
<u>опуска́ть</u> опусти́ть	to drop, drop down
ме́лко дрожа́ть	to quiver
подборо́док	chin
губа́	lip
уси́лие	effort
во́ля	will
поборо́ть	to subdue
охри́пший, -ая, -ее, -ие	hoarse
<u>пыта́ться</u> попыта́ться	to try
<u>свёртыва́ть</u> сверну́ть	to roll up
рва́ться	to be torn
сы́паться	to pour
коле́но (рl. колéни)	knee
жа́дно жа́дный, -ая, -ое, -ые	greedily greedy
<u>затя́гиваться</u> затяну́ться	to inhale (smoke)
ладо́нь (f.)	palm

<u>вскáкивать</u> вскочíть	to jump (into)
<u>шагáть</u> шагнúть	to step
тупóй, -áя, -óе, -íе	dull
рéзать	to cut
<u>Глава́ 4</u>	
фóрмировáть	to form, organize
<u>собирáться</u> с сíлами <u>собрáться</u>	to summon one's strength
пу́ля	bullet
проскочíть	to get through
<u>нагружáть</u> <u>нагрузíть</u>	to load
Дуй!	Go! (slang)
Жми на газ!	Step on gas!
осторóжность (f.)	caution
<u>разрывáться</u> <u>разорвáться</u>	to explode
<u>лóпаться</u> <u>лóпнуть</u>	to burst
очнúться	to regain consciousness
тéло	body
качáться	to reel from side to side
бúря	storm
опóмниться	to come to one's senses, collect oneself
<u>осмáтривáться</u> <u>осмотрéться</u>	look about (round)

как слéдует	well, properly
<u>сжимáть</u> сжать	to squeeze
У меня́ но́ги подкó- сѣлись.	My legs went limp on me.
сворáчивать с доро́ги	to swing off the road
коро́ткая о́чередь (f.)	short burst
поперёк	across
цѣлиться	to aim
му́скул	muscle
сапоги́	boots
<u>подхва́тывать</u> подхва́тить	to catch
<u>поспева́ть</u> поспéть	to keep up with
<u>пристрéливать</u> пристрелить	to shoot, kill
солóма	straw
гимнастёрка	field shirt (blouse)
шинéль (f.)	overcoat (military)
кѣтель	uniform blouse
<u>отличáть</u> отличить	to distinguish
поли́ть	begin to pour
промо́кнуть	to get wet, soaked
<u>щупáть</u> пощупать	to feel, touch
плечó	shoulder

искра	spark
<u>тяну́ть</u> потяну́ть	to pull
вы́вихнуть	to dislocate

Глава́ 5

ужа́сный, -ая, -ое, -ые	dreadful
<u>выпуска́ть</u> вы́пустить	to let out
вполго́лоса	in a low voice
евре́й (gen.p1. еврее́в)	Jew
<u>пря́таться</u> спря́таться	to hide, conceal oneself
<u>принимáть</u> приня́ть	to accept, receive
подозрева́ть	to suspect
предáтель	traitor, betrayer
подле́ц	scoundrel
<u>выдава́ть</u> вы́дать	to betray
па́рень (парни́шка)	guy, fellow
ше́пот	whisper
<u>кива́ть</u> кивну́ть	to nod
<u>души́ть</u> задуши́ть	to strangle
змея́	snake
<u>выстра́ивать</u> вы́строить	to form, line up

<u>о́кружа́ть</u> о́кружи́ть	to surround
ку́рча́вый, ' -ая, ' -ое, ' -ые	curly
<u>гна́ть</u> погна́ть	to drive on
наверня́ка	for sure
ры́ть	to dig
моги́ла	grave
дизенте́рия	dysentery
охра́нник	guard
отси́деть	to stay, serve one's time in jail
ка́рцер	solitary cell
побе́г	escape, flight
<u>пережива́ть</u> пережи́ть	to live through, experience, suffer
ша́хта	mine
му́читься	to suffer, worry, feel unhappy
кула́к	fist
рези́новый, ' -ая, ' -ое, ' -ые	rubber
па́лка	stick
<u>повора́чиваться</u> поверну́ться	to turn (round)
э́рза́ц-хлеб	artificial bread
жи́дкий, ' -ая, ' -ое, ' -ие	thin, watery, liquid
кипято́к	boiling water

Глава 6

<u>перебрасывать</u> перебросить	to transfer
каменоло́мня	quarry
но́рма	quota
кубоме́тр	cubic meter
бровь (f.)	eyebrow
ресни́ца	eyelash
профи́лактика	preventive inspection, prophylaxis
<u>закусывать</u> закусить	to have a snack
заку́ска	hors d'oeuvre, snack, appetizer
честь (f.)	honor
<u>напиваться</u> напиться	to get drunk
<u>откусывать</u> откусить	to bite off
оста́ток	remainder, rest

Глава 7

вско́ре	soon, shortly after
дневна́я сме́на	day shift
учрежде́ние	institution, establishment, firm
строи́тельство	building, construction
соору́жение	structure, construction
чин (зва́ние)	rank
<u>поправля́ться</u> попра́виться	to get well, recover

рубéж	line
заб́иться	to begin to beat
<u>наполня́ть</u> <u>напо́лнить</u>	to fill
разб́итый, '-ая, '-ое, '-ые	demolished, broken
укреплéние	fortification
дрема́ть	to doze
<u>сбавля́ть</u> газ <u>сба́вить</u>	to reduce speed
дзот	earth and timber pillbox
<u>представля́ть</u> <u>предста́вить</u>	to recommend
ла́ска	kindness
<u>зачисля́ть</u> <u>зачи́слить</u>	to enlist
едва́	barely, hardly
челове́ческое обра́щение	human/kind treatment
<u>Глава́ 8</u>	
я́ма	hole, pit
доброво́лец	volunteer
<u>создава́ться</u> <u>созда́ться</u>	to be created
не́хотя	unwillingly, reluctantly
<u>отзыва́ться</u> <u>отозва́ться</u>	to respond, answer
кла́дбище	cemetery
учи́лище	military school, school

с отлѣчиѣм	with honors
что ни говори́ строй	say what you like formation
гроб	coffin
<u>хоронѣть</u> <u>похоронѣть</u>	to bury
сам не свой	not self

Глава́ 9

рѣйс	trip, run
звѣзда́ (звѣздочка)	star (little star)
губа́	lip
лоб	forehead
шепта́ть	to whisper
морга́ть	to wink, blink
ба́ба	(peasant) woman

